

ИСХОЖДЕНИЕ СВ. ДУХА

И

ВСЕЛЕНСКОЕ
ПЕРВОСВЯЩЕНСТВО.

ИЗДАНИЕ

СЕРГѢЯ АСТАШКОВА.

ФРЕЙБУРГЪ ВЪ БРИЗГАВЪ

У КНИГОПРОДАВЦА Б. ГЕРДЕРА.

1886.

Торговля конторы въ Страсбургѣ, Мюнхенѣ и Сень-Луи Мо.
Вѣна I. Вользейле 33: книжная торговля Б. Гердера.

11-4-
90

~~2787~~
ведь 11/4/20.1

ИСХОЖДЕНИЕ СВ. ДУХА

И

ВСЕЛЕНСКОЕ ПЕРВОСВЯЩЕНСТВО.

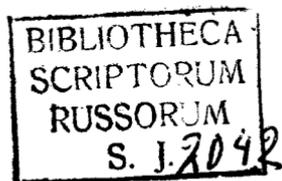
ИСХОЖДЕНИЕ СВ. ДУХА

И

ВСЕЛЕНСКОЕ ПЕРВОСВЯЩЕНСТВО.

ИЗДАНИЕ

СЕРГЪЯ АСТАШКОВА.

36924

ФРЕЙБУРГЪ ВЪ БРИЗГАВЪ

У КНИГОПРОДАВЦА Б. ГЕРДЕРА.

1886.

Торговля конторы въ Страсбургѣ, Мюнхенѣ и Сенъ-Луи Мо.
Вѣна I. Вользейле 33: книжная торговля Б. Гердера.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Послѣ кончины Московскаго Митрополита Макарія, и вслѣдствіе обстоятельствъ, о которыхъ я не считаю себя въ правѣ подробнѣе изъясниться, достались мнѣ нѣсколько рукописей, принадлежавшихъ почившему Іерарху, и между ими предлежащій трактатъ: О исхожденіи Св. Духа и о Вселенскомъ Первосвященствѣ.

Бумаги эти хранились у меня уже нѣсколько лѣтъ, когда въ бытность мою въ Кіевѣ въ исходѣ 1884 г. совершенно случайно попался мнѣ въ руки другой экземпляръ той же самой рукописи, — но очевидно уже позднѣйшей редакціи, — къ которому, между прочими незначительными вариантами, было приложено въ видѣ посвященія письмо къ какой-то, по видимому высокопоставленной, но къ сожалѣнію неизвѣстной мнѣ духовной Особѣ. Уже дó того, мнѣ неоднократно приходило на мысль ознакомить православную публику съ хранящимся у меня, и въ нѣкоторомъ смыслѣ далеко не лишенымъ интереса произведеніемъ, безыменнаго — какъ онъ самъ себя нарекаетъ — контроверсиста. Разъ убѣдившись, что рукопись его уже преступила, помимо моего содѣйствія, за предѣлы замкнутой частной собственности, мнѣ показалось не только весьма желательнымъ, но даже полезнымъ сдѣлать её еще болѣе доступною общественной критикѣ посредствомъ печати. Но къ сожалѣнію, вопреки всѣмъ стараніямъ моимъ, непреодолимыя для меня препятствія не дозволили мнѣ исполнить свое намѣреніе собственно въ Россіи. Вотъ причина, которая заставила меня по неволѣ обратиться къ содѣйствію иностранныхъ издателей. Понятно, что русская книга, напечатанная въ чужихъ краяхъ, за отсутствіемъ издателя и внѣ всякаго научнаго и даже мате-

ріального контролю, должна по необходимости изобиловать погрѣшностями, ошибками и опечатками. Но что же мнѣ было дѣлать? Оставалось только покориться необходимости. Полагаю, что послѣ сказаннаго мнѣ дозволено будетъ отклонить отъ себя всякую отвѣтственность по этому поводу. Единственная цѣль моя была вызвать, со стороны тѣхъ кому подобаетъ, дѣльный и основательный отвѣтъ на дерзкую и обидную критику всего нашего церковнаго православнаго ученія. Въ полномъ убѣжденіи, что честная цѣль будетъ конечно достигнута, откровенно сознаюсь, что я совершенно равнодушно буду относиться за тѣмъ къ безобразному даже воспроизведенію пожертвованной мною на публичное изобличеніе подпольной, но на мой взглядъ, тѣмъ болѣе зловредной рукописи.

Одесса, 13го Іюля 1885 г.

Сергѣй Асташковъ.

Оглавление.

Стр.

Посвященіе	1
----------------------	---

Исхождение Св. Духа.

Историческое изложение вопроса	3
Предложеніе первое: о исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына	6
Доказательства изъ Писанія	6
„ изъ ученія Западной Церкви	7
„ изъ ученія самой Восточной Церкви	8
„ изъ свидѣтельства Св. Отцевъ и учителей Западной Церкви	9
„ изъ свидѣтельства Св. Отцевъ и учителей самой Восточной Церкви	10
„ изъ свидѣтельствъ самихъ еретиковъ и лжеучителей	11
Выводъ изъ всего сказаннаго	13
Возраженія противниковъ и ихъ опроверженіе	14
„ Митрополита Московскаго Макарія, и ихъ опроверженіе	15
„ прочихъ поборниковъ Греко-Россійскаго ученія и ихъ опроверженіе	45
Предложеніе второе; о законности прибавленія частицы <i>filioque</i>	59
Доказательства этой законности	59
Возраженія противниковъ и ихъ опроверженіе	68
Примѣчаніе	71

Вселенское Первосвященство.

Постановка вопроса	74
Предварительныя соображенія	76
I. Главенство Римскаго Первосвященника	88
II. Непогрѣшимость Римскаго Первосвященника	91
§ 1. Доказательства изъ Св. Писанія	94
§ 2. „ изъ церковной исторіи	95
§ 3. „ изъ Св. Отцевъ и Учителей, и въ особенности изъ свидѣтельствъ Греческой и Русской Церкви	97
§ 4. Первое соборное опредѣленіе о главенствѣ Римскаго Первосвященства	108
§ 5. Второе соборное опредѣленіе	110
§ 6. Отношеніе Лютера и Тридентскаго Собора къ вопросу	112
§ 7. Положеніе вопроса до Ватиканскаго вселенскаго Собора	113

	Стр.
III. Ватиканскій вселенскій Соборъ.	
§ 1. Опредѣленіе о непосредственности и вселенствѣ Верховной духовной власти	114
§ 2. Опредѣленіе о ея непогрѣшимости	116
§ 3. Точное значеніе непогрѣшимости	118
§ 4. Существенный смыслъ согласія Вселенской Церкви съ опредѣленіями ея Первосвященника	122
IV. Обычныя возраженія, и ихъ опроверженіе.	123
Заключеніе	133
Заявленіе	138

Высокопреподобный Отец!

Вы мнѣ изъявили желаніе ближе ознакомиться съ ученіемъ Западной Церкви о исхожденіи Св. Духа. Охотно подчинился бы я Вашему дружескому настоянію, если бы обладалъ достаточнымъ запасомъ богословскихъ знаній, для методическаго изложенія этого труднаго вопроса, какъ будто намѣренно запутаннаго, чуждыми его внутреннему значенію страстями.

Но къ сожалѣнію я мірянинъ, и потому, далеко не владѣю достаточнымъ научнымъ матеріаломъ для удовлетворительнаго исполненія такой задачи. Тѣмъ не менѣе, искреннее желаніе угодить Вамъ побудило меня попытаться чистосердечно и безъ всякаго притязанія на доктринерство, изложить для Васъ, хотя и въ самомъ неполномъ и несовершенномъ видѣ богословскую разработку этого предмета по смыслу вселенскаго ученія, на сколько, по крайней мѣрѣ она мнѣ самому извѣстна. Никто болѣе меня не отдаетъ себѣ отчета въ неудовлетворительности моего труда. Я не имѣлъ подъ рукою ни одного изъ приводимыхъ мною авторовъ. Кромѣ того, и по той же причинѣ выписки изъ восточныхъ Отцевъ переведены мною не съ греческихъ подлинниковъ, а съ иностранныхъ переводовъ, конечно по возможности съ лучшихъ.¹⁾ Наконецъ, терминологія западнаго, столь строго опредѣленнаго богословскаго языка, представляла мнѣ для пересадки на русскую почву, такіа непреодолимыя трудности, — вѣроятно по непривычкѣ къ отечественной духовной литературѣ, — что я заранѣе прошу прощенія за всѣ невѣрности выраженія, неточности и вообще за всѣ погрѣшности, которыя,

¹⁾ Уже по окончаніи моего труда, и въ то самое время, когда я собирался отослать Вамъ мою рукопись, удалось мнѣ наконецъ достать греческіе тексты, въ которыхъ я нуждался. Пользуясь благоприятнымъ обстоятельствомъ, я немедленно привелъ ихъ въ подлинникѣ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, къ которымъ каждый изъ нихъ относится.

безъ сомнѣнія, будутъ встрѣчаться на каждой строкѣ неблагодарнаго труда. Короче, я не сдѣлалъ того, что слѣдовало бы сдѣлать, а сдѣлалъ только то, что могъ. Затѣмъ пусть будетъ принята Вами съ искреннею снисходительностію, не менѣе искренняя и незатѣйливая моя попытка.

P. S. Вслѣдъ за обсужденіемъ вопроса о исхожденіи Св. Духа, я счелъ нужнымъ, по причинамъ изложеннымъ ниже, на стр. 69ой, посвятить особую статью другому камню преткновенія, отдѣляющему Церковь Восточную отъ Запада, именно: Приматству Римскаго Первосвященства. Хотя я это сдѣлалъ безъ всякаго на то, съ Вашей стороны приглашенія, надѣюсь однако, что Вы не вмѣните мнѣ въ вину цѣль, которую имѣлъ я въ виду достигнуть, а именно: тѣмъ полнѣйшій обзоръ двухъ единственныхъ предметовъ существеннаго разногласія между обѣими, нѣкогда единовѣрными сестрами.

I.

О исхожденіи Св. Духа.

Относительно исхожденія Св. Духа двойной вопросъ возникъ между Западною и Восточною церквами. Первый и конечно важнѣйшій, касается сущности самаго догмата, второй, второстепенной важности, прибавленія сдѣланнаго чрезъ внесеніе въ Константинопольскій Символь частицы и отъ Сына — *filioque*.

Греками вмѣняется и то, и другое католикамъ въ преступленіе; т. е. и самое исповѣданіе о исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, какъ отъ единаго источника; и также внесеніе въ Символь означенной частицы, вопреки запрету Ефесскаго Собора.

Трудно указать, когда именно возникъ этотъ споръ и кѣмъ былъ впервые возбужденъ. Исторически правдоподобно, что онъ первоначально былъ поднятъ аріанами и македоніанами, или точнѣе, по случаю появленія этихъ ересей, а также по случаю девятой изъ двѣнадцати анаематизмъ Св. Кирилла противъ Несторія, въ которой Святитель учитъ, что Св. Духъ собственный Христу. Въ какомъ смыслѣ эта самая анаематизма была впоследствии ограничена Θεодоритомъ, мы ниже пояснимъ. Споръ о исхожденіи Св. Духа былъ снова возбужденъ, по свидѣтельству Св. Максима Исповѣдника, вслѣдствіе соборнаго посланія Св. Мартина I^о, еретиками моноелитами. Еще разъ возникло преніе о исхожденіи, происками Императора Константина Копронима, потворствовавшаго насиліямъ иконоборцевъ, въ отмщеніе за торжественное осужденіе, произнесенное противъ него Римскимъ престоломъ. Кромѣ того, въ IX столѣтіи Инокъ, поселившіеся на горѣ Элеонской, подверглись также по этой самой причинѣ нападкамъ какаго то монаха, по прозванію Іоанна.¹⁾ Наконецъ

¹⁾ Лекъень I. Дамаск. диссерт. § 16 неопровержимыми хронологическими числами доказываетъ, что этотъ Инокъ ни въ какомъ случаѣ не могъ

Патріархъ Фотій, вслѣдствіе произнесеннаго надъ нимъ приговора Папою Николаемъ I^{мъ} — счелъ удобнымъ опять возбудить этотъ, тогда уже полузабытый вопросъ.

Изъ сказаннаго выведемъ пока одно только заключеніе. Какъ видно, по свидѣтельству исторіи, до Фотія никто въ Греческой Церкви никогда не возставалъ противъ исхожденія Св. Духа отъ Отца и Сына, за исключеніемъ однихъ отъявленныхъ еретиковъ, именно послѣдователей Несторія, а также моноелитовъ и икоборцевъ.

Относительно втораго вопроса, т. е. прибавленія частицы *filioque*, также ничего достовѣрнаго не знаемъ, ни о самомъ времени, ни о виновникѣ этого введенія. Одно исторически несомнѣнно, а именно, что когда Готы, въ 589 г., отказавшись отъ Аріанизма, присоединились въ Толедскомъ Соборѣ къ Вселенской Церкви, уже вошло въ обычай, въ Испаніи и въ другихъ Церквахъ Запада, пѣть за Литургіей Символь вѣры съ прибавленіемъ *filioque*. По немногу обычай распространился по всей Франціи, Германіи и, наконецъ, самой Италіи. Какъ видно, до тѣхъ поръ Римскіе Первосвященники относились, такъ сказать, страдательно, пассивно къ принятому повсемѣстно обычаю. Такъ продолжалось до самыхъ временъ Фотія, и всего правдоподобнѣе, что прибавленіе частицы къ Символу, собственно въ Римской Церкви, должно отнести къ тому только пространству времени, которое заключается между Фотіемъ, и окончательнымъ воспроизводителемъ Церковнаго раскола, Михаиломъ Керруларіемъ, и именно къ тому моменту, когда, вслѣдствіе настоятельной просьбы Императора Генриха, Папа Бенедиктъ VIII^а согласился, хотя и неохотно, на то, чтобы, при торжественныхъ Литургіяхъ, Константинопольскій Символь былъ пѣтъ въ Римскихъ Церквахъ.¹⁾

Извѣстно, что ни Фотій, ни кто-либо другой до того времени, никогда не обвиняли Римскую Церковь въ прибавленіи помянутой частицы, что безъ сомнѣнія не преминули бы сдѣлать, если бы этотъ

былъ Св. Іоаннъ Дамаскинъ, такъ какъ нападки противъ Монаховъ, исповѣдовавшихъ исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына происходили въ 808^{мъ} году и въ слѣдующихъ, между тѣмъ какъ Св. Іоаннъ уже не былъ живымъ, когда созванъ былъ второй Никейскій Соборъ Папою Адріаномъ въ 787^{мъ} году.

¹⁾ Когда по просьбѣ Римскаго Императора Генриха, Папа разрѣшилъ пѣніе за Литургіей, при торжественныхъ случаяхъ, Константинопольскаго Символа въ Римской Церкви, вопреки явному неудовольствію мѣстнаго духовенства, считавшаго этотъ обычай обиднымъ излишествомъ, въ виду признанной непогрѣшимости Апостольскаго первопрестола, то означенный Символь уже начали пѣть, по примѣру прочихъ Западныхъ Церквей, съ прибавленіемъ *filioque*. См. тамъ же § 27.

обычай былъ уже ранѣе принять Римомъ. Вотъ почему первымъ обвинителемъ Римской Церкви по этому поводу, и уже болѣе ста лѣтъ послѣ Фотія, былъ только Михайлъ Керруларій, а затѣмъ Левъ Акриданій, и Никита, прозванный Пекторатомъ.

На вселенскихъ Соборахъ, Лионскомъ и Феррарскомъ или точнѣе Флорентинскомъ, Греки, возвратясь къ вселенскому единству, приняли догматъ о исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, какъ единого источника, и также согласились на внесеніе его въ Символь. Извѣстно, какъ по возвращеніи изъ Собора, большая часть изъ нихъ, преимущественно подъ вліяніемъ дѣятельнаго участія Марка Ефесскаго, къ сожалѣнію опять обратилась къ нарушенію единства.

Феофанъ Прокоповичъ, нѣкогда питомецъ католической Греческой Коллеги въ Римѣ, возвратясь въ отечество, отрекся отъ вселенской вѣры, и будучи назначенъ Архіепископомъ Новгородскимъ, обратилъ противъ Церкви его воспитавшей научное оружіе, которымъ былъ снабженъ ею для ея защиты. Такимъ образомъ, въ своемъ трактатѣ: О исхожденіи Св. Духа. изд. Гот. 1772 г., онъ весьма тщательно собралъ въ одно цѣлое всѣ до толѣ болѣе или менѣе разбросанныя и разъединенныя старыя возраженія, какъ противъ самаго исхожденія Св. Духа отъ Отца и Сына, такъ и противъ внесенной частицы въ Символь, которыя уже давно и неоднократно были, какъ далѣе увидимъ, основательно опровержены.

Наконецъ, въ позднѣйшія времена, защитниками Греко-Россійскаго догмата, явились нѣкоторые именитые члены Русскаго Духовенства, между коими Митрополиты Московскіе Филаретъ и Макарій, — въ особенности же послѣдній, — занимаютъ самое выдающееся мѣсто. Разборомъ ихъ возраженій мы займемся въ свое время, съ подобающимъ вниманіемъ.

Послѣ этого краткаго введенія и нагляднаго обзора положенія вопроса, мы удобнѣе можемъ вникнуть въ сущность самаго догмата, и тверже установить: 1) Истину вселенскаго¹⁾ ученія

¹⁾ Необходимо предупредить, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, что я считаю болѣе удобнымъ постоянно выражать греческое слово каеолическій, русскимъ словомъ вселенскій. Во первыхъ, переводъ буквальный; во вторыхъ, онъ болѣе понятенъ и нагляденъ для всѣхъ; въ третьихъ, онъ исключаетъ возможность всякаго спора, такъ какъ относится къ факту чисто матеріальному. Дѣйствительно всякій можетъ домогаться въ пользу своей церкви какого угодно наименованія, выражающаго духовное свойство. Такъ, намъ извѣстны Церкви Евангелическія, Апостольскія, Православныя, Епископальныя, Святыя, Божественныя и пр. и пр. Но не всегда согласны иновѣрцы призна-

2) Неотъемлемое право, принадлежащее Церкви включать въ Символь изложеніе своей вѣры, когда имѣеть на то уважительныя причины.

И такъ, пусть будетъ

Предложеніе первое: Духъ святыи исходитъ отъ Отца и Сына.

Это предложеніе существенно относится до вѣры, какъ явствуетъ изъ постановленій двухъ вселенскихъ Соборовъ, Лионскаго втораго при Папѣ Григоріѣ X^{мъ} и Флорентинскаго при Евгеніѣ IV^{мъ}. Первымъ, опредѣлено слѣдующее исповѣданіе вѣры:

Вѣруемъ и во Св. Духа исходящаго отъ Отца и Сына; вторымъ: Опредѣляемъ что Св. Духъ всевѣчно отъ Отца и Сына, какъ отъ единаго источника, и единымъ дыханіемъ (*spiratio*) исходитъ.¹⁾

Истину этого догмата нетрудно доказать во первыхъ изъ Писанія. По свидѣтельству Іоанна: XVI, 13 и слѣд. Христось говоритъ о Духѣ Святомъ: Егда же придетъ Онъ Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину: не отъ Себе бо глаголати имать, но елика аще услышитъ глаголати имать, и грядущая возвѣститъ вамъ. **Вся елика имать Отець, Моя суть: сего ради рѣчь, яко отъ Моего приметъ и возвѣститъ вамъ.** Изъ этихъ словъ необходимо истекаетъ слѣдующее заключеніе. Когда рѣчь идетъ о Божествѣ, необходимо должно признать происходящимъ равнымъ образомъ какъ отъ Отца, такъ и отъ Сына, т. е. какъ отъ единаго источника, и начала Того, Кто беретъ отъ Сына, и беретъ потому, именно, что Сынъ имѣеть всё сообща съ Отцемъ, общимъ

вать за ними право на таковыя названія. О выраженіи же: „вселенская“ никакой споръ немислимъ, ибо оно одно означаетъ свойство чисто Географическое, слѣдов. очевидное. И такъ, если Церковь распространена по всей вселенной безъ исключенія, и распространена, не только въ единичныхъ личностяхъ, но въ органическихъ члененіяхъ церковныхъ обществъ, приходъ, епархій, постоянныхъ и временныхъ миссій и т. п., она очевидно не именуется только, а есть — церковь вселенская. Если же она подъ эти условія не подходитъ, то не менѣе очевидно, что она Церковь не вселенская, какъ бы впрочемъ сама не называлась. Но Церковь Каѳолическая одна въ мірѣ обладаетъ означенными необходимыми свойствами вселенства. Слѣдов. она одна въ мірѣ есть Церковь вселенская.

¹⁾ Πιστεύομεν δὲ καὶ τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον . . . ἐκ πατρὸς υἱοῦ τε ἐκπορευόμενον. Собран. Соб. Лябб. т. XI, ч. I граф. 963. Ὁρίσμεν . . . ὅτι τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον ἐκ τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ αἰδίως ἐστίν, καὶ τὴν ἑαυτοῦ οὐσίαν καὶ τὸ ὑπαρκτικὸν αὐτοῦ εἶναι ἔχειν ἐκ τοῦ πατρὸς ἅμα καὶ τοῦ υἱοῦ, καὶ ἐξ ἀμφοτέρων αἰδίως ὡς ἀπὸ μίας ἀφῆς καὶ μοναδικῆς προβολῆς ἐκπορεύεται. — Тамъ же т. XIII граф. 514.

источникомъ и началомъ. Но по приведеннымъ словамъ Христа, таковъ именно и есть Св. Духъ, слѣдов. Св. Духъ всевѣчно ведетъ начало какъ отъ Отца, такъ и отъ Сына, или, что тождественно, исходитъ отъ Отца и Сына, какъ отъ одного и того же источника.

Вторая посылка еще яснѣе подтверждается древнѣйшими преложениями Писанія, составленными задолго до возникновенія вопроса о исхожденіи Св. Духа. Сирійское преложение, изъ всѣхъ древнѣйшее, такъ передаетъ слова Спасителя: Онъ прославить Меня, ибо отъ Моего возьметъ **что бы ни было Отца Моего Мое есть; потому** сказалъ Я вамъ, изъ **Моего** возьметъ. Персидское: Онъ и есть кто прославить Меня, ибо **отъ Меня** возьметъ: Наконецъ Арабское: Онъ прославить Меня, потому что **возьметъ отъ того что Мое** есть.¹⁾ Всѣ эти тексты и преложения слишкомъ очевидно свидѣтельствуютъ, что Св. Духъ беретъ **отъ** Того и **изъ** Того, что имѣетъ Сынъ, и **потому** что все, что имѣетъ Сынъ, Онъ имѣетъ отъ Отца. Но Сынъ приемлетъ отъ Отца собственное существо путемъ произрожденія; слѣд. Св. Духъ исходя отъ Отца, приемлетъ тѣмъ самимъ и отъ существа Сына, сообщаго, или точнѣе тождественнаго съ существомъ Отца; т. е. другими словами, ведетъ всевѣчное начало отъ Отца и Сына.

Вотъ почему и представляется по Писанію: Иоанн. XVI. 7. Св. Духъ какъ посланный отъ Сына; но подобное посольство ясно выражаетъ зависимость Посланнаго; въ Божескихъ же Лицахъ никакой зависимости, понятно, быть не можетъ ни по существу, ни по власти; слѣдоват. зависимость исключительно можетъ только быть, какъ между Сыномъ и Отцемъ, зависимость начала, т. е. исхожденія. Вотъ причина, по которой Св. Писаніе и называетъ Св. Духа — Духомъ истины (Иоан. XVI. 13) т. е. Духомъ Сына. Духомъ Христа (Римл. VIII. 9). Духомъ Сына (Галат. VI. 6).

Перейдемъ теперь ко второму роду свидѣтельствъ. Требуется доказать изъ источниковъ общихъ обѣимъ Церквамъ, что вышеизложенное ученіе было постоянно ученіемъ какъ западной Церкви, такъ и восточной до раскола.

Что касается до западной Церкви, не можетъ быть въ этомъ никакого сомнѣнія, ибо обильно явствуетъ изъ Церковной Исторіи, что какъ только еретики были осуждаемы Римскимъ первопрестоломъ, они не находили другаго средства отмстить за отлученіе, какъ **вмѣнять** Риму въ преступленіе именно его ученіе о исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына. Тагъ, между прочими

¹⁾ См. Polyglotta Waltonii. Лондонъ 1657 г. V. 922. 923.

поступили моноелиты, по свидѣтельству Св. Максима Исповѣдника, который въ своемъ посланіи къ Кипрскому Пресвитеру Марину, прямо выражаетъ, что греческіе еретичи моноелиты ничего предосудительнаго не нашли въ соборномъ посланіи Св. Мартина, за исключеніемъ двухъ только вопросовъ, изъ коихъ одинъ „касается самага Божества,“ поелику онъ учитъ, что: „Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына.“¹⁾ Такъ опять поступили и иконоборцы, по свидѣтельству лѣтописи Адона, гласящей:²⁾ „Созванъ былъ въ то время Соборъ, и между Греками и Римлянами разбирался вопросъ „о Пресв. Троицѣ, и исходитъ ли Св. Духъ какъ отъ Отца, такъ и отъ Сына,“ а также и „о Св. Иконахъ.“ Совершенно такимъ же образомъ, въ свою очередь, счелъ удобнымъ поступить и самъ Фотій. Наконецъ, это ясно доказываетъ и свидѣтельство всѣхъ Соборовъ, созванныхъ на западѣ въ Испаніи, Франціи, Германіи, задолго до совершенія Фотійскаго разрыва, опредѣленіями которыхъ, нетолько единогласно была сохранена прародительская вѣра о Св. Духѣ и Его исхожденіи, но кромѣ того, какъ мы уже выше указали, принято было приращеніе частицы *filioque* къ Символу.

И такъ, уже явствуетъ, что по крайней мѣрѣ западная Церковь, постоянно, и всегда исповѣдывала исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына, какъ отъ единаго источника.

Но не менѣе достовѣрными источниками и свидѣтельствами выражается постоянное согласіе съ нею и восточной Церкви. Дѣйствительно, очевидно, что восточная Церковь не могла не знать вѣры западной Церкви относительно такого существеннаго члена Символа. Не знать могла тѣмъ менѣе, что ей вполне было извѣстно посланіе Св. Гормизды, Папы Римскаго, къ Императору Юстину, писанное въ 581^{мъ} г., слѣдов. еще три столѣтія прежде Церковнаго раскола, въ которомъ Первосвященникъ излагаетъ православное ученіе о Божествѣ и воплощеніи, и въ которомъ относительно исхожденія Св. Духа, говоритъ: Вѣдомо, что собственно Отцу производить Сына; собственно Сыну быть рожденнымъ отъ Отца, и Отцу равнымъ; собственно Св. Духу быть исходящимъ отъ Отца и Сына, подъ единымъ существомъ Божества.³⁾ Какимъ же образомъ могла Греческая Церковь принять безъ протеста и сопротивленія Палское посланіе, если бы оно утверждало богохульное противъ ея вѣры

¹⁾ I Дамаск. дисс. § 10.

²⁾ Тамъ-же § 11.

³⁾ Лябб. п. Собр. Соб. т. IV посл. LXXIX столб. 1553.

ученіе? И какъ бы дерзнулъ Св. Гормизда такъ утвердительно выразиться: „вѣдомо,“ — если бы дѣйствительно вѣра обѣихъ церквей, касательно исхожденія Св. Духа, не была тождественна и при томъ въ такомъ существенномъ документѣ, какъ изложеніе вѣры, гдѣ касаются самихъ вершинъ Богословія, и взвѣшивается каждое выраженіе? Точно также и Ефесскій вселенскій Соборъ, не только отвергнулъ Несторіанскій Символъ, представленный Пресвитеромъ Харисіемъ, въ которомъ о Св. Духѣ было сказано: „Мы не признаемъ, что Онъ есть Сынъ, ни-же что отъ Сына Свое бытіе получаетъ“¹⁾, но кромѣ того, еще формально подтвердилъ анаеоматизмы Св. Кириллы, вмѣстѣ съ его постановленіями, и съ Синодальнымъ посланіемъ отъ его имени, и отъ имени всей Египетской Церкви къ Несторію, въ которомъ изображено: что хотя Духъ собственнолично существуетъ, но на столько въ себѣ самомъ познается, на сколько онъ есть Духъ, а не Сынъ, однако не чуждъ Ему, ибо Духомъ истины именуется, истина же есть Христосъ, и слѣдовательно Св. Духъ отъ Него, яко и отъ Бога Отца исходитъ.²⁾ Далѣе, т. е. въ IX. анаеоматизмѣ Св. Кириллъ называетъ Св. Духа: собственнымъ Христу, а въ поясненіи той же анаеоматизмы прямо учитъ, что Св. Духъ отъ Сына есть и существенно Ему присущъ.³⁾

Совершенно согласно съ нашимъ толкованіемъ открывается намъ также и смыслъ ученія Св. Отцевъ обѣихъ Церквей, относительно исхожденія Св. Духа. Что касается до западныхъ, вопросъ конечно не подлежитъ сомнѣнію. Такъ, Св. Гиларій, еще въ IV. столѣтіи, называетъ Сына Воспроизводителемъ (*auctor*) Св. Духа. Вотъ подлинныя слова его: Духъ Св. отъ Отца и Сына, яко отъ производителей (о Троиц. кн. II. 4) т. е. отъ единого начала, по причинѣ единства существа Обоихъ. Далѣе, приводя извѣстный вышеизложенный текстъ Евангелія, говоритъ: И такъ отъ Сына беретъ, Св. Духъ отъ Сына посланный, и отъ Отца исходитъ (о Троиц. кн. VIII. § 20) и немедленно

¹⁾ Ἀλλὰ . . . καὶ οὐτε τὸν νομίζομεν οὐτε διὰ τοῦ τὴν ὑπαρξιν εἰληφός. Тамъ же ч. II столб. 677.

²⁾ Εἰ γὰρ καὶ ἐστὶν ἐν ἰποστάσει τὸ πνεῦμα ἰδικῆ, καὶ δὴ καὶ νοεῖται καθ' ἑαυτοῦ καθ' ὃ πνεῦμά ἐστι καὶ οὐχ υἱός ἀλλ' οὖν . . . ἐστὶν οὐκ ἀλλότριον αὐτοῦ· πνεῦμα γὰρ ἀληθείας ὠνόμασται καὶ ἐστὶ Χριστὸς ἡ ἀλήθεια· καὶ προχέται παρ' αὐτὸν καθάπερ ἀμέλει καὶ ἐκ τοῦ Θεοῦ καὶ πατρός. Тамъ же столб. 406. § 10. Въ разборѣ возраженій Высокопрееосвященнѣйшаго Макарія увидимъ ниже на сколько вѣрно и добросовѣстно онъ обращался съ этимъ неотразимымъ свидѣтельствомъ великаго Святителя.

³⁾ Καὶ ἴδιον ἔχων τὸ ἐξ αὐτοῦ καὶ οὐσιωδῶς ἐμπεφυκὸς αὐτῷ πνεῦμα ἄγιον. Тамъ же ст. 823, поясн. 9.

поясняетъ, что братъ отъ Сына, или отъ Него исходить совершенно тождественно. Наконецъ заключаетъ слѣдующими словами: не подобаетъ дозволять нечестивому своеволю еретическаго разврата толковать слова Господа — „что вся елика имать Отець Моя суть, и сего ради отъ Моего прииметь Духъ истины,“ — иначе какъ исповѣдуя, что они относятся къ единству существа.¹⁾ Совершенно тоже самое исповѣдуютъ всѣ прочіе Отцы западной Церкви, буквально выражая, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына. Достаточно будетъ указать на Св. Амвросія,²⁾ Марію Викторина,³⁾ Св. Августина,⁴⁾ Св. Льва Великаго,⁵⁾ Геннадія,⁶⁾ Св. Фульгенція,⁷⁾ неизвѣстнаго автора Аванасіанскаго Символа,⁸⁾ Св. Григорія Великаго,⁹⁾ и пр. и пр.

Но не менѣе согласно съ Латинскими Отцами выражаются и сами греческіе. Такъ Св. Аванасій учитъ: Сынъ есть источникъ Св. Духа¹⁰⁾ и еще: Сынъ даетъ Духу, и все что Духъ имѣетъ, Онъ имѣетъ отъ Слова.¹¹⁾ Со Св. Аванасіемъ согласуется и Св. Василій Великій; въ его книгѣ о Св. Духѣ находимъ: Гл. XVII. какъ Сынъ относится къ Отцу, такъ относится Духъ Св. къ Сыну, согласно завѣщанному порядку словъ въ Крещеніи,¹²⁾ и далѣе Гл. XVIII. Ибо именуется Духомъ Христа . . . и яко Утѣшитель въ Себѣ Самомъ благость Того Утѣшителя изображаетъ отъ Кого посланъ,

1) Тамъ же изъ исхожденія Св. Духа отъ Сына доказываетъ Божественность Сына противъ Аріанъ; до такой степени вещь была всѣмъ извѣстна (о Троиц. кн. II, н. 26).

2) О Св. Духѣ кн. I. Гл. 11 н. 120. Св. Духъ, такъ какъ исходящій отъ Отца и Сына . . . и проч.

3) Прот. Аріанъ кн. I. Какъ отъ Бога Сынъ, такъ отъ Сына Духъ Св. и отъ Отца.

4) О Троиц. кн. XV гл. XV. 27. Онъ же Св. Духъ по Писанію ни отъ Отца одного ни отъ Сына одного но отъ обоихъ. И далѣе 29. Отъ Отца наипаче исходитъ Духъ Св. . . . для того прибавилъ я наипаче, ибо открыто что Св. Духъ исходитъ и отъ Сына.

5) Посл. XV къ Турриб. гл. I. Не иной кто рождающій, не иной рожденный, не иной отъ Обоихъ исходящій.

6) О Церк. Догм. гл. I.

7) О вѣрѣ. гл. XI. 52.

8) Уже указаны. диссерт. Дамаск. 17.

9) Гомил. XXXI на Еванг. 2.

10) Кн. о Троиц. н. 19.

11) Прот. Аріанъ III. н. 25. *Αὐτὸς γὰρ (υἱὸς) τῷ πνεύματι δίδωσι, καὶ ὅσα ἔχει τὸ πνεῦμα, ταῦτα κατὰ τοῦ λόγου ἔχει.*

12) *Ὡς τοίνυν ἔχει ὁ υἱὸς πρὸς τὸν πατέρα, οὕτω πρὸς τὸν υἱὸν τὸ πνεῦμα κατὰ τὴν ἐν τῷ βαπτισματι παρεδεδομένην τοῦ λόγου σύνταξιν.* н. 43.

и въ собственномъ достоинствѣ являетъ величіе Того, отъ Кого исходитъ.¹⁾ Соглашается и Св. Іоаннъ Златоустъ, который, сравнивая Св. Духа съ водою исходящею изъ источника, который есть Отецъ и Сынъ, заключаетъ словами: и потому также и отъ Отца исходитъ.²⁾ Соглашается и Св. Епифаній, въ слѣдующемъ изрѣченіи: Вѣруемъ во Христа изъ Отца, яко Богъ изъ Бога исходящаго, и въ Духа Св. отъ Христа, поелику отъ обоихъ исходитъ; о чемъ свидѣтельствуется Самъ Христосъ, говоря: „отъ Отца исходитъ и отъ Моего возьметъ.“³⁾ Соглашается и Дидимій Александрійскій, достославный греческій толкователь Св. Писанія IV^{го} вѣка, который въ книгѣ о Духѣ Св. No. 34, приводя божественныя слова: „ибо не отъ Себя бо глаголати имать,“ — продолжаетъ такимъ образомъ, представляя самага Христа говорящимъ: ибо Онъ (Св. Духъ) не отъ Себя есть, но отъ Отца и отъ Меня.⁴⁾ Наконецъ, не упоминая еще о многихъ другихъ, какъ наприм, о древнѣйшемъ авторѣ Гомиліи о воплощеніи, въ сочиненіяхъ Св. Іоанна Златоуста, и о свидѣтельствахъ Анастасія Синаита. Симіона Метафраста, съ которыми можно ознакомиться въ указанной уже: Кн. о Св. Троицѣ гл. 3 и слѣд., выведемъ еще убѣдительнѣйшее доказательство о несомнѣнности защищаемаго нами ученія изъ образа дѣйствій и приемовъ самихъ еретиковъ.

Такъ: 1^е) Для Аріанъ и Македоніанъ вселенское ученіе о исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына было именно предлогомъ еретическаго толкованія о Св. Духѣ, якобы твари Сына. 2^е) Такъ еще по свидѣтельству Св. Аѳанасія, Македоніане изъ того же принципа выводили главный доводъ противъ вселенскаго ученія о исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына; ибо возражали: Если Сына былъ бы Духъ, то Отецъ былъ бы дѣломъ Св. Духа.⁵⁾

1) *Ἀλλὰ καὶ πνεῦμα Χριστοῦ λέγεται . . . καὶ ὡς παρακλήτος δὲ ἐν ἑαυτῷ χαρακτηρίζει τοῦ ἀποστείλαντος αὐτὸν παρακλήτου τὴν ἀγαθότητα καὶ ἐν τῷ ἑαυτοῦ ἀξιώματι τὴν μεγαλωσύνην ἐμφαίνει τὴν τοῦ ὄθεν προῆλθεν.* н. 46.

2) *Λιὰ τοῦτο καὶ ἐκ τοῦ πατρὸς ἐκπορεύεται,* О Троиц. кн. VIII гл. 4. § 4. Откуда явствуетъ, что Св. Іоаннъ Златоустъ почиталъ несомнѣннымъ исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына. О сомнительности же этого свидѣтельства будемъ ожидать болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, чѣмъ тѣ, которыя доселѣ приводились противниками

3) *Εἰ δὲ Χριστὸς ἐκ τοῦ πατρὸς πιστεύεται θεὸς ἐκ θεοῦ καὶ τὸ πνεῦμα ἐκ τοῦ Χριστοῦ ὃ παρὰ ἀμφοτέρων ὡς φησὶν ὁ Χριστὸς ὃ παρὰ τοῦ πατρὸς ἐκπορεύεται καὶ οὕτως ἐκ τοῦ ἐμοῦ λήφεται.* Пр. Анкор. No. 67.

4) Виб. св. Отц. Т. III. стр. 276.

5) Послан. къ Серап. No. 15. *Εἰ δὲ υἱὸς τὸ πνεῦμα, οὐκοῦν πάπλος ἐστὶν ὁ πατὴρ τοῦ πνεύματος.* Изъ этого ясно усматривается, почему, именно

Наконѣцъ, такимъ же образомъ разсуждалъ и Евномій, по свидѣтельству Св. Василія кн. Ш н. 1^а: Говоря о Параклитѣ, отклонимся отъ дерзкихъ умозрѣній невѣждъ и послѣдуюмъ ученію Святыхъ. Отъ нихъ познаемъ, что Онъ по достоинству и по порядку третій, и потому вѣруемъ, что и по естеству Онъ третій. Приводи эти слова, Св. Василій, соглашаясь съ тѣмъ, что по порядку исхожденія Св. Духъ дѣйствительно третій, отрицаетъ однако заключеніе, выведенное Евноміемъ, и говоритъ: что по чину Онъ второй отъ Сына, какъ пріемля отъ Него бытіе, и получая отъ Него, и по этой причинѣ, завися отъ Него, тому насъ учитъ гласъ благочестія; но что Онъ третій по естеству, о томъ ни изъ Св. Писанія ни изъ сказаннаго выше, справедливо заключить невозможно.¹⁾

для опроверженія пагубнаго ученія Аріанъ и Македоніанъ, Св. Отцы такъ упорно настаивали на исхожденіи Св. Духа отъ Отца. Потому нисколько неудивительно, что по словамъ Митрополита Филарета, Адамъ Зерникавъ и Теофанъ Прокоповичъ насчитали до 50^{ти} свидѣтельствъ изъ Св. Отцевъ, гдѣ эта истина исповѣдуется. Но несравненно удивительнѣе то, что достопочтенный Архипастырь счелъ нужнымъ умолчать о тѣхъ, столь же многочисленныхъ свидѣтельствахъ, въ которыхъ тѣ же Отцы утверждаютъ, что Св. Духъ исходитъ или отъ Отца и Сына, или отъ Отца чрезъ Сына, т. е. именно то, что учитъ вселенская Церковь. Развѣ она учила когда либо, что Св. Духъ не исходитъ отъ Отца? Развѣ она утверждаетъ что Онъ исходитъ исключительно отъ Сына? Но исповѣданіе исхожденія Св. Духа отъ Отца не отрицаетъ исхожденія Его и отъ Сына. Слѣдовательно, цѣлесообразнѣе поступилъ бы Високонпресвященнѣйшій авторъ, еслибъ взаи́мъ 50^{ти} не относящихся до вопроса свидѣтельствъ, которыми утверждается никакъ неоспариваемое исхожденіе Св. Духа отъ Отца, онъ представилъ хоть одно, въ которомъ выражено было, что Св. Духъ не исходитъ отъ Сына. Но къ сожалѣнію, ни ему, ни другому это никогда не удастся.

1) Что именно такъ, а не иначе додженъ быть принятъ текстъ Св. Василія и не по принятому Греками предложенію, изъ весьма малаго числа рукописей, мнѣ кажется очевидно: 1^о) потому, что того требуетъ авторитетъ кодексовъ, параллельныя мѣста того же Св. Отца, и сама послѣдовательность фразы. 2^о) Свидѣтельство Ман. Калека, который въ Гл. 10^а выражается такъ: Если кто либо утверждаетъ, что эта вставка (т. е. слова, начиная отъ: какъ пріемля, до: завися отъ Него, включительно), онъ лжесвидѣтельствуеъ. Ибо, во первыхъ, текстъ этотъ читается въ самыхъ древнихъ рукописяхъ, по ветхости коихъ всѣ сознаютъ, что онъ былъ писанъ до раздѣленія Церкви, и кромѣ того въ нѣкоторыхъ изъ этихъ рукописей слова эти подскоблены, потому что поддѣльщики, для удобнѣйшаго отрицанія изреченія Св. Учителя, котораго силіи представить подложнымъ, насильственно его уничтожили. Во вторыхъ, потому что послѣдовательность рѣчи и строгая связь самой фразы ведетъ этимъ путемъ къ цѣли, имѣвшейся въ виду Св.

И такъ, все сказанное до сихъ поръ можетъ резюмироваться въ слѣдующихъ пунктахъ:

1^о) Западная Церковь всегда исповѣдывала догматъ о исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, какъ единого источника.

2^о) Восточная Церковь, коей это исповѣданіе было вполне вѣдомо, всегда оставалась съ нею въ общеніи и не только никогда и никѣмъ, за исключеніемъ ею самою отвергнутыхъ еретиковъ, не заявляла о томъ протеста, но напротивъ въ 5^м вселенскихъ Соборахъ исповѣдывала ту же самую вѣру, и торжественно подтвердила её принятіемъ посланія Св. Кирилла къ Несторію.

3^о) То же самое выражается въ ученіи Св. Отцевъ обѣихъ, безразлично церквей.

4^о) Наконецъ, древнѣйшіе еретики являются своимъ образомъ дѣйствія достовѣрнѣйшими, хотя конечно и невольными, свидѣтелями о непрерывной вѣрѣ вселенской Церкви и о неправославіи новизны, введенной только въ IX столѣтіи Фотійскимъ ложтолкованіемъ, въ ея ученіе.

Слѣдовательно, достовѣрно должно быть одно изъ двухъ:

Или вся Церковь Христова, въ продолженіи многихъ вѣковъ утратила истинную вѣру;

Или же толкованіе, изобретенное только въ IX^м столѣтіи отлучившимся отъ вселенскаго единства Фотіемъ, относительно догмата и исхожденія Св. Духа, составляетъ новизну, неогласную съ православіемъ вѣры. Но, такъ какъ греческая Церковь сама съ негодованіемъ отвергаетъ первое предположеніе, остается только, къ сожалѣнію, вынужденно согласиться съ послѣднимъ.

Изъ сказаннаго, казалось бы достаточно явствуетъ на какомъ прочномъ и твердомъ богословскомъ основаніи опирается съ самыхъ древнѣйшихъ временъ Христіанства догматъ о исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына. Но безпристрастіе требуетъ, чтобъ были также чистосердечно указаны и всѣ возраженія противниковъ противъ изложеннаго ученія, а наконецъ и опроверженія этихъ возраженій, извлеченныя изъ неоднократныхъ поясненій вселенскихъ богослововъ и контроверсистовъ.

Займемся теперь этимъ новымъ предметомъ.

Учителемъ. Ἀξιωματὶ μὲν γὰρ δευτερεύειν τοῦ υἱοῦ παρ' αὐτοῦ τὸ εἶναι ἔχον καὶ παρ' αὐτοῦ λαμβάνον καὶ ἀναγγελομένον ὑμῖν, καὶ ὅλης ἐκείνης τῆς αἰτίας ἐξήμμενον παραδίδοσι ὁ τῆς εὐσεβείας λόγος· φύσει δὲ τρίτῃ χρῆσθαι οὔτε παρὰ τῶν ἁγίων γραφῶν δεδιδάγμεθα, οὔτε ἐκ προειρημένων κατὰ τὸ ἀκόλουθον δυνατόν συλλογίσασθαι.

Возраженія противниковъ.

Приступая къ разбору возраженій противъ догмата о исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, считаю нужнымъ предварительно замѣтить, что хотя и имѣю въ виду не оставить безъ отвѣта ни одного, по крайней мѣрѣ изъ извѣстныхъ мнѣ пререканій противниковъ; но принимая въ соображеніе, что одна изъ новѣйшихъ и упорнѣйшихъ попытокъ опровергнуть вселенское ученіе принадлежитъ перу Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, полагаю удобнымъ заняться, прежде всего, собственно его сочиненіемъ. Громкая извѣстность автора между своими единовѣрцами, современность его труда, достохвальное усердіе, съ какимъ онъ силится защитить до истощенія средствъ каждую пядь обороняемой имъ почвы, и наконецъ встрѣченная мною между большинствомъ моихъ соотечественниковъ, отчасти наивная увѣренность, что его богословіе образуетъ какую то непрístupную научную твердню, побудили меня къ этому отступленію отъ хронологическаго порядка. И такъ, займемся безотлагательно, столь усердно и тщательно сотканнымъ обвинительнымъ актомъ даровитаго и священнаго обличителя. При безпристрастной оцѣнкѣ составныхъ его частей, можетъ быть окажется, что авторъ, выражаясь на языкѣ мало извѣстномъ ученой европейской публикѣ, рассчитывалъ болѣе на то, что не вызоветъ отвѣта на свои, не всегда удачныя, мудрствованія и отчасти произвольныя умозаключенія, чѣмъ на строго научную, предметную защиту греко-россійскаго ученія. Твердый кредитъ въ ограниченномъ околдеѣ иногда удачно замѣняетъ отсутствіе наличнаго капитала.

Какъ бы то ни было, обвинительную систему Архипастыря можно раздѣлить на двѣ категоріи: къ первой относятся всѣ доводы, вытекающіе изъ аналитическаго разбора спорнаго вопроса, т. е. изъ самой сущности догмата; къ другой — критическая и библиографическая оцѣнка текстовъ изъ Св. Отцевъ и учителей, приводимыхъ каждою изъ обѣихъ церквей въ подтвержденіе своего ученія.

Прошу позволенія предварительно оставить въ сторонѣ первую группу возраженій. Что же касается до второй, считаю необходимымъ предпослать слѣдующія общія замѣчанія.

Во первыхъ, церковная литература относительно вопроса, раздѣляющаго обѣ Церкви объемлетъ болѣе тысячи памятниковъ и сочиненій, слѣдов., для всесторонняго и добросовѣстнаго разбора необходима была бы рамка несравненно пространнѣе, не только той, въ предѣлахъ которой я, по неволѣ, долженъ заклю-

читаться, но даже и той, далеко неполной, въ которой самъ Митрополитъ Макарій счелъ для себя удобнымъ ограничить свой трудъ.

Далѣе замѣчу, что патристика и критическій анализъ текстовъ, доказывающихъ то, или другое толкованіе Св. Отцевъ, можетъ только служить подтвержденіемъ къ какому либо догмату, первымъ основаніемъ котораго всегда останется откровеніе изъ Св. Писанія или преданія, и правильное изъ нихъ заключеніе разсудка и здраваго смысла, по толкованію Церкви.

Наконецъ напомнимъ, что дипломатика и эпиграфія не могутъ быть существенными источниками вѣры. Дѣйствительно, по ученію обѣихъ Церквей, и въ силу самаго понятія о вѣрѣ, вѣра есть такое дѣйствіе разсудка и сердца, которое исключаетъ всякое даже предположеніе о возможности заблужденія. Слѣдов., какъ бы ни были формальны, или многочисленны приводимыя свидѣтельства *pro* или *contra* какого либо предложенія, они не въ силѣ представить вѣрѣ прямое и неколебимое основаніе; такъ какъ всегда возможно, по крайней мѣрѣ, предположить, что когда нибудь можетъ открыться новый памятникъ, болѣе предшествующихъ соотвѣтствующій современнымъ требованіямъ научной критики, и по этому неожиданно рѣшающій вопросъ въ ту или другую сторону. Если на это мнѣ возразятъ, что въ такомъ случаѣ, и оба Завѣта не представляютъ достаточной гарантіи для неколебимости вѣры, ибо подчинены той же случайности; я скажу, что подобное возраженіе можетъ только формулировать весьма неопытный оппонентъ, такъ какъ обѣими Церквями принята разъ на всегда, извѣстная матеріальная редакція священнаго текста, не подлежащая уже никакимъ случайностямъ, и которая останется неизмѣнною и ненарушимою при какихъ бы то ни было будущихъ палеографическихъ открытіяхъ.

Приступимъ теперь къ ближайшему разбору труда Высокопреосвященнѣйшаго автора.

Начнемъ съ того, что между представленными имъ доводами, какъ для защиты толкованій восточныхъ богослововъ, такъ и для опроверженія свидѣтельствъ, приводимыхъ въ свою пользу вселенскими учителями, я не встрѣтилъ ни одного новаго источника, который не находился бы въ старыхъ коммуніціяхъ Адама Зерникава и Прокоповича, и на который не было бы уже многократно отвѣчено. Съ своей стороны не только автору не исходилъ вопроса въ критическомъ отношеніи, но даже не вполне воспользовался самъ изслѣдованіями ученѣйшихъ поборниковъ изъ своего собственнаго лагеря. Такъ, въ 1850 г. явилось въ Лондонѣ сочи-

неніе англиканскаго клерджимена Нила¹⁾, въ которомъ библіографія вопроса о исхожденіи Св. Духа разработана съ замѣчательною ученостію, и доведена, такъ сказать, до крайнихъ предѣловъ научнаго анализа. Кромѣ того Ниль, пріѣхавшій въ Петербургъ съ мечтою воспроизвести соединеніе Русской Церкви съ Англиканскою, подъ державнымъ покровительствомъ Императора Николая, издалъ свою книгу именно съ цѣлью неопровержимо доказать, что новѣйшая критическая наука оправдываетъ Грекороссійское ученіе и отвергаетъ вселенское. Спрашивается: отчего же Митрополитъ Макарій не счелъ удобнымъ опереться на сочиненіе общеизвѣстное, стоящее, какъ всякій можетъ въ томъ убѣдиться, по научному достоинству и по методической разработкѣ текстовъ, несравненно выше его собственнаго труда? Отчего онъ не счелъ удобнымъ воспользоваться такимъ обильнымъ запасомъ изошреннѣйшаго оружія, собраннаго для пораженія общаго, ненавистнаго врага? Отчего же, наконецъ, насколько мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно, онъ не счелъ даже удобнымъ упомянуть о такомъ драгоценномъ для Русскихъ контроверентовъ источникѣ?

Причина кажется очень естественная.

Почтенный англійскій критикъ, съ свойственно своимъ соотечественникамъ научною добросовѣстностію, по мѣрѣ разбираемыхъ и, по его пониманію, другъ другу враждебныхъ свидѣтельствъ, отмѣчаетъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ истаго маркёра, сколько изъ нихъ ратуютъ въ пользу востока, и сколько въ пользу запада, и сводя подъ конецъ общій итогъ, торжественно провозглашаетъ, какъ вѣрный поклонникъ британской теоріи большинства, (которую однако неудачно примѣняетъ къ наукѣ) что перевѣсъ косвенныхъ свидѣтельствъ, безъ сравненія въ пользу Грековъ.²⁾

Если бы Ниль ограничился этимъ ариеметическимъ выводомъ, Митрополитъ Макарій безъ сомнѣнія посвятилъ ему, и по всей справедливости, самое почетное мѣсто въ рядахъ защитниковъ Греко-Россійскаго ученія. Но къ сожаленію, второе его заключеніе далеко не такъ утѣшительно; вотъ оно: перевѣсъ же прямыхъ свидѣтельствъ въ пользу Латинянъ.³⁾

Не удивительно послѣ этого, что Митрополитъ Макарій предпочелъ совсѣмъ умолчать о такомъ, конечно ученѣйшемъ, но уже черезъ чуръ чистосердечномъ союзникѣ.

Мы же, повторяя еще разъ, что не имѣемъ матеріальной воз-

¹⁾ Истор. Св. восточн. Церкв. Нила. Лондонъ 1850 г.

²⁾ Тамъ-же Т. I. стр. 1131.

³⁾ Тамъ-же стр. 1131.

возможности вдаваться во всё критическія подробности патристическаго спора, ограничимся пока слѣдующимъ выводомъ: не только¹⁾ изъ коммуніаціи Митрополита Макарія, но даже изъ образцоваго изслѣдованія другаго, ученѣйшаго поборника Греко-Россійскаго догмата, явствуетъ, по сознанію самихъ противниковъ нашихъ, что споръ о исхожденіи Св. Духа рѣшается путемъ прямыхъ свидѣтельствъ изъ Св. Отцевъ, въ пользу вселенской Церкви.

Мы можемъ вполне довольствоваться этимъ лестнымъ для насъ признаніемъ, и съ законною гордостью указать на столь знаменательное свидѣтельство изъ враждебнаго намъ стана. Оно ярко освѣщаетъ жалкій итогъ, къ какому сводится весь богословскій фейерверкъ, пущенный Митрополитомъ Макаріемъ, исключительно, по видимому, на удивленіе отечественной публики, въ §§ 43. 44. 45. 46. о ученіи Св. Отцевъ относительно исхожденія Св. Духа.

Сказанное до сихъ поръ, кажется, достаточно указываетъ на болѣе чѣмъ скромное значеніе тѣхъ многочисленныхъ выводовъ, которыми Митр. Макарій льстилсѣ прикрыть несостоятельность защищаемаго имъ ученія. Однако, для окончательнаго доказательства этой несостоятельности, я согласенъ на время допустить, что это значеніе не только дѣйствительно, но даже совершенно неспоримо. Другими словами: я согласенъ предположить, что всё натяжки Митрополита Макарія, въ толкованіи текстовъ, вполне естественны; что всё опровергаемыя имъ свидѣтельства западной церкви дѣйствительно подложны; а напротивъ, что всё приведенныя восточною церковью, одни только пользуются завиднымъ преимуществомъ достовѣрности и подлинности; наконецъ, я даже согласенъ допустить, что достославная, 18^м вѣковая вереница учителей и богослововъ, коими гордится понынѣ просвѣщенная Европа, лишь только касалась ученія о Св. Духѣ, мгновенно превращалась въ гнусную шайку поддѣлщиковъ и лжесвидѣтелей; я согласенъ, говорю, допустить всё это, — а быть уступчивѣе и сговорчивѣе конечно трудно, — тѣмъ не менѣе смѣю думать, и надѣюсь доказать, что и при такой отчаянной, но къ счастью только вымышленной постановкѣ спорнаго догмата, онъ еще останется, непоколебимъ и твердъ въ согласіи съ ученіемъ вселенской Церкви; а что напротивъ, толкованіе греко-россійской вынужденно и прямо ведетъ къ явному, логическому противорѣчію.

¹⁾ Говорю „не только“, потому что всё источники, на которые ссылается Митрополитъ Макарій, подробно разсматриваются Нилемъ, но кромѣ того онъ еще приводитъ и другіе, о которыхъ Владыка даже не упоминаетъ.

Дѣйствительно, два основныя понятія выдаются, съ почина, при благоговѣйномъ созерцаніи догмата о Св. Троицѣ: Первое, что безначальное Начало двухъ слѣдующихъ Упостасей, есть единственно Первая, т. е. Отецъ. Второе, что послѣдовательность, или числительный порядокъ Упостасей, выражаемый нами словами: первая, вторая, третья, не только произвольный, но напротивъ, до такой етенени строго относится къ самому существу таниства, что безъ богохуленія не можетъ быть ни извращенъ, ни нарушенъ.

Кромѣ того, всякому извѣстно, изъ тождественной совѣчности всѣхъ трехъ Упостасей, что означенный, существенный порядокъ не можетъ, конечно, быть порядкомъ времени. Слѣдовательно, когда по ограниченности человѣческаго слова, мы употребляемъ выраженія: прежде, предшествующій, послѣдующій и т. п. въ отношеніи къ божественнымъ лицамъ, само собою разумѣется, что мы ими означаемъ не подчиненность (времени, а только подчиненность происхожденія. Объ этомъ упоминаемъ разъ на всегда, дабы оградиться впредь отъ нелѣпаго возраженія, будто употребляя эти слова, нарушается понятіе о совѣчности божескихъ Упостасей.

И такъ, обѣ Церкви безразлично исповѣдуютъ, что въ Пресв. Троицѣ первая Упостась Отецъ; что послѣ Отца вторая есть Сынъ; что послѣ Сына, третья есть Св. Духъ. Обѣ Церкви исповѣдуютъ, что отъ Отца произрожденъ Сынъ, и что отъ Отца же исходитъ Духъ.

До сихъ поръ согласіе не нарушено.

Но отъ какого Отца рожденъ Сынъ? Опять обѣ Церкви отвѣчаютъ единогласно: просто отъ Отца.

Отъ какого Отца исходитъ Духъ? Греко-россійская Церковь отвѣчаетъ также просто отъ Отца. Но здѣсь уже отвѣтъ не только не вѣренъ, онъ заключаетъ въ себѣ явное противорѣчіе.

Нѣтъ, не просто отъ Отца можетъ исходить Духъ, а непременно отъ Отца, уже родившаго Сына (опять таки не по времени, а по порядку послѣдовательности); ибо Духъ, по исхожденію, есть существенно третья Упостась, слѣдов. та Упостась, которой первая и вторая необходимо предшествуютъ. Но, какъ между существомъ родившаго Отца и существомъ рожденнаго Сына, нѣтъ совершенно никакого различія, за исключеніемъ только взаимной несовмѣстности, т. е. возможности быть вмѣстѣ и Сыномъ и Отцемъ, неопровержимо слѣдуетъ, что Св. Духъ исходитъ изъ существа, или изъ начала, включающаго въ себѣ Упостаси Отца и Сына, т. е. другими словами — исходитъ отъ Отца

и Сына какъ отъ единого источника. И вотъ на какомъ основаніи Св. Тома Аквинатскій, — съ тѣмъ всеобъемлющимъ могуществомъ взгляда, составляющимъ характеристическую черту его гения, — такъ мѣтко коснулся самаго ядра вопроса, когда сказалъ: что если Св. Духъ не исходитъ отъ Сына, всякое упостасное отличіе между ними должно неизбежно исчезнуть. Дѣйствительно, продолжаетъ „Ангельскій Учитель“, такъ какъ Божескія Упостасы не могутъ отличатся другъ отъ друга чѣмъ либо абсолютнымъ, то слѣд. онѣ могутъ быть отличны между собою только отношеніемъ несомвѣстности. Но въ Божествѣ, понятно, что отношеніе несомвѣстности можетъ быть только одно: именно отношеніе начала. Слѣд. Сынъ можетъ отличатся отъ Духа единственно отношеніемъ начала, т. е. именно тѣмъ, почему одинъ изъ Нихъ неминусемо долженъ изводить другаго. А такъ какъ Сынъ второе лице, а Духъ третье, то очевидно, что второе изводитъ третье. Очевидно, это уже не толкованіе, а просто вынужденное, неумолимое послѣдствіе, отрицаніе котораго было бы прямымъ нарушеніемъ закона мышленія, т. е. чистый абсурдъ. Это до такой етепени неопровержимо, что если бы дозволено было безъ дерзкаго хуленія допустить по предположенію возможность четвертой, пятой и т. д. Упостасей въ Богѣ, то непременно слѣдовало бы признать по тождеству существа въ Упостасяхъ и по порядку исхожденія, что четвертая происходитъ отъ трехъ, а пятая отъ четырехъ предшествующихъ, какъ отъ единого источника.

Вотъ на какой неизблемой твердынѣ здраваго смысла основано вселенское ученіе о исхожденіи Св. Духа. Нѣтъ возможности отрицать его, не отрицая тѣмъ самымъ и основные законы мышленія, т. о. разсудка.

Если это заключеніе справедливо, — а трудно представить себѣ какое противъ него можетъ быть сдѣлано возраженіе, — изъ него вытекаетъ весьма важное послѣдствіе. Доказавъ закономъ строго аналитическаго процесса, что

1°) предложеніе: Св. Духъ исходитъ отъ Отца, необходимо включаетъ въ себѣ предложеніе: Св. Духъ исходитъ отъ Отца уже родившаго Сына;

2°) что предложеніе: Св. Духъ исходитъ отъ Отца уже родившаго Сына, необходимо включаетъ въ себѣ предложеніе: Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына;

3°) и что слѣд. предложеніе: Св. Духъ исходитъ отъ Отца совершенно тождественно съ предложеніемъ: Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына, какъ изъ единого источника, — мы можемъ легко убѣдиться въ томъ, что вынуждающая сила этого вывода,

уже не можетъ быть ограничена или ослаблена никакимъ дѣйшимъ оборотомъ рѣчи, никакою формою выраженія, никакою даже оговоркою. Такимъ образомъ мы необходимо вмѣщаемъ понятіе о исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына не только, когда произносимъ просто слова: Св. Духъ исходитъ отъ Отца, но даже и если-бы прибавили, что Онъ исключительно или единственно отъ Отца исходитъ. Смыслъ этихъ словъ ни въ какомъ случаѣ не могъ-бы относиться къ отрицанію исхожденія Св. Духа и отъ Сына, а очевидно означалъ бы только, что такъ какъ Отецъ есть первая, главная или точнѣе, какъ выражаются греческіе Св. Отцы, прокатарктическая причина третьей Упостаси, то Онъ въ этомъ отношеніи совершенно правильно можетъ быть названъ единственнымъ источникомъ исхожденія Св. Духа. Такъ сознаваясь вполне, что каждый человѣкъ происходитъ отъ своего отца, тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду, что ни отецъ его, ни предки, безъ Адама бытія бы не имѣли, мы справедливо можемъ утверждать, что единственное, или начальное начало каждаго изъ насъ, есть первый человѣкъ. Замѣьте впрочемъ, что я намѣренно употребилъ слова единственно и исключительно, имѣя въ виду доказать тѣмъ сильнѣе неокружимость моего довода, даже и при употребленіи такихъ рѣзкихъ, отрицательныхъ формъ. Но спѣшу прибавить, что вы ихъ нигдѣ не найдете, даже и въ тѣхъ свидѣтельствахъ Св. Отцевъ, на которыя Греко-Россійскіе богословы всего охотнѣе указываютъ въ надеждѣ оправдать свое толкованіе.

Надѣюсь послѣ этого, что всякому будетъ понятно, почему до сихъ поръ всѣ усилія восточныхъ толкователей отстоять введенную ими новизну во вселенскомъ ученіи остались до такой степени безуспѣшными. Дѣйствительно, натяжки въ объясненіи текстовъ, въ признаніи или отрицаніи подлинности, или подложности свидѣтельствъ и памятниковъ, скажу болѣе, само даже предположеніе, что всѣ эти натяжки, придирки, произвольныя толкованія — основательны, законны, справедливы, не спасутъ отъ крушенія ученія, столь осязательно враждующаго противъ разсудка, освященнаго Евангельскимъ откровеніемъ.

Конечно, всякое толкованіе, какъ бы оно не было несостоятельно или безразсудно, при возбужденіи человѣческихъ страстей, въ особенности національной зависти и властолюбія, къ сожалѣнію, можетъ служить достаточнымъ предлогомъ для раскола. На всѣ сферы этихъ заинтересованныхъ преппирательствъ и столкновений оно безсильно покорить себѣ безкорыстныхъ приверженцевъ и послѣдователей. Эту истину побѣдно доказалъ догматъ о исхожденіи Св. Духа. За исключеніемъ Грековъ, прямо и лично заин-

тересованных въ вопросѣ, никто, рѣшительно никто не согласился принять новизну, введенную ими въ древнее ученіе вселенской Церкви. И когда по истеченіи 7^{ми} столѣтій, протестантизмъ нанесъ этой Церкви новыя раны и утраты, ни единая изъ протестантскихъ сектъ, въ Германіи, Англіи, Швеціи, Голландіи, Швейцаріи и Америкѣ, не сочла возможнымъ, при всей ненависти къ Риму, безъ явнаго оскорбленія здраваго смысла и разсудка, принять Греко-россійское толкованіе о исхожденіи Св. Духа.

Послѣ всего сказаннаго казалось бы бесполезнымъ вдаваться далѣе въ разсмотрѣніе подробностей и частныхъ погрѣшностей, встрѣчаемыхъ въ трактатѣ Митр. Макарія. Но мы общались выше возвратиться къ первой категоріи возраженій, т. е. къ возраженіямъ, касающимся сущности самаго догмата. Пора исполнить общаніе и доказать, что и на этомъ поприщѣ, уже чисто богословскомъ, какъ и на критическомъ, нетрудно уличить въ несостоятельности ученіе, діалектику, знаніе и даже православіе достойнаго Архипастыря.

Съ самаго начала трактата о Св. Духѣ, Митр. Макарій выражается такъ: Есть ли въ Св. Писаніи прямое и ясное доказательство, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына?¹⁾ и торжествуетъ отвѣчая: Нѣтъ ни одного. Болѣе рѣзкій противникъ отвѣтилъ бы ему на прямикъ, что напротивъ, есть нѣсколько такихъ свидѣтельствъ, что они выше приведены нами, и что, слѣдовательно, сказанное имъ невѣрно. Я же предпочитаю искренно благодарить Владыку за указанный мнѣ новый, и сознаюсь, совершенно неожиданный доводъ, и немедленно самъ воспользуюсь имъ, повторяя буквально, въ свою очередь, по примѣру Архипастыря: Есть ли въ Св. Писаніи ясное и прямое свидѣтельство, что Духъ Св. не исходитъ отъ Сына? — Нѣтъ ни одного. Слѣдов., если по теоріи Митроп. Макарія подобное отсутствіе доказываетъ въ первомъ случаѣ неосновательность вселенскаго ученія, во второмъ оно еще гораздо болѣе должно доказать неосновательность толкованія Греко-Россійскаго. И замѣйте, что я говорю гораздо болѣе, потому что, хотя свидѣтельства, представляемая вселенскою Церковью не по вкусу Митр. Макарія, но тѣмъ не менѣе они хоть существуютъ, прямаго же доказательства изъ Св. Писанія противъ вселенскаго ученія, ни Митр. Макарій, ни кто либо другой вовсе не представляютъ. Пусть, послѣ этого рѣшить самъ читатель, какою степенью развитія Митр.

¹⁾ Правос. догм. Богосл. Т. I стр. 270.

Макарій полагалъ въ публикѣ, для которой довольствовался писать и издавать такого отборнаго качества доказательства!

Далѣе, Митр. Макарій, возражая на доказательство исхожденія Св. Духа и отъ Сына, почерпнутое изъ единства существа Отца и Сына, соглашается съ тѣмъ, что это единство дѣйствительно существуетъ, но, говоритъ онъ,¹⁾ за исключеніемъ личныхъ свойствъ, которыя несообщимы: иначе мы впадемъ въ Савеліанизмъ, сольемъ Божескія Упостаси. На это позволю себѣ предварительно замѣтить, что выраженіе: личныя свойства, хотя и употребительно, но здѣсь неумѣстно. Въ диалектическомъ преніи оно неточно и сбивчиво. Митр. Макарій говоритъ здѣсь о свойствахъ только несообщимыхъ, и мы съ нимъ согласны. Но въ такомъ случаѣ употребимъ выраженіе, строже опредѣляющее эту несообщимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея логическую причину; и возстановимъ предложеніе Митр. Макарія въ формѣ болѣе приличной научной точности. И такъ, Отецъ и Сынъ едино по существу, но, дѣйствительно, за исключеніемъ свойствъ, включающихъ въ себѣ взаимную несовмѣстность. Иными словами, Сынъ имѣетъ всё, что имѣетъ Отецъ, за исключеніемъ только взаимной несовмѣстности, т. е. возможности быть вмѣстѣ и Отцемъ и Сыномъ, что была бы чистая нелѣпость. Но если только это справедливо, то какимъ именемъ назвать логику автора, который далѣе такимъ образомъ продолжаетъ свое уместованіе: „Когда говоримъ, что Отецъ рождаетъ Сына и изводитъ Св. Духа, Отецъ разумѣется какъ лице съ своимъ личнымъ свойствомъ, отличное отъ Сына и отъ Св. Духа; слѣдов. и когда говорится, что и Св. Духъ исходитъ отъ Отца, въ имени Отца никакъ нельзя подразумѣвать и Сына, Который едино со Отцемъ по существу, а не по личности.“²⁾ Не ясно ли каждому напротивъ, что совершенно обратное заключеніе неоспоримо вытекаетъ изъ посылки, и что оно можетъ быть выражено слѣдующимъ силлогизмомъ: по словамъ Митр. Макарія, всё что имѣетъ Отецъ, имѣетъ и Сынъ, за исключеніемъ только свойствъ, включающихъ въ себѣ взаимную несовмѣстность; но Отецъ имѣетъ свойство изводить Св. Духа, слѣдов. по словамъ же Митр. Макарія, и Сынъ необходимо долженъ имѣть свойство изводить Св. Духа, ибо это свойство въ отношеніи къ Отцу не Сыну не включаетъ въ себѣ рѣшительно никакой взаимной несовмѣстности. И замѣйте, что невозможно

¹⁾ Тамъ же стр. 271.

²⁾ Тамъ же стр. 271.

обвинить меня въ софистической попыткѣ, оттого что я замѣнилъ слова: личныя свойства словами: взаимная несомѣстность. Ибо Митр. Макарій ясно и формально говорить, что личныя свойства несообщимы; несообщимо же, при единствѣ существа, можетъ быть только то, что включаетъ въ себѣ взаимную несомѣстность, т. е. нелѣпость. Слѣдовательно и при букввальномъ сохраненіи авторскихъ выраженій, силлогизмъ остается во всей своей правильности и силѣ, а замѣщеніе было сдѣлано, повторяю еще разъ, исключительно для наглядности и ясности. Чему же приписать подобную сбивчивость въ понятіяхъ, которую по самымъ простымъ законамъ логики, даже и молодые питомцы на скамьяхъ гимназій и семинарій, въ состояніи обличить? Недостатку ли прозорливости въ авторѣ, или скорѣе его внутреннему сознанию о несостоятельности защищаемого имъ, по официальной только обязанности, ученія? Ставлю вопросъ, но не считаю себя въ правѣ рѣшить его.

Но ступившему разъ на наклонную плоскость стоять лишь споткнуться, — онъ по закону тяготѣнія безостановочно будетъ стремиться ко дну. Недовольствуясь, какъ мы видѣли, предъидущимъ — невѣрнымъ заключеніемъ, Митроролитъ Макарій настаиваетъ въ слѣдующей формѣ: „Если допустить, говорить онъ, что словами: „отъ Отца исходитъ“ не исключается, а напротивъ предполагается исхожденіе Св. Духа и отъ Сына, потому что Сынъ едино со Отцемъ по существу, то должны будемъ допустить, что и словами: „отъ Отца рождается“ не исключается, напротивъ предполагается рожденіе Сына отъ Св. Духа, ибо Духъ едино со Отцемъ по существу.“¹⁾ Еслибъ при созерцаніи Трисвятаго Таинства допускаема была углубка, она невольно прокралась бы на уста при прочтеніи подобнаго возраженія. Дѣйствительно, отвѣтъ уже слишкомъ простъ. Неужели стоитъ объяснять бѣлоклобучному богослову что возраженіе имѣло-бы какой нибудь смыслъ тогда, — но тогда только, — когда бы Св. Духъ въ порядкѣ исхожденія былъ не вторымъ, а первымъ, а Сынъ не первымъ а вторымъ? Какой же чудовищный разсудокъ способенъ вмѣстить въ себѣ понятіе: что первый можетъ исходить отъ втораго!! Не явно ли, повторяю, дѣйствуетъ опять законъ тяготѣнія!

Но почтенный Архипастыръ продолжаетъ всё глубже и глубже погружаться. Онъ упорствуетъ, и мы сейчасъ полюбуемся съ какимъ успѣхомъ, потому что не могу отказаться отъ утѣшенія

¹⁾ Тамъ же стр. 271 и 272.

привести буквально и цѣликомъ этотъ перлъ діалектики, не смотря на его размѣры: Но говорятъ, Духъ Св. въ порядкѣ Лицъ Божескихъ есть третій, и слѣдов. въ порядкѣ исхожденія второй; а потому быть не можетъ, чтобы Духъ Св. рождалъ Сына, Который по порядку исхожденія прежде Его (*Perrone Prael. Theol.* кн. II, р. 432). Жалкое защищеніе! Защитникъ уклоняется отъ возраженія: рѣчь о томъ, что если Сынъ, какъ единый со Отцемъ по существу, изводитъ вмѣстѣ съ Нимъ Св. Духа, то и Духъ, также единый со Отцемъ по существу рождаетъ вмѣстѣ съ нимъ Сына; а защитникъ, оставляя единство существа Божескихъ Лицъ, обращается прямо къ тому, что они различны какъ Лица; но и здѣсь допускаетъ ложную мысль; развѣ изъ того, что Сынъ въ порядкѣ Лицъ Пресв. Троицы считается вторымъ, а Св. Духъ третьимъ, слѣдуетъ будто Сынъ и Духъ несовѣчны, будто Сынъ отъ Отца прежде, а Духъ исходитъ послѣ, и будто потому-то Духъ и не можетъ участвовать вмѣстѣ съ Отцемъ въ рожденіи Сына? Нѣтъ, Сынъ и Духъ какъ и Отецъ совѣчны; Сынъ рождается отъ Отца, и Духъ исходитъ отъ Отца равно отъ вѣка, и притомъ совмѣстно, а не такъ чтобы одинъ прежде, а другой послѣ; и слѣдов. если Сынъ можетъ участвовать вмѣстѣ съ Отцемъ въ исхожденіи Св. Духа, — то точно также и Св. Духъ можетъ участвовать въ рожденіи Сына.“¹⁾

Приступая къ разбору этой, по истинѣ образцовой какологіи, я вынужденъ предпослать необходимое заявленіе.

Митрополитъ Магарій довольно щедро расточаетъ противникамъ, за недостаткомъ болѣе цѣлесообразныхъ доводовъ, эпитеты и названія сомнительнаго вкуса. Я не желаю слѣдовать его примѣру. Оставляя совершенно въ сторонѣ высокую личность автора, я охотно преклоняюсь предъ его савомъ и значеніемъ. Но сдѣлавъ эту оговорку, я предоставляю себѣ право относиться съ полною независимостію къ его ученію, какъ къ всякому чисто отвлеченному предмету. Почтеніе къ личности не должно лишать меня права безпощадно отмстить во имя здраваго смысла за нанесенное ему наглое оскорбленіе.

И такъ, скажу на прямикъ, что въ этой отборной галиматѣй красуются собровища всякаго рода: и богословское невѣжество, и поразительная грубость въ онтологическихъ понятіяхъ, и пол-

¹⁾ Тамъ же стр. 272, примѣч. 747.

ное отрицаніе простѣйшихъ законовъ логики, и наконецъ даже формальное жесвидѣтельство. Приступимъ затѣмъ къ подробному доказательству этихъ обвиненій.

Авторъ, возражая противъ извѣстнаго богослова Перроне, доказывающаго, что вопреки тождеству существа, Сынъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ исходить изъ Св. Духа, такъ какъ по порядку исхожденія Ему предшествуетъ, — утверждаетъ что Перроне уклоняется отъ возраженія, потому будто, что оставляя единство существа Божескихъ Лицъ, обращается къ тому, что Они различны какъ Лица. Полюбуемся сперва на превосходную онтологию автора, добродушно воображающаго, что необходимо оставить единство существа, чтобъ поразиться громадною нелѣпостію предложенія: что второе лице можетъ быть рожденно третьимъ, и тѣмъ не менѣе однако, продолжать признаваться вторымъ. Неужели авторъ находитъ, что стоило бы только не терять изъ виду единство существа, чтобъ помириться съ такимъ безсмыслиемъ: что третье лице можетъ быть въ дѣйствительности вторымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаваться однако третьимъ?! Если такъ, то конечно оставалось бы только сердечно поздравить автора, и смиренно сознаться, что невозможно и возражать даже противъ такой своеобразной логики, очевидно касающейся уже болѣе до патологій, чѣмъ до богословія! Во вторыхъ, полюбуемся также и на правдивость достойнаго Архипастыря, такъ какъ на дѣлѣ, изъ словъ Перроне напротивъ, буквально явствуетъ противоположное тому, что говоритъ Митр. Макарій. Ибо: вопервыхъ, Перроне такъ далеко отъ мысли даже оставлять единство существа Божескихъ Лицъ, что прямо указываетъ на это единство, утверждая, что хотя всѣ три Упостаси по существу едино, но отъ того Сынъ не можетъ исходить отъ Духа, что совершенно нелѣпо было бы допустить, будто Первая по порядку исхожденія Упостась могла исходить отъ Второй. Во вторыхъ, Перроне даже и не намекаетъ на различіе Божескихъ Лицъ, а напротивъ указываетъ единственно на различіе порядка исхожденія. Правъ ли я былъ, послѣ этого, утверждая что авторъ чуждъ первоначальныхъ законовъ логики?

Далѣе, и относительно тѣхъ же словъ Перроне, противникъ находитъ въ нихъ ложную мысль. Какую же? Именно ту, что Перроне заключаетъ изъ того, что Сынъ считается въ порядкѣ исхожденія первымъ, а Св. Духъ вторымъ, — будто Сынъ и Духъ несовѣчны, будто Сынъ отъ Отца прежде, а Духъ исходитъ послѣ.

Если бы знаменитый римскій профессоръ могъ встать изъ

своей гробницы, онъ вѣроятно отвернулся бы съ отвращеніемъ отъ такой варварской богословской терминологіи, гдѣ каждое слово носить отпечатокъ грубости представленій и несвойственности выраженій. — Сынъ и Духъ считаются! Сынъ исходитъ прежде! Духъ исходитъ послѣ! Что же это такое? О кустахъ овощей въ огородѣ или о Пресв. Троицѣ рѣчь идетъ?¹⁾

Но каррикатурная форма выраженія сама исчезаетъ передъ уродливою сущностію умствованія. Дѣйствительно, здѣсь уже на первой строкѣ встрѣчается прямое жесвидѣтельство. Автору нужно доказать, что Перроне нарушаетъ совѣчность Упостасей и для того онъ переводитъ слово: *anterior*, словомъ прежде. Во первыхъ, слѣдуетъ замѣтить, что даже при сохраненіи этого невѣрнаго перевода, рѣшительно ни въ какомъ нарушеніи совѣчности Упостасей Перроне повиненъ бы не былъ, такъ какъ онъ многократно и въ особенности на стр. 272, § 22 — приведеннаго Митр. Макаріемъ сочиненія, ясно и формально утверждаетъ, что въ Божествѣ должно понимать исхожденіе такъ, что изводящій предшествуетъ ведущему отъ Него начало не по „времени, а единственно по порядку исхожденія,“ — слѣдов. при строгомъ соблюденіи ненарушимой совѣчности въ Упостасяхъ. Но если не ошибаюсь, утверждать что Коперникъ учитъ: будто не земля вращается вокругъ солнца, а напротивъ солнце вокругъ земли, называется на всѣхъ возможныхъ языкахъ явнымъ жесвидѣтельствомъ. — Но во вторыхъ, повторяю, что самъ переводъ невѣренъ. По здравому разсудку, не менѣе какъ и по грамматикѣ, *anterior* значитъ не прежде, а предшествующій; и слѣдов. не только правильный, но буквальный смыслъ цитаты слѣдующій: Св. Духъ не можетъ родить Сына, который по порядку исхожденія предшествуетъ Ему; такъ какъ Сынъ второе Лице, а Св. Духъ третье. Если бы Перроне имѣлъ въ виду нарушить ученіе о совѣчности Упостасей, онъ долженъ былъ сказать совершенно противное тому, что говорить, т. е. что Сынъ предшествуетъ Св. Духу не по порядку исхожденія, а по времени.

Наконецъ позволю себѣ обратиться къ Митр. Макарію съ вопросомъ. Предполагая даже, что онъ не особенно привыкъ обращаться съ отвлеченными предметами созерцанія, — хотя, конечно, подобное предположеніе нѣсколько подрываетъ кредитъ

¹⁾ Какъ умѣстно, для богословской точности, удачное выраженіе: считаются! Осмѣлюсь въ этомъ духѣ предложить форму еще болѣе приличную. Не изящнѣе ли было-бы ужъ просто выразиться такъ: Сынъ, Котораго принято считать и т. д.

богослова, — но неужели его неспособность на этой почвѣ до- росла до того, что ему недоступно понятіе о логичномъ преиму- ществѣ въ порядкѣ исхожденія Божескихъ Лицъ, безъ грубой примѣси къ этому концепту **вакихъ то часовъ, минутъ или се- кундъ?** — Въ такомъ случаѣ, да будетъ мнѣ дозволено попы- таться разсѣять этотъ метафизическій туманъ, посредствомъ очень простаго и всѣмъ доступнаго сравненія. Когда мысленно, или матеріально, мы заключаемъ неопредѣленное пространство въ чертежъ наприм. **треугольника**, одновременно образуется нѣчто двойственное: одно, — фигура изъ трехъ линій; другое, — опре- дѣленное уже теперь пространство между этими линіями заклю- чающаеся. Спрашивается: въ этомъ двойственномъ явленіи, ко- торое изъ двухъ предшествуетъ другому? Съ одной стороны, совершенно ясно, что это опредѣленное пространство произведено исключительно чертежемъ **треугольника**, и слѣдов., что включаю- щее, т. е. **треугольная фигура предшествуетъ** включаемому, т. е. **треугольному пространству**, съ другой, не менѣе ясно, что оба предмета существуютъ совершенно одновременно; потому что въ то самое мгновеніе какъ только существуетъ, или мыслимъ чер- тежъ, — образуется или мыслимо точно также мгновенно, и заключенное въ немъ пространство. Если такъ легко доказать, что въ простой геометрической фигурѣ, свойство логически пред- шествовать, нисколько ни противорѣчитъ свойству взаимно — одновременнаго существованія, то неужели въ возвышенной сферѣ богословскихъ созерцаній, эта истина была такъ недоступна для ученаго и прославленнаго представителя Греко-Россійской догма- тической науки!

Предоставляю теперь всякому заключить, насколько я былъ правъ, когда позволилъ себѣ такъ рѣзко оцѣнить значеніе и достоинство этого замѣчательнаго образца научной полемики.

Нѣсколько далѣе,¹⁾ Митр. Магарій силится доказать, что ученіе всѣхъ Соборовъ отрицаетъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, и по обыкновенію, съ первой же строки представляетъ новый примѣръ поразительной неспособности, или нежеланія выражать свои мысли съ приличными научному языку точностію и опредѣ- лительностію. Такъ, собираясь привести многочисленныя опредѣ- ленія Соборовъ, которыми исповѣдуются **исхожденіе Св. Духа отъ Отца**, безъ всякаго будто упоминанія о **исхожденіи Его и отъ Сына**, Митр. Магарій полагаетъ себя въ правѣ вывести слѣдующее заключение: **Всѣ до одного вселенскіе Соборы, а за ними**

¹⁾ Тамъ же стр. 288. § 44.

и всѣ почти помѣстные единогласно исповѣдывали исхожденіе Св. Духа только отъ Отца.¹⁾ — Исповѣдывать исхожденіе Св. Духа только отъ Отца, значитъ конечно формально отрицать исхожденіе Его отъ Сына.²⁾ Слѣдов., если предложеніе справедливо, спорить болѣе бы бесполезно; и если дѣйствительно всѣ Соборы отвергли исхожденіе Духа отъ Сына, ученіе вселенской Церкви, должно быть признано несостоятельнымъ и ложнымъ. Но, въ томъ то и бѣда, что приведенныя слова Митр. Макарія заключаютъ въ себѣ софизмъ, хотя и весьма грубого рода, но тѣмъ не менѣе достаточный для ослѣпленія добродушной публики, къ которой онъ обращается. Дѣйствительно; предположимъ, что всѣ приведенныя имъ опредѣленія Соборовъ, въ самомъ дѣлѣ единственно указываютъ на исхожденіе Св. Духа отъ Отца. И въ такомъ даже случаѣ, все таки нелѣпо было бы приѣмнить къ этому факту слова Митр. Макарія, что всѣ Соборы исповѣдывали исхожденіе Св. Духа только отъ Отца. Напротивъ, необходимо было бы выразиться такъ: всѣ Соборы только исповѣдывали исхожденіе Св. Духа отъ Отца. Всякій добросовѣстный читатель пойметъ громадную разницу въ смыслѣ обоихъ предложеній. Первымъ лживо утверждается отрицаніе Соборами исхожденія Св. Духа отъ Сына; вторымъ справедливо указывается только на то: что исхожденіе отъ Сына Соборами выражено не было.³⁾

Конечно, приличнѣе было бы для Архипастыря вовсе не прибѣгать къ полемическимъ орудіямъ такого рода; но автора можно извинить, что отказываясь отъ нихъ, онъ тѣмъ самымъ принужденъ былъ бы отказаться и отъ всей пространной статьи своей объ ученіи Соборовъ, такъ какъ за отсутствіемъ ложнаго, какъ мы видѣли, свидѣтельства Соборовъ, объ отрицаніи будто-бы исхожденія Св. Духа отъ Сына, она уже не имѣла ровно никакого значенія и смысла.

Однако мы разсуждали до сихъ поръ, въ угожденіе автору, въ томъ предположеніи, что ученіе Соборовъ ограничивалось исповѣданіемъ исхожденія Св. Духа отъ Отца, безъ всякаго указа-

1) Такъ-же.

2) Слѣчи выше стр. 20.

3) Для осязательнаго доказательства нелѣпости софизма, стоитъ только приѣмнить его къ какому угодно другому предложенію. Напримѣръ, когда я утверждаю что Митр. Макарій въ этомъ случаѣ софистъ, я утверждаю только, что онъ въ этомъ случаѣ софистъ; но нисколько не имѣю въ виду утверждать, что онъ только въ этомъ случаѣ софистъ. — Что же это опять непонятливость, или же намѣренное надувательство? . . .

нiя на исхожденiе Его отъ Сына. Въ дѣйствительности же оказывается противное. Такъ по свидѣтельству самаго Митр. Макарiя уже на первомъ вселенскомъ Соборѣ¹⁾ изображено Кессарiйскимъ Епископомъ Леонтiемъ, что Духъ исходитъ отъ Отца и собственнiй Сыну. Это прямое и ясное свидѣтельство вселенскаго ученiя Церкви, понятно, весьма неприятно автору, а потому онъ всѣми средствами старается ослабить его значенiе, а для этого избираетъ самый удобный приѣмъ. Подъ видомъ поясненiя, онъ покушается не только исказить мысль Леонтiя, или точнѣе Собора, но даже присвоить ей совершенно противоположный смыслъ. Такъ Митр. Макарiй не стѣсняется утверждать, что говоритъ: Духъ собственнiй Сыну, тоже самое, что говоритъ: „Духъ не исходитъ отъ Сына, но Ему не чуждъ.“ Какова добросовѣстность заключенiя, какова логичность вывода, какова правильность толкованiя!.. Жаль, что Митр. Макарiй не жилъ во времена Арианъ. Они съ восторгомъ заняли бы у него этотъ оригинальный выводъ и примѣнили его навѣрно къ защитѣ арианскаго лжеученiя. Когда вселенская Церковь укоряла ихъ въ ереси, доказывая, что Сынъ собетвеннiй Отцу, они отвѣчали бы, что приведенныя слова доказываютъ въ ихъ пользу; ибо, по толкованiю Православнаго Архипастыря, выражаютъ, что хотя Сынъ не чуждъ Отцу, но однако отъ Него не происходитъ. Вотъ до такихъ крайностей прямо доводятъ произвольныя толкованiя Митр. Макарiя.

Но поясненiе и оправданiе этой образцовой полемической методы также не лишены достоинства. Митр. Макарiй желаетъ указать на какомъ основанiи онъ позволилъ себѣ перевести слова: собственнiй Сыну, словами: хотя не исходитъ отъ Сына; и для этого увѣряетъ, впрочемъ опять совершенно произвольно, что словами: собственнiй Сыну, указывается только на то, что.... Духъ Св. есть собственнiй Сыну по существу, единосущнiй Ему. Но однако позвольте, почтеннiй Архипастырь, Вы на этотъ разъ уже слишкомъ рассчитываете на простоту даже и той публики, къ которой обращаетесь. Ибо здѣсь и ребенокъ Вамъ возразитъ, что единосущность есть свойство общее всѣмъ тремъ Упостасямъ. Слѣдовательно, если бы Соборъ исповѣдывалъ, что Духъ собственнiй Сыну, только потому что Онъ единосущнiй съ Сыномъ, — то, по причинѣ той же единосущности, слѣдовало бы назвать и Отца собственнымъ Сыну и собственнымъ Духу. Но отъ такой богохульной дерзости, Вы сами вѣроятно отступились бы. Слѣдов., единосущность не можетъ быть причиною опре-

¹⁾ Тамъ же стр. 288. § 44.

дѣленія Св. Духа: собственнымъ Сыну и слѣдов. также, причина можетъ быть единственно исхожденіе.

Послѣ сказаннаго сейчасъ, о исповѣданіи исхожденія Св. Духа и отъ Сына, первымъ вселенскимъ Соборомъ, казалось-бы излишнимъ разсматривать опредѣленія слѣдующихъ Соборовъ, такъ какъ, по словамъ самаго Митр. Макарія, они вполнѣ подтвердили опредѣленія перваго. Однако, имѣя въ виду, что авторъ посвятилъ особый отдѣлъ Ефесскому Собору, на свидѣтельство котораго вселенскіе учителя указываютъ, въ доказательство исхожденія Св. Духа и отъ Сына, вмѣняю себя въ обязанность и въ этомъ случаѣ, не оставить безъ отвѣта возраженія Митр. Макарія.

Доказательства вѣры Собора въ исхожденіе Св. Духа и отъ Сына, основаны преимущественно на двухъ торжественныхъ свидѣтельствахъ. Первое, осужденіе Соборомъ Несторіанскаго символа, представленнаго Пресвитеромъ Харисіемъ, въ которомъ отрицалось исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Второе, нетолько знаменитая анаематизма Св. Кирилла, въ которой великій греческій Святитель ясно выразилъ, что Св. Духъ собственный Сыну, — а въ поясненіи той же анаематизмы, что Св. Духъ отъ Сына есть¹⁾, — но въ особенности синодальное письмо того же Св. Отца къ Несторію отъ имени всей Египетской Церкви, въ которомъ, какъ мы выше привели въ греческомъ подлинникѣ²⁾ буквально изображено, что Св. Духъ: Отъ Сына, яко отъ Бога и Отца исходитъ.

На эти вопіющія свидѣтельства о вѣрѣ достославнаго учителя Церкви, одобренныя и подтвержденныя устами вселенскаго Собора, конечно серьезно возразить нѣтъ возможности. Но за неимѣніемъ лучшаго, попробовать опять прибѣгнуть къ какому нибудь полемическому фокусу никому не запрещено. Этой то неблагоприятной задачѣ и обрекъ себя, какъ надо было ожидать по официальной обязанности, неповинный защитникъ Греко-Россійскаго толкованія. Говорю по официальной обязанности, потому что какъ сейчасъ увидимъ по приемамъ Митр. Макарія, объ убѣжденіи едва ли можетъ быть и рѣчь.

Во всякомъ, на сколько бы ни было убѣдительно, но сложномъ умозаключеніи, есть части, на которыя всегда представляется возможность, хоть не дѣльно, но по крайней мѣрѣ благовидно возразить. Обращаясь къ этимъ частямъ, формулировать какой бы то ни былъ доводъ противъ ихъ содержанія, а затѣмъ,

¹⁾ См. выше стр. 9 примѣч. 2 и 3.

²⁾ Тамъ-же примѣч. 2.

упорно умолчать о прочих непререкаемых частях, вотъ самый удобный рецептъ для контроверсистовъ, спорящихъ не подь влияніемъ непреодолимаго убѣжденія, а только для исполненія возложеннаго людьми или обстоятельствами урочнаго труда. Этимъ рецептомъ и не преминулъ воспользоваться Митр. Макарій.

Во первыхъ, онъ совершенно произвольно предполагаетъ, что осужденіе Соборомъ Несторіанскаго Символа падаетъ не на тотъ членъ, въ которомъ отрицается исхожденіе Духа отъ Сына¹⁾, но между тѣмъ онъ не въ состояніи даже намекнуть, къ какому другому члену это осужденіе могло бы относиться; и слѣдов., самъ признаетъ неосновательность своей догадки. Потому онъ прибѣгаетъ къ другому доводу и утверждаетъ, что Собору не за тѣмъ было осуждать Несторіанъ относительно Св. Духа, такъ какъ эти еретики до исхожденія Его вовсе не касались.²⁾ Вѣроятно, для подтвержденія такого изумительнаго открытія онъ приводитъ цѣликомъ IX анаѳематизму Св. Кирилла противъ Несторія, которая ислючительно трактуетъ объ отношеніяхъ Св. Духа къ Христу и заканчивается знаменитымъ изреченіемъ, что кто не говоритъ, что Духъ есть собственный Сыну³⁾, такому анаѳема. Мы уже видѣли, и ниже докажемъ еще подробнѣе, что словомъ, „собственный“ Св. Кириллъ непререкаемо имѣлъ въ виду исхожденіе Св. Духа. Какимъ-же образомъ онъ могъ громить этимъ словомъ Несторія, если его лжеученіе до исхожденія Духа вовсе не касалось!...

Какъ видно, первая половина рецепта, — отвѣчать кой что, кой какъ, но только отвѣчать, — была употреблена, если не съ успѣхомъ, за то съ крайнимъ усердіемъ. Оставалась вторая, т. е. упорное молчаніе о свидѣтельствахъ, приводимыхъ противниками, когда уже совершенно никакого возраженія противъ нихъ не находишь.

Конечно, и съ этою второю половиною пришлось автору поневолѣ помириться. Дѣйствительно, о рѣшающемъ свидѣтельствѣ Св. Кирилла, что: Духъ отъ Сына есть, мнѣ по крайней мѣрѣ, не удалось и слѣда найти въ трактатѣ Митр. Макарія.

Далѣе авторъ обращается къ посланію на имя Несторія отъ лица всей Египетской Церкви, гдѣ помѣщены, какъ мы уже упоминали, знаменательныя слова: Духъ отъ Сына исходитъ, какъ изъ Бога и Отца. Онъ начинается съ того, что замѣняетъ слово исходитъ словомъ изливается. Это замѣщеніе совершенно про-

¹⁾ Догм. богосл. стр. 294.

²⁾ Тамъ-же стр. 295.

³⁾ Тамъ-же Примѣч. 801.

извольное, но дабы не вдаваться въ безкончаемый грамматическій споръ, утѣшимъ еще разъ автора, и примемъ его толкованіе. Никакая уступка въ формѣ не въ состояніи повредить тому, кто въ сущности обладаетъ истиною. Митр. Макарій полагаетъ, что выраженіе: Духъ изливается отъ Сына, не можетъ значить, что исходитъ отъ Сына, а означаетъ только временное изліаніе или посольство.¹⁾ Откровенно говоря, такая сбивчивая и грубая онтологія невольно удивляетъ и поражаетъ въ устахъ ученаго богослова. О какомъ же временномъ изліаніи можетъ быть рѣчь, когда путемъ анализа разбирается и опредѣляется всевѣчное существо Божескихъ Упостасей въ Пресв. Троицѣ? И на какомъ же основаніи позволяетъ себѣ авторъ, произвольно вносить такое дерзкое ограниченіе въ ученіе вселенскаго Собора? И чтобы онъ сказалъ, еслибъ противники осмѣлились прибавить такую самовольную начинку къ свидѣтельствамъ, приводимымъ Греко-Россійскою Церковью? И чѣмъ же наконецъ отличаются отъ богословскихъ приемовъ русскаго Митрополита, лжемудрствованія протестантскихъ учителей, также самовольно утверждающихъ, что слова: сіе есть тѣло мое, должны быть понимаемы такъ: что сіе есть изображеніе тѣла моего?

Но впрочемъ, не будемъ сѣтовать на недостаточность богословской науки автора. Благодаря ей, мы уже не разъ уличали ученіе его въ совершенной несостоятельности. И здѣсь надѣемся достигнуть того же результата.

Во первыхъ, если признаемъ дозволеннымъ вставлять выраженіе: временное, въ одинъ членъ рѣчи, мы не можемъ не признать и за другими права вставлять то же выраженіе и въ прочіе члены, по собственному усмотрѣнію. А такъ какъ опредѣленіе Собора выражено слѣдующими словами: „Духъ Св. не есть и Сынъ, но не чуждъ Ему, ибо называется Духомъ Истины, а Христосъ есть Истина, и отъ Него изливается, какъ изъ Бога и Отца“, — то по ученію Митр. Макарія, всякій, кому это покажется справедливымъ или удобнымъ, будетъ имѣть полное право толковать соборное опредѣленіе, разбивая его по частямъ, слѣдующимъ образомъ: Духъ Св. временно не чуждъ Сыну; — Христосъ есть Истина временная; — Духъ Св. временно называется Духомъ Истины!!.. И замѣйте, что я вношу всѣ эти вставки нисколько не произвольно; напротивъ, оно неизбежно вытекаютъ изъ толкованія самаго Митрополита Макарія. Дѣйствительно, онъ буквально учитъ и здѣсь и повсюду, что

¹⁾ Тамъ-же стр. 297.

слова: Св. Духъ не чуждъ Сыну, — Онъ Духъ Истины, т. е. Христа; — Онъ изъ Христа изливается и т. д. нисколько не означаютъ, какъ утверждаетъ вселенская Церковь, существенное вѣчное, упостасное отношеніе Св. Духа къ Сыну, а только переходящее, временное, т. е. посольство. Слѣдовательно, самъ Митрополитъ Макарій непререкаемо исповѣдуетъ, что Св. Духъ только временно обладаетъ вышеозначенными свойствами, и что слѣдовъ Онъ иногда не чуждъ Сыну, а иногда и чуждъ; что иногда Онъ Духъ Христа, а иногда и нѣтъ; и наконецъ, что Онъ иногда изливается отъ Сына, а иногда и не изливается!.. Нечего сказать, образцовое богословіе и назидательное православіе!..

Доктринальныя мудрствованія Митр. Макарія до такой степени плодотворны, что легко можно было бы вывести и другое, столь же удачное заключеніе изъ его теоріи. Для краткости, впрочемъ, ограничусь однимъ только указаніемъ, предоставляя самому читателю выяснитъ себѣ подробнѣе все богохульные, хотя и строго логическіе выводы, вытекающіе изъ этой теоріи. Дѣйствительно, прошу замѣтить, что если-бы въ самомъ дѣлѣ Соборъ имѣлъ въ виду переходящее и временное только отношеніе Духа къ Сыну, то такъ какъ съ другой стороны, Соборъ ясно выражаетъ, что Духъ изливается изъ Сына именно такъ какъ Онъ изливается и изъ самага Бога-Отца, неизбѣжно приходилось бы заключить что Духъ и изъ Отца тоже изливается только временно. И вотъ внезапно окажется, что по ученію русскаго Митрополита третье лице Пресв. Троицы разомъ лишилось бы всякаго постояннаго начала, и доведено до жалкаго удѣла какого-то перемежнаго, періодическаго существованія!.. Незавидное по истинѣ Божество!..

Во вторыхъ, Митр. Макарій силится доказать, что между изліаніемъ и исхожденіемъ существуетъ различіе тѣмъ, что Отцы Собора выразились: что Духъ изливается отъ Сына, какъ и изъ Бога и Отца.¹⁾ Надо сознаться, что на каждомъ шагѣ officialный защитникъ какъ будто намѣренно опровергаетъ свои собственные доводы и нашептываетъ отвѣтъ противнику. Такъ и здѣсь онъ приводитъ текстъ, буквально выражающій, что между изліаніемъ Духа отъ Сына и изліаніемъ Духа изъ Отца именно нѣтъ никакого различія. Дѣйствительно, вотъ слова посланія: Духъ изливается отъ Сына какъ и изъ Бога и Отца. Не очевидно ли, что если по толкованію Митр. Макарія частицы отъ, и изъ означали въ самомъ дѣлѣ различіе въ изліаніи, то, такъ какъ съ другой стороны уподобляющая частица какъ, означаетъ

¹⁾ Тамъ-же стр. 298.

напротивъ совершенное тождество изліянія, опредѣленіе Собора имѣло бы точно такой же смыслъ какъ и толкованіе Митр. Макарія, т. е. не имѣло бы ровно никакого. Наконецъ, лучшее подтвержденіе нашего объясненія то, что сама вселенская Церковь принимаетъ совершенно безразлично выраженіе отъ и изъ относительно исхожденія Св. Духа. Если Митрополиту Макарію угодно признать, что Духъ исходитъ отъ, или изъ Отца и Сына, могу его увѣрить, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ будетъ въ полномъ общеніи съ вселенскою вѣрою и ея ученіемъ.

Наконецъ, Митр. Макарій довершаетъ свой трудъ изложеніемъ пяти соображеній, такъ называемаго имъ богословствующаго разума, о исхожденіи Св. Духа, которыми, по его мнѣнію, неопровержимо доказывается истина и сообразность съ разумомъ Греко-Россійскаго ученія. Хотя въ этихъ соображеніяхъ повторяются другими словами, но тѣ же самые доводы, которые уже были нами выше опровергнуты, однако не считаю излишнимъ и въ этой новой формѣ уличить ихъ еще разъ въ несостоятельности.

Въ первомъ соображеніи,¹⁾ Митр. Макарій учитъ, что три Божескія Упостаси имѣютъ свойство двоякаго рода: существенныя, нераздѣльныя, общія для всѣхъ Ихъ, — и личныя, раздѣльныя, исключительно принадлежащія каждой изъ Нихъ отдѣльно. — Но уже въ этой первой послыжѣ вопросъ опять поставленъ безтолково. Во первыхъ, потому что выраженіе существенный невѣжественно противопоставляется выраженію личный, какъ будто личныя свойства въ Божествѣ не существенны, что совершенно противорѣчитъ не только ученію обѣихъ Церквей, но самому даже понятію о существѣ безконечномъ, безпредѣльномъ, въ которомъ очевидно ничего случайнаго, или точнѣе контингентнаго, какъ выражается онтологія, быть не можетъ. Во вторыхъ, потому что тождество самихъ Упостасей абсолютно, за исключеніемъ только свойствъ, включающихъ въ себѣ взаимную несомѣстность, т. е. явную нелѣпность. Но тождество, исключющее только нелѣпость тѣмъ не отрицается, а напротивъ подтверждается. Такъ наприм. всемогущество Божіе не отрицается, а напротивъ подтверждается тѣмъ, что Богу невозможно произвести квадратную окружность, или совершить преступленіе. Слѣдовательно, тождество существа разнится въ Упостасяхъ единственно на столько, на сколько отрицаніе различія включало бы въ себѣ нелѣпность. Имѣя постоянно въ виду этотъ строго-аналитическій выводъ, уже не трудно будетъ обличить и опровергнуть самые благовидные софизмы по этому предмету.

¹⁾ Тамъ-же стр. 343.

Поставивъ вопросъ такъ неудовлетворительно, Митр. Макарій продолжаетъ, не съ большимъ, какъ увидимъ, успѣхомъ. Онъ спрашиваетъ, къ чему же относится въ Отцѣ свойство изводить Духа? Къ существу, или къ личности? И затѣмъ ставитъ слѣдующую дилемму: Если къ существу, то надо допустить, что такъ какъ существо у всѣхъ Лицъ едино, то Духъ исходитъ не только отъ Отца и Сына, но и отъ самаго Себя, а это нелѣпость. Если же къ личности, то Духъ можетъ только исходить отъ Отца, ибо Отецъ какъ Лице отличенъ отъ Сына и чтó принадлежитъ Одному изъ Нихъ не можетъ принадлежать Другому. — Изъ сказаннаго нами сейчасъ всякому легко должно быть опровергнуто оба члена фальшивой дилеммы.

На первый членъ дилеммы отвѣчаю:

Если свойство изводить Духа относится въ Отцѣ къ существу, то я согласенъ съ Митр. Макаріемъ, что изъ единства существа дѣйствительно слѣдовало бы признать, что Св. Духъ непременно исходитъ отъ Отца, Сына и Самаго Себя. Но заключеніе, выводимое изъ этого сознанія не только не подтверждаетъ мудрствованіе автора, но напротивъ сокрушаетъ его до основанія. Дѣйствительно, такъ какъ послѣднее исхожденіе, т. е. отъ Самаго Себя, включаетъ въ себѣ взаимную несовмѣстность, т. е. безсмыслицу, а оба первые еѣ не включаютъ, то изъ самаго силлогизма Митр. Макарія непрерываемо слѣдуетъ, что Св. Духъ необходимо исходитъ отъ Отца и Сына; но только отъ Нихъ.

На второй членъ отвѣчаю:

Если къ личности, то опять невозможно не признать, что Св. Духъ непременно исходитъ отъ Отца и Сына, такъ какъ по личности, Отецъ хотя и отличенъ отъ Сына, но отличенъ только тѣмъ свойствомъ, которое включаетъ въ себѣ взаимную несовмѣстность, т. е. нелѣпость, или, другими словами, одною невозможностью быть вмѣстѣ и Отцемъ и Сыномъ. За исключеніемъ же этого основнаго, но единственнаго различія, тождество между Отцемъ и Сыномъ совершенно, и слѣдов., свойство изводить Духа — равномѣрно и необходимо Обоимъ, какъ единому источнику, сообще.

И такъ, изъ обоихъ членовъ дилеммы Митр. Макарія, слѣдуетъ, вопреки тому, что онъ взялся ею доказать, что Св. Духъ необходимо исходитъ отъ Отца и Сына.

Во второмъ соображеніи Митр. Макарій учитъ, что въ Св. Троицѣ, при троичности Лицъ, одно только начало: *μοναρχία* или единоначаліе. Но допускать исхожденіе Св. Духа и отъ Сына, значить, по его пониманію, признавать два начала въ Божествѣ; ибо Отецъ и Сынъ суть одно только по существу, а какъ Лица

они суть два. Допустить же что исхождение Св. Духа относится къ существу Отца и Сына, которое обще самому Духу, есть нелѣпность, говоритъ Онъ.¹⁾ Такъ какъ мы сейчасъ доказали, что напротивъ, нелѣпность истекаетъ только изъ толкованія противника, то считаемъ потерю времени повторять опроверженіе; а прибавимъ только относительно единоначалія, что по видимому, Митрополитъ Макарій не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ употребляемыхъ имъ самимъ выраженіяхъ. Единоначаліе въ Св. Троицѣ, по безтолковому только пониманію можетъ считаться зависящимъ отъ исхожденія или неисхожденія Св. Духа отъ Сына. Очевидно напротивъ всякому, что оно всецѣло и исключительно основано на томъ, что безначальное начало всей Пресв. Троицы, есть и остается одинъ Отецъ. Этой истинѣ придерживается вселенская Церковь никакъ не менѣ Греко-Россійской, но по видимому съ болѣе разумнымъ и яснымъ сознаниемъ, если только послѣдняя дѣйствительно соглашается, въ этомъ случаѣ, съ ученіемъ своего, не слишкомъ прозорливаго Архипастыря.

Въ третьемъ соображеніи Митр. Макарій обвиняетъ вселенскую Церковь въ савеліанизмѣ, т. е. въ сляніи Упостасей Отца и Сына; потому, говоритъ онъ, что она допускаетъ кромѣ единства по существу, какое то особое соединеніе²⁾ между Отцемъ и Сыномъ, вслѣдствіе котораго они единымъ дѣйствіемъ изводятъ Св. Духа. — Отвѣчаю: во первыхъ, что къ искреннему сожалѣнію моему не могу опять не замѣтить, что Митр. Макарій вѣроятно самъ не вполне постигаетъ что такое различіе Упостасей, и что савеліанизмъ. Различіе между Отцемъ и Сыномъ безконечно утверждается уже тѣмъ, и только тѣмъ, что Первый рождаетъ Второго, а Второй рожденъ отъ Перваго, и уже никакая дальнѣйшая сообщность свойствъ неспособна изгладить это основное различіе. Слѣдовательно никакого слянія Упостасей, т. е. савеліанизма вселенское ученіе не допускаетъ и допускать не можетъ. Во вторыхъ, ученіе же о какомъ то особомъ соединеніи Отца съ Сыномъ принадлежитъ не вселенской Церкви, какъ мы уже неоднократно выше доказали, а исключительно Митр. Макарію, слѣдов. и возражать противъ него, еще лишній разъ, не стоитъ. Скажемъ коротко и просто, что во вселенской Церкви никто, никогда не училъ о существованіи какого то особаго соединенія двухъ Божескихъ Лицъ, внѣ единства существа; а напротивъ, на

¹⁾ Тамъ же стр. 344.

²⁾ Опять точное и научное выраженіе. Какое то!... Слѣдовательно такое, которое и самъ Митрополитъ Макарій не въ состояніи выразить, а стало быть и понять.

основаніи именно этого только единства, и заключаетъ вселенская Церковь, что Св. Духъ, исходя отъ Отца не можетъ безъ нелѣпости не исходить тѣмъ самымъ и отъ Сына. И это заключеніе очевидно, какъ мы выше доказали.

Въ четвертомъ соображеніи Митр. Макарій утверждаетъ, что исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына предполагаетъ ббльшее единство Отца съ Сыномъ, чѣмъ Отца съ Духомъ, именно: кромѣ единства существа, еще единство вѣчно-нераздѣльнаго начала Св. Духа.¹⁾ Отвѣчаю: здѣсь мы опять впадаемъ въ постыдную грубость метафизическихъ концептовъ. Недавно мѣрили совѣчность часами или секундами, теперь силится опредѣлить единство по существу въ Божескихъ Лицахъ аршинами, что ли, или пудами! Какая же степень, какое же ббльшее или меньшее можетъ быть въ единствѣ, въ тождествѣ? да еще притомъ въ безпредѣльномъ, въ безконечномъ? Въ какомъ омутѣ онтологическаго невѣжества вращается разумъ, не постигающій, что единство — идея абсолютная; и что слѣдов. ббльшее или меньшее единство есть чудовищная бессмыслица. Довольно; ибо иначе придѣтся, въ концѣ концовъ, возражать и богословствующему Егорьевскому раскольнику Лебеву, учившему что Богъ-Отецъ крайне обидѣлъ Св. Духа, произведя Его во второй только классъ, а не въ первый какъ Сына.

Наконецъ, въ пятомъ и послѣднемъ соображеніи Митр. Макарій учитъ, что Церковь признаетъ въ Богѣ только единичность по существу и троичность по Лицамъ, между тѣмъ какъ ученіе о исхожденіи Св. Духа и отъ Сына вводитъ будто въ Божество еще какую то двойственность.²⁾ Такимъ образомъ неправильно образуются въ Пресв. Троицѣ: единичность по существу, троичность по Лицамъ, и къ тому еще какая то двойственность, ибо Отецъ и Сынъ, какъ начало Св. Духа, составляютъ одно, а Св. Духъ, какъ исходящій отъ этого начала, составляетъ другое.³⁾

На это отвѣчаю во первыхъ: По своему обыкновенію авторъ до такой степени опять здѣсь путаетъ, что договаривается прямо до бессмыслия; ибо даже и въ простой ариметикѣ сравненіе разнородныхъ количествъ почитается бессмыслиемъ. Дѣйствительно, какое же отношеніе къ единичности существа или къ троичности Лицъ, можетъ имѣть двойственность чего то неопредѣленнаго, чего-то, не относящагося ни до Упостаси, ни до су-

¹⁾ Тамъ же стр. 344.

²⁾ Опять какую-то! Неужели мы до конца не узнаемъ отъ автора какую же именно? Очень жаль!

³⁾ Тамъ же стр. 344.

щества, какой то грубой, и богохульной помѣси Отца съ Сыномъ, существующей только въ богословскихъ галлюцинаціяхъ Митр. Макарія, но торжественно отрицаемой вселенскою Церковью, признающей совершенно одинакое впостасное различіе между Собою какъ Отца и Сына, такъ и Св. Духа. Но во вторыхъ, очевидно что Митр. Макарію недоступно даже и богословіе достославнѣйшихъ Отцевъ и учителей своей собственной Церкви. Иначе онъ по всей вѣроятности счелъ бы нужнымъ нѣсколько ограничить свою глубокомысленную, и по новизнѣ смѣлую теорію о сравненіи разнородныхъ двойственности и троичности. Такъ, великій греческій учитель Св. Григорій Назіанзенъ формально учитъ въ знаменитомъ изреченіи о Пресв. Троицѣ что: „Единичность, или „Монада, подвигаясь съ начала въ Двойственность, или Діаду „окончательно въ Тριάду или Троицѣ завершается.“ — *Μονὰς ἀπ' ἀρχῆς εἰς δυάδα κινηθεῖσα μέχρι τριάδος ἐστίν.* — Прибавить что либо къ такому поражающему свидѣтельству, значило бы конечно, только уменьшить сокрушающую его силу.

Наконецъ, считаю не лишнимъ напомнить здѣсь въ свою очередь, что не вселенское ученіе, а напротивъ Греко-Россійское толкованіе разрушаетъ православное и разумное понятіе о троичномъ порядкѣ Впостасей; ибо если единый Отецъ рождаетъ Сына, и единый же Отецъ изводитъ Духа, и при томъ если это рожденіе и это исхожденіе, какъ справедливо учитъ Митр. Макарій, одинако совѣчны, рѣшительно уже не остается никакого основанія признавать Сына второю Впостасью, а Св. Духа третьей; а напротивъ необходимо заключить должно, что въ Св. Троицѣ существуютъ только: одно первое Лице—Отецъ, и два вторыя Лица—Сынъ и Св. Духъ, или даже, пожалуй, если вамъ придется болѣе по вкусу, Св. Духъ и Сынъ. Всякій сознается вѣроятно, что едва ли можно считать счастливымъ, и въ особенности православнымъ, это оригинальное примѣненіе теоріи о близнецахъ, къ Божескимъ Впостасямъ въ Пресв. Троицѣ.

Вотъ всё, что мнѣ удалось извлечь изъ трактата ученаго Владыки, посвященнаго усердной, болѣе чѣмъ успѣшной, защитѣ Греко-Россійскаго толкованія о исхожденіи Св. Духа и опроверженію вселенскаго ученія относительно того же догмата. Пусть разсудитъ теперъ всякій что остается отъ всѣхъ доводовъ, положеній, мудрствованій и умозаключеній достопочтеннаго Митрополита. Пусть всякій скажетъ, былъ-ли я правъ, когда впередъ опѣнилъ съ такимъ нестѣсняемымъ прямодушіемъ научное и богословское значеніе его пространнаго, но во всякомъ случаѣ не серьезнаго труда.

Кто послѣ того повѣритъ, что оболыщенный авторъ, до такой степени однако, рассчитывалъ на научную неразвитость того замкнутаго кружка, къ которому обращался, что позволилъ себѣ, въ общемъ заключеніи своего безвреднаго набора,¹⁾ не выдерживающаго, какъ мы видѣли, даже поверхностнаго анализа, и доказывающаго на каждой страницѣ истину и справедливость именно того, что имѣеть въ виду опровергнуть, — кто повѣритъ, говорю я, — что онъ позволилъ себѣ выразиться такъ: мы теперь можемъ судить на какой сторонѣ истина, можемъ сказать всякому: Приди и вижь!

И мы дѣйствительно, незванные гости, неожиданно для насъ самихъ принуждены были откликнуться на приглашеніе, конечно не къ намъ обращенное; да разсмотрѣвъ подробно эту длинную вереницу неточностей, сбивчивости, незнанія и даже лжесвидѣтельства, и мы въ свою очередь можемъ сказать всякому образованному читателю, — но съ бѣльшимъ, надѣмся, основаніемъ, — Приди и вижь! — Впрочемъ, если съ нашей стороны подобная увѣренность не что иное какъ самообольщеніе, вѣроятно легко будетъ каждому опровергнуть приведенныя нами доказательства и возраженія. Будемъ спокойно ожидать отвѣта, съ какой бы стороны онъ не дошелъ до насъ.

Я впрочемъ долженъ здѣсь оговориться на счетъ того, что буду считать отвѣтомъ дѣльнымъ, серьезнымъ, или же пустымъ словопріемъ.

Разбирать всякій сложный вопросъ можно двумя путями: съ цѣлью во что бы ни стало, но только казаться правымъ, или съ цѣлью выяснить разбираемое усложненіе по существу и подъ влияніемъ предметнаго, безкорыстнаго убѣжденія. Первый приѣмъ я не только съ удовольствіемъ предоставляю охотникамъ до придирокъ и крючкотворства, но формально заявляю, что никогда не буду считать заслуживающими отвѣта прекословниковъ, прибѣгающихъ къ полемикѣ такого унизительнаго свойства.

Но, скажутъ мнѣ, кто же дастъ Вамъ право быть судьей въ дѣлѣ, гдѣ Вы сами принадлежите къ одной изъ спорящихъ сторонъ? Кто дастъ Вамъ право рѣшать, что составляетъ серьезный, добросовѣстный споръ, и что пустословную придирку? Никто. Но, къ счастью, здѣсь само дѣло, помимо всѣхъ, ясно говорить за себя. Дѣйствительно, мы имѣли въ виду доказать на предъидущихъ страницахъ, что догматъ о исхожденіи Св. Духа ведетъ, по Греко-Россійскому толкованію, къ прямой и явной нелѣпости.

¹⁾ Тамъ же стр. 347.

Полагаю, что доказалъ кромѣ того, почему толкованіе это, — для защиты котораго противники, за неимѣніемъ лучшаго, прибѣгають только къ безъ-исходному словопренію о подлинности или поддѣльности всякихъ рукописей, свидѣтельствъ, изданій, о правильности или ошибочности преложеній, о дѣйствительности или вымышленности фактовъ, о значеніи или незначеніи прямыхъ и косвенныхъ, доказательствъ, и т. п. — никогда не успѣло убѣдить никого изъ принадлежащихъ къ Греко-Россійской Церкви, прочихъ Христіанъ всего образованнаго міра.

Причина этого явленія, — напомню еще разъ, — самая естественная и простая.

Представимъ себѣ, что существуетъ христіанское общество, исповѣдующее напр. что три Божескія Упостаси образуютъ будто три отдѣльныя Божества. Предположимъ затѣмъ, что единственный способъ, принятый этою Церковью для защиты лжедогмата состоитъ въ утомительномъ безконечномъ спорѣ о какихъ то патристическихъ свидѣтельствахъ, текстахъ, сомнительныхъ фактахъ и т. д., доказывающихъ будто истину ея вѣры. Понятно, что по этому пути всѣ старанія, всѣ усилія ея всегда окажутся суетными и тщетными, такъ какъ до разбора ея возраженій, противники справедливо будутъ сперва указывать на существенную несостоятельность ученія, ведущаго къ прямой и явной нелѣпости.

Въ такомъ именно положеніи находится доселѣ споръ объ исхожденіи Св. Духа относительно Греко-Россійскихъ толкователей. Ихъ укоряють въ осязательномъ противорѣчій съ первыми основаніями разума, а они уклоняются, отвѣчая на это утонченнѣйшими изворотами критическаго стряпчества. Не пора ли выйти изъ такого недоразумѣнія? Не пора ли добросовѣстно отнестись наконецъ къ вопросу? Довольно останется времени для критическаго разбора, когда предварительно доказано будетъ, что отрицаніе исхожденія Духа и отъ Сына не ведетъ къ прямой нелѣпости. А до тѣхъ поръ, я по крайней мѣрѣ не согласенъ болѣе убивать время на безцѣльное словопреніе, продолжавшееся уже болѣе тысячи лѣтъ, пока не выяснится эта первая и существенная исходная точка вопроса; и до ея рѣшенія я буду считать каждое возраженіе, почерпнутое изъ критической сферы, не только не заслуживающимъ отвѣта, но прямымъ явнымъ признаніемъ самихъ противниковъ въ невозможности согласить ихъ толкованіе съ требованіями здраваго смысла и разсудка.

Этимъ заявленіемъ я могъ бы и окончить свой трудъ и разстаться наконецъ съ уважаемымъ авторомъ. Но, къ сожалѣнію, нахожу на одной изъ послѣднихъ строкъ его трактата, слѣдую-

щее конечно комичное, но тѣмъ не менѣ заслуживающее отвѣта замѣчаніе:¹⁾ Памятуя, говорить Митр. Макарій, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ повели западныхъ Христіанъ самовольныя мудрованія о личномъ свойствѣ Св. Духа... и пр. и пр. Когда говорится о гибельныхъ послѣдствіяхъ какого либо ученія, для какого бы то ни было политическаго или религіознаго человѣческаго общества, надо необходимо заключить, — въ особенности если эти гибельныя послѣдствія имѣли рѣдкій случай безпрепятственно развиваться въ продолженіи цѣлыхъ 19^{ти} столѣтій, — или, что они окончательно погубили означенное общество, или же что называть ихъ гибельными не только смѣшно, но просто бессмысленно. Но, насколько мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно, доселѣ вселенская Церковь еще не погибла. Объемля въ своемъ лонѣ до 200^{ти} миллионѣвъ единовѣрцевъ, представляя собою почти шестую часть населенія всего земнаго шара, эта Церковь успѣла соединить въ одно духовное цѣлое разнообразнѣйшія народности, составляющія по просвѣщенію, соціальному развитію и исторической культурѣ, лучшій цвѣтъ человѣчества. Управляемая въ продолженіи 19^{ти} столѣтій непрерывнымъ рядомъ избранныхъ и добровольно всеми признанныхъ Владыкъ, она распространилась по всемъ безъ исключенія странамъ и государствамъ вселенной, ежедневно обогащаемая со время Христа, и до настоящаго дня, кровью мучениковъ, безкорыстныхъ жертвъ высокаго духовнаго идеала, среди преобладанія матеріальныхъ выгодъ и эгоистическихъ интересовъ. Она успѣла, подъ мудрою и постоянною опекою своихъ Первосвященниковъ, довести, по свидѣтельству самихъ знаменитѣйшихъ ея враговъ,²⁾ хищническую орду варваровъ завоевателей до политическаго совершеннѣтія, до соціальнаго самосознанія, и наконецъ до незабвеннаго разсвѣта возрожденія наукъ и художествъ въ XVI. столѣтіи. На всѣ грубыя посягательства деспотизма и меча, она отвѣтила, и понынѣ еще отвѣчаетъ, несокрушимою стойкостью убѣжденія и торжественнымъ протестомъ права противъ насилія и матеріальной власти. Всеми попыткамъ лжеучености и нерврія опровергнуть божественныя основанія ея догматовъ, она одна, неумоимо и гласно противопоставляетъ научную защиту откровенія и прочихъ частей своего ученія. Нѣтъ на свѣтѣ той поруганной истины, нѣтъ того попраннаго права, которыя не находили-бы немедленно краснорѣчивыхъ защитниковъ

¹⁾ Тамъ же стр. 349. § 50.

²⁾ Англійскій историкъ Джиббонъ, утверждаетъ, что Церковь образовала Европейское Общество, подобно тому какъ пчелы образуютъ соты въ ульѣ.

въ рядахъ ея сыновъ, и властнаго, неустрашимаго обличителя въ ея главѣ. Напрасно демагогическій терроръ воскрешаетъ языческій острацизмъ противъ безвинныхъ ея служителей, напрасно также, падаютъ ихъ головы подъ сѣкирою дикарей Азіатовъ,¹⁾ божественный родникъ самопожертвованія не изсякаетъ въ ея лонѣ, и еще въ настоящую минуту болѣе 100 тысячъ ея духовныхъ представителей обоюго пола, посвящаютъ себя безвозмездно воспитанію юношества во всѣхъ странахъ свѣта, между тѣмъ какъ 87 тысячъ другихъ, обрекаютъ себя богоугодному служенію страждущему человѣчеству, не только въ Италіи, Франціи, Англии, Германіи и всей Европѣ, но и въ Турціи, Китаѣ, Японіи, Африкѣ, Америкѣ и самой, наконецъ, отдаленнѣйшей Австраліи. Одновременно, и тѣми же повсемѣстно чтимыми устами, она съ сознательнымъ достоинствомъ приглашаетъ къ обратному пути въ Каноссу могущественнаго представителя Германскаго Цесаря во всемъ упоеніи торжества и побѣдъ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ клеймитъ безопадно современныхъ изувѣровъ, дикихъ поклонниковъ демагогическаго кинжала и динамита. Наконецъ, ея духовный организмъ до того сросся съ социальнымъ строемъ всего просвѣщеннаго человѣчества, что всякое событіе, касающееся ея жизненныхъ интересовъ, немедленно потрясаетъ до основанія всё общественное и политическое зданіе вселенной, и великую, несомнѣнную истину провозгласилъ недавно, передъ лицомъ всей Европы, вѣщеносный узникъ въ Ватиканѣ, когда въ полномъ сознаніи своего нравственнаго могущества, Онъ торжественно объявилъ, что вынужденный обстоятельствами, не усумнится покинуть свою вѣковую столицу; ибо въ какой бы хижинѣ не пришлось Ему преклонить старческую главу, тамъ немедленно, и тѣмъ самымъ, образуется все мірно-признанное средоточіе Христіанской вселенской Церкви!

И вотъ, въ недостижимомъ величіи какаго зрѣлища удалось еъ сожалѣнію, Русскому Архипастырю, подъ неумолимымъ гнетомъ официальности, найти признаки упадка и гибели. Напрасно! ... не удастся ему скрыть карикатурную уродливость употребленнаго выраженія подъ личиною такого постыднаго мужества. Напрасно! ... потому, что вопреки убѣжденіямъ чиновничьей премудрости, еще не всё, слава Богу, способно превозмогать усердіе!...

Нѣтъ, Высокопресвященнѣйшій Владыко, не вселенская Церковь являетъ признаки упадка и разложенія. Нѣтъ, не она ли-

¹⁾ Не далѣе какъ въ Мартѣ 1884 г., 15 католич. Миссіонеровъ были обезглавлены въ Тонкинѣ.

пилаась жалкимъ оскорбленіемъ священнаго преимущества плодотворности и жизнедательной силы. Не она, изнывая подъ унижающимъ протекторатомъ правительственной лапы, утратила незамѣнимый даръ вселенства, и до того погрязла въ трясинѣ національности, до того кристаллизировалась въ шаблонъ свѣтскаго самодержавія, что и при благопріятнѣйшихъ даже предположеніяхъ она совершенно немислима внѣ территоріальныхъ предѣловъ закабалившей ее власти. Не она, чрезъ это, по необходимости и на всегда, отказалась отъ божественной способности приращенія и распространенія по всему человѣчеству, — этого перваго по словамъ Спасителя, и главнѣйшаго знаменія истины и православія Христовой Церкви, — и потому не она читаетъ въ сужоѣ ежедневное, торжественное, собственное осужденіе, исповѣдуя вѣру въ Церковь соборную, т. е. вселенскую. Не она, подъ мертвящимъ вліаніемъ отщепенства, окоченѣла на вѣки въ безжизненномъ обликѣ внѣшней обрядности, какъ эти длинные ряды мѣрзлыхъ животныхъ, которыя на сѣнномъ рынкѣ такъ возбуждаютъ любопытство чужестранцевъ, издали не способныхъ различить подъ неприкосновенной наружностью жизни, разрушеніе, смерть и даже тлѣніе. Не въ ея догматическое и моральное преподаваніе до того вкралась постепенная ржавчина рутинны, что всѣ съ равнодушіемъ отворачиваются отъ произведеній ея духовныхъ учителей, какъ отъ опротивѣвшаго набора общихъ мѣстъ и отжившаго, безцѣльнаго витійства. Не она низошла до уровня какого-то Христіанскаго Буддизма, заключившись въ бесплодной сферѣ слѣпаго формализма, и утративъ такимъ путемъ всякое вынуждающее вліаніе на человѣческую волю. Не она довела до минимума практическое значеніе таинства Покаянія, лишивъ его двухъ краеугольныхъ условій своей дѣйствительности, т. е. разумной исповѣди и удовлетворенія; и такимъ образомъ уподобивъ кающихся грѣшниковъ какимъ то коснымъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ доскутыямъ, возстановляемымъ въ первобытную бѣлизну безъ всякаго съ ихъ стороны содѣйствія, а исключительно посредствомъ усердной можетъ быть, но во всякомъ случаѣ, чисто механической только стирки. И не она также унизила до пустой, условной формальности приобщеніе къ величайшему таинству христіанства, къ первѣйшему, животворному роднику христіанскаго благочестія. Не въ ея рядахъ найдете Вы въ громадномъ большинствѣ случаевъ, невозмутимо спокойное приобщеніе къ этимъ страшнымъ таинствамъ, безъ малѣйшей даже заботы о несомѣстности священнаго обряда съ публичнымъ соблазомъ незаконныхъ связей и гласно развратной жизни. Въ особенности

не въ ней найдете Вы нѣмыхъ свидѣтелей такихъ соблазновъ, въ лицѣ духовниковъ, изъ за страха десятки лѣтъ безропотно терпящихъ на самомъ престолѣ, какъ нормальный фактъ, публичное повтореніе такого періодическаго оскверненія святыни.¹⁾ Не къ ея духовенству относятся съ обиднымъ презрѣніемъ всѣ прочія классы гражданскаго общества, и не ея высшіе представители унизились до срама внимать въ своихъ святѣйшихъ собраніяхъ бречанію гусарскихъ шпоръ, трѣх-бунчужныхъ представителей самодержавія, указамъ и паспораженіямъ котораго приходится по неволѣ непрекословно повиноваться. Не она изнемогаетъ отъ тайной язвы ежедневно размножающихся расколовъ, и не она, наконецъ, когда либо дозволила грубой рукѣ деспота произвольно ломать всю внѣшнюю форму церковнаго устройства, и безъ малѣйшаго даже протеста съ ея стороны однимъ размахомъ пера, разрѣшать на каждомъ шагу самыя сложныя задачи изъ морали и каноническаго права.

Если вселенская Церковь когда нибудь низойдетъ до такой степени униженія, тогда — но тогда только, — дозволено Вамъ будетъ сожалѣть о ея гибели. А до тѣхъ подѣлъ подѣлъ Вамъ воздержаться и уберечь Ваше сожалѣніе для болѣе подходящаго предмета.

Всмотритесь пристальнѣе, и Вы можетъ быть найдете другихъ Церквей, болѣе вселенской представляющихъ разительное сходство съ плачевной картиной, о которой я сейчасъ упомянулъ.

Впрочемъ, не мое дѣло конечно, судить о томъ. Единственная цѣль моя была, подчеркнуть такъ сказать, смѣшную неумѣстность Вашего выраженія. Пусть рѣшитъ читатель, на сколько эта цѣль была мною достигнута.

На этотъ разъ считаю себя въ правѣ окончательно проститься съ Митрополитомъ Макаріемъ и обратиться къ прочимъ противникамъ вселенскаго ученія съ первыхъ временъ раскола до Зерникава и Прокоповича. Опровергая ихъ мудрствованія, мы тѣмъ самымъ возразимъ и на тѣ доводы Высокопреосвященнѣвшаго богослова, которые онъ прямо заимствовалъ изъ сочиненій своихъ предшественниковъ, помимо принадлежащей соб-

¹⁾ Вспомнимъ только достопамятные примѣры мужества, явленные въ подобныхъ случаяхъ Константинопольскими Патріархами до раскола, относительно Византійскихъ деспотовъ; а въ позднѣйшія времена, свидѣтельства современниковъ, о дѣйствіяхъ галликанскаго Духовенства, въ грозную эпоху самодержавія Людовика XIV. и Людовика XV. Они поучительно указываютъ, до какаго безстрашія убѣжденіе можетъ возвести человѣческую немощь.

ственно ему доморощенной полемики, уже подробно разобранный нами на предыдущихъ страницахъ.

Главнѣйшія возраженія представляемыя греческою Церковью, а много позже и російскою, противъ догмата о исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, могутъ быть отнесены, для удобства, къ тремъ различнымъ группамъ.

Возражаютъ во первыхъ:

Когда Христосъ говоритъ о Св. Духѣ, Онъ постоянно учитъ, что Духъ исходитъ отъ Отца, и въ особенности формально утверждаетъ: (Иоанн. XV. 26) „Егда же придетъ Утѣшитель, Его же азъ пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ.“¹⁾ — Противъ этой истины, всѣ приводимыя западною Церковью свидѣтельства, ровно ничего не доказываютъ, ибо, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слова: Его же азъ пошлю вамъ, самъ Христосъ объяснилъ, говоря: „Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дасть вамъ.“ — Слѣдовательно, Сынъ посылаетъ Св. Духа въ смыслѣ только моральномъ, нравственно, путемъ просьбы, а не по естеству изводя Его. Кромѣ того, что слова: Онъ отъ моего приметъ и возвѣститъ вамъ“, должно понимать только о Его ученіи, доказываетъ вполнѣ смыслъ всей рѣчи Христа; дѣйствительно: Онъ только что сказалъ передъ тѣмъ: „Еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ; егда же придетъ Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину.... Онъ отъ Моего приметъ и возвѣститъ вамъ.“ — Что же Духъ могъ взять отъ Христа и возвѣститъ ученикамъ? Конечно, не что иное какъ то ученіе, которое тогда Апостолы еще не были въ состояніи нести?²⁾ Это толкованіе подтверждается и самимъ Мальдонатомъ, который слова: „отъ Моего приметъ“, относитъ къ ученію Христа, и именно, потому что они поставлены въ будущемъ. Наконецъ и самое изреченіе „Вся елика имать Отецъ Мой суть“, — рѣшительно ничего не доказываетъ; иначе, такъ какъ всё что имѣетъ Отецъ, за исключеніемъ взаимной несомѣстности, имѣетъ также Св. Духъ, слѣдовало-бы заключить, что, такъ какъ въ произрожденіи Сына Отцемъ, никакой взаимной несомѣстности не существуетъ, между Отцемъ и Св. Духомъ, что Сынъ справедливо могъ бы быть также признаваемъ рожденнымъ отъ Св. Духа. Но подобное заключеніе очевидно нелѣпо и богохульно.

1) Это изреченіе Христа Спасителя, Греки называли острою стрѣлою, направленною противъ ученія вселенской Церкви.

2) Такъ между прочимъ богословствуетъ Митрополитъ Филаретъ: Разг. между испятующ. и вѣрующ. стр. 47.

Отвѣчаю:

Если бы вселенская Церковь исповѣдывала, что Св. Духъ отъ Отца не исходитъ, приведенный евангельскій текстъ, конечно совершенно сокрушалъ-бы её ученіе. Напротивъ, такъ какъ изъ доказаннаго выше неопровержимо слѣдуетъ, что исхожденіе Св. Духа отъ Отца не можетъ безъ нелѣпости не вѣлчать въ себѣ и исхожденіе Его отъ Сына,¹⁾ слова Христа Спасителя не отрицаютъ, а подтверждаютъ ея ученіе. Дѣйствительное, Св. Августинъ правильно замѣчаетъ: „Онъ исходитъ отъ Отца“, — что виновникъ исхожденія есть Отецъ, родившій такого Сына, а давъ, рождая Его, чтобъ и отъ Него исходилъ Св. Духъ; ибо, если бы не исходилъ и отъ Него, Онъ не сказалъ бы Самъ Апостоламъ: „Примите Духа Святаго“.²⁾

Такъ точно и Св. Кириллъ Александрійскій, разсуждая о текстѣ Іоан. XV. объясняетъ, что Христосъ сказалъ, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца, дабы чрезъ то указать на тождество существа Сына и Отца: „Вотъ почему, пишетъ онъ, выражаясь о Духѣ истинны, т. е. о своемъ Параклитѣ, говоритъ что исходитъ отъ Самаго Отца. Ибо, такъ какъ Духъ есть собственный Сыну, существенно и въ Немъ сущій, и чрезъ Него исходящій, такъ точно есть собственный и Отцу.“ — И наконецъ заключаетъ: „въ единомъ значеніи Божества Св. Троица завершается.“³⁾ — Да и Св. Афанасій, а съ нимъ и прочіе греческіе Отцы, которые хотя и сами читали въ Евангеліи слова: „иже отъ Отца исходитъ“, — тѣмъ не менѣе не отдѣлились отъ ученія вселенской Церкви, ибо хорошо знали изъ того же Евангелія что: „вся Моя Твоя суть и Твоя Моя суть.“ а потому вполне постигли, что отъ Отца исходитъ Св. Духъ не можетъ, иначе какъ исходя вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ Сына, изъ за нераздѣльности Божественнаго существа,⁴⁾ какъ мудро замѣчаетъ Св. Августинъ. Слѣдуетъ еще прибавить, что эти самые святые учителя указываютъ на форму, весьма употребительную въ Св. Писаніи, по которой часто приписывается одному только Лицу свойство, составляющее принадлежность и двухъ прочихъ. Такъ говорится про Сына „бѣ

¹⁾ См. выше: стр. 18. 19 и 20.

²⁾ Прот. Макс. Аріан. Кн. II гл. 14. Н. 1.

³⁾ *Ἴδοὺ γὰρ, ἰδοὺ πνεῦμα τῆς ἀληθείας τοῦτ' ἐστίν, ἑαυτοῦ τὸν παράκλητον εἰπὼν παρὰ τοῦ πατρὸς αὐτὸν πορεύεσθαι φησιν· ὡσπερ γὰρ ἐστίν ἴδιον πνεῦμα τοῦ υἱοῦ φυσικῶς, ἐν αὐτῷ τε ὑπαρχόν, καὶ δι' αὐτοῦ προῖόν, οὕτω καὶ τοῦ πατρὸς εἰς ἓνα θεότητος λόγον ἢ ἅγια τριάς ἀνασφίζεται.* — Книга X глав. 15.

⁴⁾ О Троицѣ Кн. I гл. 7 и 17.

свѣтъ истинный“, между тѣмъ какъ и Отецъ и Св. Духъ не менѣ Его суть свѣтъ истинный.

Далѣе, совершенно ложно будто Христось посылаетъ Св. Духа только въ смыслѣ моральномъ. Напротивъ, если въ словахъ: „Азъ умолю Отца и иного Ушѣшителя дать вамъ“, — Онъ дѣйствительно выражается какъ человѣкъ, за то въ словахъ: „Его же Азъ послю вамъ“, — Онъ говоритъ какъ Богъ, и такимъ образомъ **вытѣщаетъ** въ Своей рѣчи ученіе о двухъ посольствахъ, которыхъ **превратно смѣшиваютъ** Греки, сливая ихъ въ одно.

Но **допуская даже**, по толкованію Грековъ, что Христось, говоря: „Онъ отъ Моего приметъ“, имѣлъ въ виду только знаніе, или мудрость, изъ этого толкованія вытекаетъ заключеніе совершенно противное тому, которое Греки выводятъ. Ибо, если Св. Духъ, т. е. Богъ **пріемлетъ отъ Сына знаніе или мудрость, слѣдов. не отъ Себя, а отъ Сына эту мудрость, это знаніе имѣетъ; но въ Божествѣ знаніе или мудрость, и существо, совершенно тождественны**, и братъ отъ Сына одно, непререкаемо значить братъ тѣмъ самымъ и другое; слѣдов. Св. Духъ, **пріемля отъ Сына знаніе или мудрость, тѣмъ самымъ пріемлетъ и существо, т. е. исхожденіе.** Впрочемъ, что вопреки Мальдонату, Теофилакту, и нѣкоторымъ другимъ, Христось этими словами **скорѣе имѣлъ въ виду существо чѣмъ знаніе, мудрость, ученіе и т. п. доказываютъ не только приведенныя толкованія Св. Отцевъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ, но и древнѣйшія преложенія Св. Писанія, о которыхъ мы выше упоминали, и которыя всѣ исключаютъ такого рода натяжку.**

Что же касается собственно до Мальдоната, знаменитый **Петалій неопровержимо доказалъ изъ ученія древнѣйшихъ толкователей, что тождественное значеніе выражений: „Отъ Моего пріиметъ“ и „отъ Меня исходитъ,“ не только правдоподобно, но вполне неотрицаемо изъ всего содержанія Христовой рѣчи. Дѣйствительно, если съ самымъ Мальдонатомъ необходимо признать, что слова: „вся, елика Моя суть“, означаютъ существо, не менѣе необходимо должно также признать, что когда Христось говоритъ, потому Духъ Св. „отъ Моего пріиметъ“, что „вся елика имать Отецъ Моя суть“, слова: **отъ Моего пріиметъ, точно также должны относиться къ существу. Но братъ отъ существа, именно и значить исходить.****

Относительно же употребленія глагола въ будущемъ времени, въ словахъ: „отъ Моего пріиметъ“, необходимо имѣть въ виду во первыхъ, что въ Божеской вѣчности, не можетъ быть рѣчи о какомъ либо временномъ отношеніи, и что относительно Бога,

вполнѣ безразлично говорится, Онъ взялъ, беретъ, или возьметъ; во вторыхъ, что Христось, объясняя какимъ образомъ внѣшнее посольство Св. Духа отъ Сына основано на внутреннемъ Его исхожденіи отъ Сына, этими словами имѣлъ преимущественно въ виду это самое, внѣшнее посольство, которое тогда еще во времени не осуществилось; а потому и употребляетъ глаголь въ будущей формѣ. —

Наконецъ, о послѣднемъ возраженіи, будто изъ вселенскаго ученія можно вывести заключеніе, что и Сына можно признать рожденнымъ отъ Св. Духа, не считаю нужнымъ и упоминать, такъ какъ нелѣпность его была пространно и обстоятельно доказана выше.¹⁾

Но, настаиваютъ противники, если бы Св. Духъ дѣйствительно исходилъ и отъ Сына, для чего Христось не выразилъ это формально? Для чего, говоря только что Онъ исходитъ отъ Отца, какъ будто намѣренно хотѣлъ ввести насъ въ заблужденіе?

Отвѣчаю: Что во первыхъ, если бы придерживались такого рода мудрствованіямъ, или точнѣе, такимъ ребяческимъ полемическимъ приемамъ, каждый догматъ Христіанской вѣры служилъ бы камнемъ преткновенія для непрозорливаго разума. Такъ спрашивали бы, почему Христось, если Онъ дѣйствительно Богъ, какъ будто намѣренно ввелъ насъ въ заблужденіе, говоря: „Отецъ мой болѣе Мене есть“, между тѣмъ какъ очевидно что Богъ не можетъ быть менѣ Бога; или почему онъ ввелъ насъ въ заблужденіе, когда сказалъ, указывая на хлѣбъ: „сіе есть тѣло Мое“, а указывая на чашу съ виномъ: „сіа бо есть кровь Моя“, между тѣмъ какъ по ученію обѣихъ Церквей, не хлѣбъ есть исключительно тѣло, и не вино есть исключительно кровь, а напротивъ въ каждой частицѣ и хлѣба и вина, послѣ пресуществленія, Христось всецѣло тѣломъ и кровію присуцъ? Странно, что Греко-Россійская Церковь такъ здраво и легко объясняетъ мнимыя противорѣчія, заключающіяся въ этихъ несравненно болѣе рѣзкихъ и опредѣленныхъ текстахъ, а въ то же время такъ упорно недоумѣваетъ только надъ единственнымъ текстомъ, послужившимъ, по истеченіи цѣлыхъ трехъ столѣтій, предлогомъ расколу и ведущимъ, по ея толкованію, къ такому явному абсурду? Во вторыхъ замѣчу, что мы не имѣемъ права развѣдывать, почему Христу Спасителю благоугодно было выразиться скорѣе въ таковой, чѣмъ въ другой формѣ; и наконецъ напомнимъ, что въ той же, такъ сказать страницѣ, Христось ясно учитъ насъ о исхожденіи

¹⁾ См. выше стр. 24.—27.

Св. Духа отъ Сына, когда утверждаетъ, что Духъ отъ Сына посылается, что Онъ отъ Сына беретъ, что Сынъ тождественъ съ Отцомъ, что всё что имѣеть Отець, имѣеть и Сынъ и т. д.

Возражаютъ во вторыхъ:

Константинопольскій Символь повелѣваетъ исповѣдывать Св. Духа, иже отъ Отца исходящаго, что очевидно свидѣтельствуеетъ о вѣрѣ древней Церкви. Дѣйствительно, когда Св. Кирилль утверждалъ въ своихъ анаѳематизмахъ, что Св. Духъ есть собственный Сыну, Феодоритъ рѣзко порицалъ его за то, однако ни кто не упрекнулъ благочестиваго и ученаго Святителя въ нарушении православія, да и самъ Св. Кирилль не только не счелъ возможнымъ что либо отвѣтить на его обвиненіе, но напротивъ постепенно сталъ отступаться отъ сказаннаго, и съ тѣхъ поръ началъ строго придерживаться прародительскаго ученія, какъ явствуеетъ изъ его Послан. къ Монаст. и изъ послѣдней книги сочиненія Пр. Ерет. гл. III. Оттого и прочіе Отцы стали учить, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца чрезъ Сына, между коими и Св. Аванасій, свидѣтельствующій впрочемъ въ Опров. Мелет. и Евсев., что Св. Духъ отъ одного Отца исходитъ; и Св. Василій въ Послан. XLIII. и Св. Григорій Назіанск. въ XXIV Рѣч. и даже самъ Св. Кирилль въ кн. II о Іанн. гл. 3. Подъ влияніемъ того же убѣжденія, и Св. Іоаннъ Дамаскинъ не только постоянно учить, что Св. Духъ отъ Отца исходитъ чрезъ Сына, но во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, въ сочин. О Православ. Вѣр. кн. I гл. VIII. открыто заявляетъ: „Мы говоримъ, что Св. Духъ отъ Отца, и Духомъ Отца Его именуемъ; однако не говоримъ, что Онъ отъ Сына, хотя и Духомъ Сына Его именуемъ.“ — Однако никто изъ помянутыхъ Отцевъ, ни самъ Фотій, какъ до него, ни Феодоръ Мопсуест., ни Феодоритъ за такое ученіе никакъ осуждены не были; и вотъ почему греческая Церковь, болѣе Латинской вѣрная христіанской древности, всегда исповѣдывала истинное, и Св. Отцами признаваемое ученіе, отъ котораго святотатственно западная Церковь отступилась.¹⁾

¹⁾ Это возраженіе принадлежитъ собственно Московскому Митр. Филарету въ приведенномъ сочиненіи стр. 49, въ которомъ онъ основывается на свидѣтельствѣ Св. Августина Рѣчь СХХІХ и Феодорита Церков. Ист. кн. V гл. 11 изъ коихъ, одинъ въ Африкѣ по-латини, а другой въ Азіи по-гречески, почти одновременно и не зная, другъ друга издали постановленіе Папы Дамасія, и всего Римскаго Собора, гласящее: Если кто не исповѣдуетъ, что Св. Духъ отъ Отца есть истинно и собственно яко Сынъ отъ Божескаго существа, и истинный Богъ, Бога Слово — да будетъ анаѳема. Но напрасно лжуетъ добродушный Архипастырь, ибо во многомъ ошибается, а именно: 1°) въ томъ, что приписываетъ Св. Августину СХХІХ. Рѣчь, при-

Приступая къ опроверженію второй группы возраженій, считаю не излишнимъ напомнить, что общій и непререкаемый отвѣтъ на всевозможныя мѣста и выдержки изъ сочиненій Св. Отцевъ, кажущіяся въ несогласіи съ ученіемъ вселенской церкви о исхожденіи Св. Духа, пространно изложенъ нами на стр. 19 и 20. Мы ясно доказали уже, что если бы даже возможно было представить и такія свидѣтельства, гдѣ бы выражено было, что Св. Духъ единственно или исключительно исходитъ отъ прокатаретическаго Начала, т. е. отъ Отца, то таковыя свидѣтельства вполнѣ согласовались бы съ исхожденіемъ Его и отъ Сына, т. е. съ ученіемъ единственно основаннымъ на существенныхъ законахъ разсудка. Но дабы отстранить отъ себя всякое пререканіе, будто мы ищемъ только приличнаго предлога уклониться отъ возраженій противниковъ, рассмотримъ ихъ въ подробности.

Итакъ: отвѣчаю:

Во первыхъ, что Символь Константинопольскій, утверждая исхожденіе Св. Духа отъ Отца, ни мало не имѣетъ въ виду отрицать Его же исхожденіе и отъ Сына, а напротивъ съ единственною цѣлью опровергнуть еретическое толкованіе Македоніанъ, утверждавшихъ, что Св. Духъ исходитъ отъ Сына, а не отъ Отца. Дѣйствительно Македоніане, эта новѣйшая вѣтвь арианскаго лжеученія, признавая три степени въ Божескихъ Упостасяхъ, полагали, что Св. Духъ есть тварь Сына. Пугая непосредственно въ виду это мерзкое хуленіе. Константинопольскіе Отцы и рѣшились противопоставить ему означенное прибавленіе къ Символу вѣры. По

знанную подложною и начиненную многочисленными вставками, явно потворствующими лжеученію Несторіанъ; но главное 2^е) въ томъ, что отклоняется отъ смысла постановленія Дамазія, ясно выраженаго, какъ самимъ Θεодоритомъ, такъ и компиляторомъ рѣчи, приписываемой Св. Августину. Вотъ какъ начинается у Θεодорита исповѣданіе вселенской вѣры, посланное Павлінію Римскимъ Папою Дамазіемъ. Поелику, послѣ Никейскаго Собора возникла ересь, по которой нѣкіе дерзаятъ говорить нечестивыми устами, будто Духъ Св. сотворенъ Сыномъ, мы ихъ предаемъ анаемѣ (*το πνεῦμα τὸ ἅγιον γεγενῆσται διὰ τοῦ υἱοῦ*). Затѣмъ въ томъ же самомъ смыслѣ произносить вышеприведенную анаематизму, и продолжаетъ далѣе такъ: Если кто изречетъ, что Св. Духъ есть тварь Сына (*ποίησας*), или Сыномъ сотворенъ, да будетъ анаема. Компиляторъ же приведенной СХХІХ рѣчи начинаетъ такъ: Исповѣдуемъ также Св. Параклита, иже не есть самъ Отецъ, ниже Сынъ есть, но отъ Отца и Сына исходитъ, а вслѣдъ за этимъ исповѣданіемъ въ полномъ согласіи съ нимъ, приводитъ за тѣмъ означенную анаематизму. Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ явно вытекаеть, что Папа Дамазій исповѣдывалъ исхожденіе Св. Духа отъ Отца, насколько не въ смыслѣ отрицающемъ Его же исхожденіе и отъ Сына, но для того только, чтобы тѣмъ яснѣе указать сообщность Божества Духа съ Отцемъ, въ опроверженіе ученія Македоніанъ.

той самой же причинѣ и всѣ послѣдующіе Отцы такъ настойчиво заботились доказать, что Св. Духъ чрезъ Сына отъ Отца исходитъ, какъ мы тотчасъ укажемъ.¹⁾ А такъ какъ исхождение отъ Сына никѣмъ не отрицалось, то и не было никакой необходимой крайности специально упоминать о ней, такъ точно какъ и не почли нужнымъ специально заявить наприм. о томъ, что Св. Духъ не такъ исходитъ отъ Отца какъ исходитъ Сынъ, именно не путемъ рожденія, а другимъ, Ему исключительно свойственнымъ.

Во вторыхъ, извѣстно, что Θεодоритъ оттого порицалъ Св. Кирилла, что, по ошибочному толкованію его словъ, онъ въ нихъ находилъ сходство съ лжеученіемъ Аполлинарія и Македонія, а нисколько не оттого, что въ нихъ утверждалось исхождение Св. Духа и отъ Сына. Что такова была дѣйствительно причина, руководившая Θεодорита, явствуетъ изъ его Послан. къ Монаст., обращеннаго противъ Св. Кирилла и читаннаго на 5^{мъ} Соборѣ. Вотъ его слова: „Богохульствуетъ Кириллъ, утверждая, что Св. „Духъ не исходитъ отъ Отца, какъ изрекъ Господь, но что онъ „отъ Сына есть. Это прямой плодъ Аполлинарія сѣмени, „подходящій также и къ злокачественному ученію Македоніанъ.“²⁾ — Ясно слѣдов., что порицаніе Кирилла Θεодоритомъ относится только къ ошибочному предположенію, что достославный Святитель, отвергая исхождение Св. Духа отъ Отца, подтверждалъ такимъ образомъ лжеученіе Аполлинарія и Македонія; и слѣдов. не менѣе ясно, что со стороны Θεодорита никакого порицанія не воспослѣдовало, если бы онъ понялъ, что слова Св. Кирилла относятся не къ отрицанію исхождения Духа отъ Отца, а только къ исхожденію Его отъ Отца и Сына, согласно со смысломъ ученія вселенской Церкви. Понятно также послѣ этого, почему ни самъ Св. Кириллъ. ни кто либо другой не могъ обвинить Θεодорита въ неправославіи ученія.

Будто же Кириллъ современемъ отступился отъ своихъ убѣжденій и сталъ придерживаться ученія, отрицающаго исхождение Св. Духа отъ Сына, это явная клевета, опровергнутая всѣми послѣдующими сочиненіями великаго учителя. Дѣйствительно, онъ прямо учитъ, что Св. Духъ исходитъ и отъ Сына въ Собров. XXXIV; въ Разсужд. о Троицѣ, и въ особенности въ Діал. VII, гдѣ при-

¹⁾ Извѣстно также, что Аріане учили, что Св. Духъ Отцемъ произведенъ, какъ нѣкимъ орудіемъ, изъ одного Сына: и что церковные Отцы преимущественно заботились опровергнуть это лжеученіе. Мы ниже докажемъ истину этого факта, бросающаго яркій свѣтъ на смыслъ ученія Св. Отцевъ и употребляемыхъ ими выраженій.

²⁾ Собр. соб. Ляббе, т. V. 505.

вода изрѣстныхъ слова изъ Посл. I, Иоанн. IV. 13, о семь разумѣемъ, яко въ Немъ пребываемъ . . . и проч. заключаетъ, что Св. Духъ существенно не чуждъ Сыну, и отъ Него не раздѣленъ, ибо отъ Него есть, и въ Немъ, и собственный Ему.¹⁾ Тоже самое повторяетъ Св. учитель и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій. Такимъ же образомъ, во всѣхъ указанныхъ въ возраженіи цитатахъ, Св. Кириллъ ясно настаиваетъ на исхожденіи Св. Духа отъ Отца для опроверженія лжеученія еретиковъ, называвшихъ Его тварью Сына. Для доказательства достаточно привести слова его: Прот. еретик. кн. VIII, гл. 3, гдѣ приведя Апостольское изрѣченіе: I къ Коринѣ. II. 12, Мы же, не Духа міра сего пріяхомъ, но Духа иже отъ Бога, — заключаетъ: потому и соединяетъ (Апостоль) всегда (Духа) со Отцемъ и Сыномъ, а съ тварью никогда не соединяетъ. Ибо вѣдаетъ, что Онъ не часть какой либо твари есть, ниже созданиемъ первымъ Его именуется, по богохульному ученію Евномія и Македонія.²⁾

А относительно того, что прочіе Отцы стали будто учить съ тѣхъ поръ, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца чрезъ Сына, мы вполне согласимся въ томъ смыслѣ, что они безразлично употребляли частицы отъ и чрезъ. Дѣйствительно, въ уклоненіе всякаго ухищренія, Отцы Флорентинскаго Собора ясно опредѣлили: что когда Св. Отцы и учителя говорятъ, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца чрезъ Сына, они въ томъ смыслѣ это разумѣютъ, что и Сынъ, по греческому смыслу причина, по латинскому же начало существованія Св. Духа есть, яко и Отець.³⁾ И въ самомъ дѣлѣ, не только Св. Григорій Назіанзенъ, Св. Кириллъ, Св. Епифаній и др. многократно употребляютъ то оборотъ: чрезъ Сына, то оборотъ: отъ Сына, не только въ Св. Писаніи обѣ формы безразлично встрѣчаются, но, что всего убѣдительнѣе, сама Русская Церковь торжественно признала то же самое въ 1752^{мъ} году.⁴⁾

¹⁾ См. Лекхенъ въ привед. Диссерт. § 4.

²⁾ *Τοῦτ' ἦτοι πατρὶ καὶ υἱῶ αὐτὸ διατελεῖ συντάττων, τῇ κτίσει δὲ οὐ συνέταξε πώποτε· οὐ γὰρ οἶδεν αὐτὸ τῆς κτίσεως μόριον, οὐδὲ πρῶτον ποίημα ὀνομάζει κατὰ τὴν Ἀρείον καὶ Εὐνομίον καὶ Μακεδονίον βλασφημίαν.*

³⁾ Лябб. Собр. соб. XIII. кол. 1166.

⁴⁾ Смотри. Сокров. богословск. Захар. т. III, § 3, гдѣ изображено: Торжественное исповѣданіе (*ὁμολογία*) Восточной Россійской Церкви . . . недавно изданное въ 1752 г. на стр. 81^а содержать слѣдующія слова: *Ὡς φησὶν (Ἰωαν. α. ι.) ἡ γραφή· ἐν τῷ κόσμῳ ἦν, καὶ ὁ κόσμος δι' αὐτοῦ ἐγένετο, τοῦτ' ἔστιν, ἐξ αὐτοῦ, а въ переводѣ: по ученію Св. Писанія (Іоанн. I. 10) Слово было въ мірѣ, и міръ чрезъ Него сотворенъ, т. е. отъ Него.*

Что же касается до свидѣтельства Св. Аѳанасія, въ которомъ Св. Отецъ будто учитъ, что Духъ исходитъ отъ одного Отца, то вопервыхъ, сошлемся на объясненіе изложенное выше;¹⁾ а вотвторыхъ, напомнимъ, что такъ какъ по свидѣтельству современной критики, первое изъ приведенныхъ сочиненій признано сомнительнымъ, а послѣднее подложнымъ, то добросовѣстная и научная полемика не имѣетъ возможности опереться на нихъ.²⁾

Но настаиваютъ, въ приведенной цитатѣ Св. Іоанна Дамаскина, онъ положительно утверждаетъ: не говоримъ что Духъ отъ Сына есть, и слѣдов. здѣсь, по крайней мѣрѣ, встрѣчается прямое свидѣтельство о истинѣ Греко-Россійскаго толкованія. Такъ какъ искренняя добросовѣстность должна всегда быть первою принадлежностію честнаго убѣжденія, я чистосердечно сознаюсь, что если бы Св. Іоанн. Дамаск. никогда и ничего другаго о искоженіи Св. Духа не писалъ кромѣ приведенныхъ словъ, они, на мой, по крайней мѣрѣ, взглядъ, представляли бы- хотя единственное, но тѣмъ не менѣе весьма трудное свидѣтельство противъ вселенскаго ученія. Конечно, я бы могъ весьма безцеремонно отъ него отдѣлаться, по примѣру Митрополита Макарія, который въ затруднительныхъ случаяхъ объявляетъ коротко и просто, что когда свидѣтельства, не только одного Св. Отца, но даже и многихъ, слишкомъ явно противорѣчатъ защищаемому ученію, то позволительно признавать ихъ частнымъ мнѣніемъ, отнюдь не больше! . . .³⁾ Но если подобные полемическіе приемы приличны русскому богословствующему Архипастырю, я какъ простой мірянинъ, не считаю себя въ правѣ пользоваться такимъ высокимъ преимуществомъ, а потому вынужденъ обратиться только къ указаніямъ здраваго смысла, для разъясненія затрудненія. Къ счастью, они въ этомъ случаѣ совершенно достаточны. Мы легко вникнемъ въ настоящій смыслъ словъ Св. Іоанн. Дамаск., если сличимъ ихъ съ прочимъ его ученіемъ. Ясно намъ будетъ тогда, что выраженіемъ: не говоримъ, что Св. Духъ отъ Сына есть, Дамаскинъ имѣетъ только въ виду исключить главную, т. е. про-

Откуда до очевидности доказывается, до какой степени сама Греко-Россійская Церковь признаетъ совершенно равнозначущими частицы *δὲ* и *ἐξ* т. е. отъ и чрезъ.

¹⁾ Стр. 20 и 21.

²⁾ М. Ниль, въ прив. соч. ст. 1099 и Мавр. изд. Св. Аѳанас. въ предостереженіи къ *Refut. hypost.*

³⁾ Нечего сказать! Хороши же должны быть для Васъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыка, Св. Отца, которыхъ, вслѣдствіе исповѣдымаемаго Вами ученія, Вы обязаны признать богохульствующими еретиками! . . . Дог. Богос. I стр. 341.

катарктическую причину (*την προκαταρκτικὴν αἰτίαν*) Божеских исхождений отъ Сына, а ни сколько не самое исхождение. Другими словами, Св. учитель въ приведенномъ изреченіи имѣеть въ виду доказать, что Сынъ не есть безначальное начало Св. Духа, ибо таковымъ началомъ можетъ единственно быть Отець, такъ какъ все что Сынъ имѣеть, онъ имѣеть отъ Отца. Что таковъ смыслъ словъ Дамаскина, доказываетъ немедленно затѣмъ слѣдующее прибавленіе: Единъ Отець начало есть. Такъ объясняютъ это мѣсто сами греческіе учителя и толкователи: Димитр. въ Исхожд. Св. Духа. гл. XI, Ман. Калск. въ гл. XXXIX, Виссар. въ Догм. Богослов. Рѣчь. гл. VI. Что Дамаскинъ же ни мало не имѣлъ въ виду отрицать исхождение Духа и отъ Сына, явствуетъ, кромѣ того, изъ другихъ мѣстъ его сочиненій, въ которыхъ онъ формально учитъ, что Св. Духъ отъ Отца чрезъ Сына изводится или исходитъ. Такъ, въ главѣ: О названіяхъ Божескихъ изображено: Отець чрезъ Сына изводящій Духа.¹⁾ Далѣе, Духъ Сына, не такъ какъ бы отъ Него, но какъ отъ Отца чрезъ Сына исходящій²⁾ и, наконецъ, при окончаніи Посланія къ Иордан. всевѣчное исхождение Св. Духа изложено Дамаскиномъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Святыи Духъ отъ Отца есть, ибо чрезъ Сына исходитъ, хотя и не путемъ сыновства.³⁾ То же самое встрѣчаемъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ.⁴⁾

¹⁾ *Ὡς λόγον προβολῆς ἐκκαταρκτικὸς πνεύματος.*

²⁾ *Καὶ υἱοῦ δὲ πνεῦμα οὐχ ὡς ἐξ αὐτοῦ ἀλλ' ὡς δι' αὐτοῦ ἐκ τοῦ πατρὸς ἐκπορευόμενον.* О назв. Бож.

³⁾ *Τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον ἐκ τοῦ πατρὸς γὰρ διὰ τοῦ υἱοῦ λόγον προῖόν, οὐκ υἱικῶς δὲ . . .* въ послан. о трисв. пѣсн. No. 28.

⁴⁾ Такъ наприм. въ Разгов. прот. Маних. См. также у Лекъена, въ послѣдн. вып. Кн. I, гл. 8. О православ. вѣр., гдѣ ясно доказывается: 1^о) Что Дамаскинъ вполне согласуется съ ученіемъ всѣхъ прочихъ греческихъ Отцевъ о исхожденіи Св. Духа отъ Отца чрезъ Сына. 2^о) Что не иначе онъ отрицаетъ, что Св. Духъ отъ Сына, или изъ Сына есть, какъ и Св. Максимъ, который въ Послан. къ Марину прекрасно объясняетъ, что тамъ, гдѣ Лагнскіе Св. Отцы выражаютъ что Св. Духъ исходитъ изъ Сына, слѣдуетъ понимать, что тѣмъ выражается только, что Сынъ есть причина Св. Духа: *οὐκ αἰτίαν τὸν υἱὸν ποιοῦνται τοῦ πνεύματος.* Вѣдаютъ бо, что единая причина, какъ Сына такъ и Св. Духа есть Отець; но дабы изобразить, что Онъ чрезъ Него исходитъ, *δι' αὐτοῦ προίεναι*, и тѣмъ самымъ лучше выразить сродство и безразличіе существа; т. е. дабы яснѣе опредѣлить, что Сынъ не есть главная, προκαταρκтическая причина Св. Духа, ибо таковая есть только одинъ Отець, и оттого также, что древніе Отцы опасались, чтобы исхождение Св. Духа не было, по обычаю Арианъ, главнымъ образомъ приписываемо Сыну, да притомъ дѣятельностию, различною отъ дѣятельности Отца. 3^о) Что какъ Дамаскинъ, такъ и прочіе древніе Отцы, учатъ что Св. Духъ отъ Отца чрезъ

Относительно же того, что ни Фѳодоръ Мопсуест., ни Фѳеодоритъ, ни даже самъ Фотій будто не были осуждены за ихъ ученіе, слѣдуетъ замѣтить, что Символь Фѳеодора былъ именно отвергнутъ Ефесскимъ Соборомъ¹⁾, а что отъ сочиненій Фѳеодорита онъ самъ отчасти отрекся, когда получилъ посланіе Св. Кирилла²⁾ и кромѣ того, что они были осуждены въ V. Соборѣ вселенскомъ.³⁾ Фотій же не былъ осужденъ ни VIII. Соборомъ, ни Римскимъ Перво-священникомъ, не оттого конечно, будто ученіе его было ими принято, но какъ всякому извѣстно именно потому, что VIII. Соборъ и былъ созванъ главою Церкви для торжественнаго пресѣченія произведеннаго Фѳотіемъ раскола.

Наконецъ, въ отвѣтъ на возраженія добродушнаго Филарета, позволю себѣ замѣтить, что во первыхъ: смѣшно говорить объ отпаденіи латинской Церкви отъ древняго православія, ибо не могла же латинская Церковь отпасть отъ православія безъ того, чтобы тѣмъ самымъ и греческая Церковь вмѣстѣ съ ней отъ него не отпала, такъ какъ до Фотія, т. е. въ продолженіи болѣе 8^м столѣтій, обѣ Церкви были постоянно въ полномъ и неприкосновенномъ общеніи, а между тѣмъ латинская Церковь постоянно, — а по признанію самихъ нашихъ Греко-Россійскихъ противниковъ, съ VI^{го} по крайней мѣрѣ столѣтія, — исповѣдывала исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына. Во вторыхъ: если западная Церковь отпала отъ православія, то и восточная совершила съ нею тоже преступленіе, такъ какъ дважды, на двухъ вселенскихъ Соборахъ, на Лионскомъ и на Флорентинскомъ, она торжественно приняла единовѣріе. Въ третьихъ: различіе между Отцами греческими и латинскими, не только заключается единственно въ оборотѣ рѣчи, а не въ существѣ, такъ какъ одни выражаютъ словами отъ Сына, то что другіе выражаютъ словами чрезъ

Сына подвигается, именно дабы ни коимъ образомъ не исключать Сына отъ естественнаго дѣйствія, чрезъ которое Отецъ изводитъ Духа. хотя бы Отецъ и признавался единственнымъ источникомъ, окомъ, волеюгомъ, началомъ и виновникомъ Св. Духа; скажемъ болѣе, они учатъ, что Божеское существо такимъ образомъ понимается, что по порядку исхожденія Оно сообщается Сыну прежде чѣмъ Св. Духу, но сохраняетъ и въ Сынѣ свою, по изреченію уже выше приведенному Св. Григор., Назіанз. единичность, или Діаду, и окончателно въ Тріадѣ или Троицѣ довершается; или какъ еще говорить Св. Григор. Нисск: Единое существо Божества, единое всеблагой воли движеніе отъ Отца начинается, въ Сынѣ подвигается и въ Духѣ довершается, *ἀπὸ πατρὸς; παρορμηται καὶ διὰ τοῦ υἱοῦ, καὶ ἐν τῷ πνεύματι τελειοῦται.*

1) Акт. соб. въ Лабб. Т. III. столб. 690.

2) Нориз. въ разсужд. о Собор. V. 11.

3) Лабб. заздѣ. VIII. кан. XIII. въ Т. V. столб. 578.

Сына, но кромѣ того, и даже самое это различіе часто между ними вовсе не существуетъ, ибо неоднократно греческіе Отцы учать, что Св. Духъ исходитъ отъ Сына, а латинскіе чрезъ Сына.¹⁾ Въ четвертыхъ: Греки не въ состояніи указать ни на одного изъ восточныхъ Отцовъ, который прямо отрицалъ-бы исхождение Св. Духа отъ Сына. Самая рѣзкая отрицательная форма: „не говоримъ, что онъ отъ Сына“, — встрѣчается единожды у Дамаскина, жившаго уже въ IX. столѣтіи, и мы видѣли изъ всей совокупности рѣчи, и не менѣе изъ всѣхъ параллельныхъ мѣстъ того же Св. Отца, какъ по прямому и добросовѣстному указанію здраваго смысла, она вполнѣ согласуется съ ученіемъ всѣхъ прочихъ Отцевъ о исхожденіи Св. Духа отъ Отца чрезъ Сына. И такъ необходимо было-бы заключить, — что слова чрезъ Сына, только подъ влияніемъ какой то непостижимой морѣи, могли такъ неосновательно возбудить Грековъ противъ Латинянъ. И потому, не правдоподобнѣе ли скорѣе допустить, что подъ напоромъ многочисленныхъ сектъ, расплотившихся по свидѣтельству исторіи на Востоцѣ, и въ отдаленіи отъ единяющаго дѣйствія вселенскаго средоточія, скрытно, но уже давно тлѣла подъ пепломъ исера, всегда готовая вспыхнуть при удобномъ случаѣ и при содѣйствіи благовиднаго предлога? Ученіе о Св. Духѣ уже неоднократно представляла еретикамъ этотъ удобный случай. Мы видѣли какъ воспользовались имъ противъ вселенской Церкви и Моноелиты и Иконоборцы. Не удивительно, что и Фотій, подъ наитіемъ честолюбія, и заманчиваго призрака самовластия, счелъ также удобнымъ послѣдовать ихъ примѣру. За совершеннымъ, какъ мы видѣли, отсутствіемъ разумныхъ причинъ для истолкованія плачевнаго факта, трудно представить другую догадку, удовлетворительно объясняющую какимъ образомъ, по истеченіи цѣлыхъ осьми сто-

¹⁾ Такъ Св. Епифаній и Св. Кириллъ открыто выражаютъ исхождение Св. Духа отъ Отца и Сына; первый въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ Атков. и 67, гдѣ учить, что Св. Духъ отъ Христа исходитъ *ἐκ τοῦ Χριστοῦ*; а н. 71. что отъ обоихъ исходитъ *φαρ' ἀφοτέρων'* т. е. отъ Отца и Сына, и тоже самое повторяетъ, Еретик. LXIV. н. 8. и LXII. н. 2. 4 и пр. Второй же въ Діал. VII. о Троицѣ, гдѣ утверждаетъ, что Св. Духъ отъ Него (Сына) *ἐξ αὐτῶν*; а въ гл. 34 сокр. учить, что Онъ отъ Отца и Сына исходитъ: *ἐκ πατρὸς καὶ υἱοῦ*. Къ нимъ еще присоединить должно Дидима, слова котораго мы выше привели и Григорія Нисск. который въ Гомиліи III. на молитву Господню, выражается такъ: Св. Духъ отъ Отца исповѣдуется, и отъ Сына признается: *τὸ δὲ ἅγιον πνεῦμα καὶ ἐκ τοῦ πατρὸς λέγεται καὶ ἐκ τοῦ υἱοῦ εἶναι προσαρτυρούται*. — Напротивъ, между латинскими Отцами многіе учать, что Св. Духъ исходитъ чрезъ Сына. Такъ, Тертул. противъ Пракс., гл. 4. пишетъ: Не отъ Кого другаго мню Духа, кромѣ отъ Отца чрезъ Сына.

лѣтій единства, греческая Церковь рѣшилась усвоить себѣ новизну, столь-же противную здравому смыслу, какъ и вселенскому ученію. Тѣмъ самымъ объясняется тоже, почему благочестивые и ученѣйшіе изъ Грековъ, разъ убѣдившись въ истинѣ вселенской вѣрѣ, добровольно отреклись отъ заблудившаго ихъ ученія, и не усумнились возвратиться въ лоно всеобщаго единства. Обратнаго же факта исторія намъ не представляетъ.¹⁾

Возражаютъ, наконецъ, въ третьихъ:

Догматъ исхожденія Св. Духа и отъ Сына, ведетъ прямо къ нелѣпѣйшимъ заключеніямъ: во первыхъ, къ тому, что Св. Духъ происходитъ изъ двухъ источниковъ, или отъ двойственнаго дыханія (spiratio); во вторыхъ, что Онъ долженъ признаваться внукомъ Отца; въ третьихъ, что Онъ не такъ близокъ къ Отцу какъ близокъ Сынъ; въ четвертыхъ, что Сынъ прежде рожденъ чѣмъ Духъ изведенъ, и наконецъ, что Сынъ совершенно излишній источникъ Духа, такъ какъ Отецъ уже самъ по Себѣ вполне достаточный источникъ Его исхожденія. —

Отвѣчаю:

Послѣ всего сказаннаго доселѣ, я бы полагалъ всѣ свои объясненія напрасными, если кому либо показалось труднымъ отвѣтить на подобнаго рода возраженія. — Тѣмъ не менѣе не считаю себя въ правѣ и ихъ оставить безъ опроверженія. Такъ какъ совершенно немислима какая либо взаимная несовмѣстность между дыханіемъ Отца и Сына, изъ доказаннаго выше слѣдуетъ, что и никакой двойственности въ этомъ Божескомъ дѣйствіи и быть не можетъ. Слѣдов. и начало Св. Духа не есть двойственное, а напротивъ строго единичное, точно такъ наприм. какъ всѣ три Бо-

¹⁾ Между многочисленными Греками, принадлежащими къ этому разряду, исторія въ особенности указываетъ на достославныя имена Виссаріона, Векха, Кидонія, Димитрія, Геннадія, Никифора Блеммиды и др. Замѣчательные и извѣстные труды ихъ помѣщены отчасти въ Православ. Гредіи Льва Аллатія, изд. въ 2^{хъ} частяхъ, 1652 и 59 годовъ, отчасти въ Злат. Опуск. богослов. Петра Аркудія Т. I. 1630 год. — Между греческими поборниками вселенскаго ученія, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ также и Мануиль Калека. Его сочиненіе, въ 4^{хъ} частяхъ, было переведено съ Греческаго на Латинскій языкъ Камальдольскимъ Инокомъ Амвросіемъ. Послѣ многихъ изданій, извѣстѣйшее, собранное изъ источниковъ кор. баварской библіотеки, было напечатано въ Ингольштадтѣ Петромъ Стевартомъ. 4 части. 1608 г. Замѣчательно также потому же предмету, сочиненіе самаго Льва Аллатія: о постоянномъ согласіи Западн. и Восточн. Церк. Т. I, Кельнъ 1648го г. и наконецъ, весьма добросовѣстный трудъ Грека Николая Комнина Пападопуля: Мистагогич. свѣд. о канонич. правѣ, гдѣ въ Отв. V^{хъ} Отд. 3. § 9. онъ весьма обстоятельно и прозорливо выясняетъ обиховенные приемы, къ которымъ вынужденно прибѣгаютъ противники для оправданія своего лжеученія. —

жескія Упостаси суть единая причина всѣхъ созданныхъ тварей, по единичности ихъ всемогущества. —

Относительно же того, что будто Св. Духъ въ такомъ случаѣ будетъ внукомъ Отца, и тѣмъ самымъ отдаленнѣе отъ Него чѣмъ Сынъ, и кромѣ того позже Сына произведенъ, стоитъ только не терять изъ виду, что въ Божествѣ, какъ уже нѣсколько разъ было объяснено, и рожденіе Сына Рождающему совѣчно, и исхожденіе Св. Духа своему Началу точно также совѣчно; и слѣдов. не ранѣе Сынъ рожденъ, чѣмъ Св. Духъ изведенъ, но Оба, равнымъ образомъ между Собою и со Отцемъ совѣчны. Тою же самою причиною опровергается и безмысленное возраженіе о мнимой бѣльшей, или меньшей близости Сына, или Св. Духа къ Отцу, такъ какъ всякое понятіе о разстояніи или отдаленности между Лицами Существа безконечнаго, безпредѣльнаго есть прямое противорѣчіе въ словахъ. Наконецъ, и нелѣпое названіе внука опровергается тѣмъ, во первыхъ, что внукомъ называется сынъ сына, Св. же Духъ ни въ какомъ случаѣ Сыномъ Бога-Слова безъ хуленія названо быть не можетъ; во вторыхъ, что внукъ не происходитъ непосредственно отъ дѣда, какъ происходитъ Св. Духъ отъ Отца, и кромѣ того, что Св. Духъ есть третій только по порядку, который до сущности и до времени рѣшительно никакого отношенія не имѣетъ.¹⁾

Послѣднее возраженіе, не имѣетъ также ни малѣйшаго значенія. Дѣйствительно, если справедливо умозаключеніе: Отецъ есть достаточная причина исхожденія Св. Духа, слѣдов. Св. Духъ отъ Сына не исходитъ, — совершенно справедливо было бы и слѣдующее умозаключеніе: Отецъ есть достаточная причина созданія всѣхъ тварей, слѣдов. ни Сынъ, ни же Св. Духъ таковою причиною быть не могутъ. — Но, такъ какъ нелѣпость этого заключенія для всѣхъ очевидна, то слѣдуетъ признать, напротивъ, обратное предложеніе справедливымъ, и выразиться такъ: Отецъ создатель, слѣдов. и Сынъ создатель, и Св. Духъ создатель; ибо всемогущество Отца, чрезъ которое Онъ создалъ, есть самое всемогущество Сына и самое всемогущество Духа. Но, такъ какъ непререкаемость этого заключенія очевидна, то не менѣе очевидна должна быть непререкаемость и слѣдующаго: Отецъ есть достаточная причина исхожденія Св. Духа, слѣдов. и Сынъ есть та самая достаточная причина, ибо все, что имѣетъ Отецъ, имѣетъ

¹⁾ Мы выше видѣли, что это возраженіе сдѣлано было впервые Македоніанами. Удивительно, что Греки не посоветились занять подобную нелѣпость у осужденныхъ ими самими еретиковъ!

непремѣнно и Сынъ, за исключеніемъ только взаимной несомвѣстности, т. е. только отцовскаго свойства. —

Примѣчаніе. Если кто дѣйствительно желаетъ убѣдиться до очевидности въ несомнѣнной и неколебимой истинѣ ученія вселенской Церкви, относительно догмата о исхожденіи Св. Духа, пусть задаетъ себѣ трудъ справиться съ подлинными Актами Флорентинскаго Собора у Ляббе Т. XIII. Онъ ясно увидитъ тамъ, что всѣ подробности, относящіяся до этого вопорса, были подвержены такому строгому ученому, публичному обсужденію, были до того тщательно разработаны присутствующими греческими и латинскими Отцами, что первые, убѣжденные очевидностію, должны были наконецъ согласиться съ представленными имъ доказательствами и поясненіями, и единодушно подписали провозглашенное Соборомъ опредѣленіе и исповѣданіе вѣры. Откровенно сознаюсь, что по моему убѣжденію, изученіе Актовъ Флорентинскаго Собора, должно произвести глубокое впечатлѣніе на каждаго образованнаго и добросовѣстнаго читателя.

Мы исполнили первую часть нашей задачи, доказавъ не только непрерываемую истину вселенскаго ученія о исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, какъ отъ единаго источника, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всю несостоятельность возраженій, представленныхъ противниками этого догмата.

Перейдемъ теперь ко второй части; именно къ прибавленію частицы *filiouque*, т. е. и отъ Сына, въ Константинопольскій символъ, по принятому уже нами способу изложенія; но замѣтимъ однако предварительно, что если истина вселенскаго догмата дѣйствительно разъ доказана, то очевидно, что правильное или даже неправильное внесеніе его въ символъ ни въ какомъ случаѣ уже не можетъ быть достаточною, или разумною причиною для оправданія тѣхъ, кои рѣшились произвести Церковный расколъ на такомъ жалкомъ и пустомъ основаніи.

За тѣмъ, пусть будетъ:

Предложеніе второе: Несправедливо обвиняютъ Греки вселенскую Церковь въ искаженіи Символа, за внесеніе въ оный частицы: *filiouque*, т. е. и отъ Сына. —

Опредѣленіе, изданное Флорентинскимъ Соборомъ, и съ кото-

1) За сѣд. XXV, Лябб. столб. 515. Вотъ подлинный текстъ: Ἐπι διοριζόμεθα τὴν τῶν ὁμμάτων ἐκείνων ἀνατάξιν τὴν καὶ ἐκ τοῦ υἱοῦ χάριν τοῦ τὴν ἀλήθειαν σαφηνεσθῆναι, ἀνάγκης τε τότε ἐπιχειμένης θεμιτῶς τε καὶ ἐν λόγῳ ἐν τῷ συμβόλῳ προστεθῆναι. —

рымъ вполне согласились представители греческой Церкви, гласить, что: объясненіе, заключающееся въ словѣ „*filioque*“, было разумно и законно внесено въ символъ, по необходимости въ ту пору необходимости, ради вѣщаго засвидѣтельствованія истины.¹⁾ Кромѣ того, уже прежде, на Лионскомъ Соборѣ 1274 года, Латиняне и Греки пѣли сообща, во время Литургіи, символъ съ прибавленіемъ: Иже отъ Отца и Сына исходящаго, для публичнаго заявленія согласія обѣихъ Церквей. —

Напомнивъ, предварительно, объ этомъ знаменательномъ историческомъ фактѣ, охотнѣе приступаю затѣмъ къ доказательству непрерываемости вышеизложеннаго предложенія, въ слѣдующей формѣ: Если была бы какая либо причина обвинять вселенскую Церковь за внесеніе въ символъ частицы „*filioque*“ эта причина не могла быть иная какъ постановленіе Ефесскаго Собора; но какъ сейчасъ докажется, и эта причина ложная, и совершенно лишенная всякаго основанія; слѣдов. и пр.

Съ первою посылкою сами Греки единогласно соглашались; ибо и они хорошо знаютъ, что обычай прибавлять къ символу нѣкоторыя поясненія, по мѣрѣ возникающихъ ересей, для вѣщаго ихъ опроверженія, существовалъ въ восточной Церкви какъ и въ западной до Ефесскаго Собора. Неопровержимые историческіе памятники достаточно о томъ свидѣлствуютъ.¹⁾ Кромѣ того

¹⁾ Извѣстно, что въ первыя три столѣтія христіанства, символъ Апостольскій, по содержанію много короче и проще нынѣшняго, былъ въ употребленіи по всѣмъ Церквямъ, какъ Запада, такъ и Востока, въ тождественной, и почти буквальной формѣ. Вотъ она: Вѣрую въ Бога Отца всемогущаго, и во Христа Іисуса единаго Сына Его, Господа нашего, рожденнаго отъ Духа Свята изъ Маріи дѣвы. Роспятаго при Понтійскомъ Целатѣ, погребеннаго. Въ третій день воскресшаго изъ мертвыхъ. Восшедшаго на небеса, сѣдшаго одесную Отца, откуда придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. И въ Духа Святаго, во святую Церковь, оставленіе грѣховъ, воскресеніе плоти. — Тотъ же самый Символъ въ своей простотѣ, т. е. безъ всякаго прибавленія, хранила и римская Церковь въ продолженіи многихъ вѣковъ. — Равенская, по свидѣтельству Св. Петра Златослова въ Рѣчи о Символ. Апостольск., прибавила въ концѣ: и въ будущую жизнь, между тѣмъ какъ Туринская, по свидѣтельству Св. Максима въ Гомил. о предан. Симв. сохраняла его безъ этой прибавки. Аквилейская Церковь, по свидѣтельству Руфина въ Изложен. Символ. между сочиненіями Св. Кипріана, прибавляла къ первому члену слова: невидимаго и неизмѣннаго, а далѣе: сошедшаго въ преисподня и, наконецъ, также воскресеніе сей плоти. Въ Африканской Церкви, по свидѣтельству Св. Августина, въ ССХІІ. Рѣчи. и слѣд. прибавленіе состояло изъ пяти словъ. Въ Испанскихъ Церквахъ, по свидѣтельству Еверія Епископа Уксам. въ Кн. I. прот. Елипанда 785 г., во второму члену прибавлялось слово: Бога, къ четвертому

непровержимость этой первой послыки доказывается еще и тѣмъ, что обвиненіе Грековъ не на какомъ другомъ основаніи не опирается, какъ только на запретъ Ефесскаго Собора.

Что же касается до второй послыки, то для доказательства и ея очевидности, необходимо подробнѣе изложить, — какъ причины на коихъ основанъ запретъ Ефесскаго Собора, — такъ и буквальное содержаніе этого постановленія. Мотивъ, въ виду котораго издано было Ефесское постановленіе, былъ искаженный Несторіанами символъ, представленный Собору Пресвитеромъ Харисіемъ и введшій уже многихъ въ заблужденіе. Прочитавъ его, и для предупрежденія въ будущемъ подобныхъ обольщеній, Соборъ издалъ слѣдующее постановленіе: Св. Соборъ постановилъ: никому не дозволяется выражать, или составлять, или сочинять иной вѣры кромѣ опредѣленной Св. Отцами, кои во Св. Духѣ въ Никее собраны были. Тѣхъ же, кои дерзнуть иную вѣру сочинять, или выражать, или предлагать желающимъ обратиться къ познанію истины, изъ язычества, или изъ еврейства, или изъ какой либо ереси, постановилъ: если таковыя суть Епископы, или духовныя, то отрѣшить ихъ отъ Епископства, или отъ клира; если же міряне то предать ихъ анаемѣ.¹⁾

И такъ: или выраженіемъ, иная вѣра, соборъ полагалъ, какъ многіе дѣйствительно понимали, вѣру противорѣчущую принятой Никейскими Отцами вѣрѣ, и по крайней мѣрѣ отличную отъ нея, — а въ такомъ случаѣ очевидно, что Соборъ не имѣлъ въ виду такого рода прибавленіе, которое только точнѣе выра-

слово: страдавшаго; а далѣе: сошедшаго въ преисподня, воскресшаго живаго; и еще, одесную Бога, Отца всемогущаго, церковь каеолическую, оставленіе всѣхъ грѣховъ, и наконецъ, также: будущую жизнь.

То же самое различіе въ частностяхъ было въ употребленіи и въ восточныхъ церквахъ. Обще-принятой на Востокъ символъ отличался отъ вышеприведеннаго, общепринятаго на Западъ только двумя словами: вѣрую во единого Бога, — и относительно Христа во единого Господа. — Тѣмъ не менѣе, Церквами Александрійскою и Иерусалимскою приняты различныя измѣненія и вставки. О первой смот. у Сократа, Церков. Истор. кн. I. гл. 22. и Созом. кн. II. гл. 27. О второй же, см. въ Соч. Св. Кирил. Вопреки всѣмъ этимъ разнцамъ, согласіе между всѣми Церквами всегда сохранялось ненарушимо.

¹⁾ Забѣд. VI. Лябб. г. III. столб. 690. *Ἄρισεν ἡ ἀγία σύνοδος, ἑτέραν πίστιν μηδενὶ ἐξεῖναι προσφέρειν ἢ ἡοὺν συγγραφειν, ἢ αντιθέναι παρὰ τὴν ὁρισθεῖσαν παρὰ τῶν ἀγίων πατέρων τῶν ἐν τῇ Νικαίᾳ συνελθόντων σὺν ἁγίῳ πνεύματι, τοὺς δὲ τολμῶντας ἢ αντιθέναι πίστιν ἑτέραν, ἢ ἡοὺν προκομίζειν, ἢ προσφέρειν εἰς ἐπιγνώσιν τῆς ἀληθείας ἢ ἐξ ἑλληνισμοῦ, ἢ λουδαϊσμοῦ ἢ ἐξ αἰρέσεως οἰαδηποτοῦν, κ. τ. λ.*

жаетъ вѣру, изложенную въ Никейскомъ символѣ, и очевидно также, изъ всего сказаннаго въ предъидущей статьѣ, что частица: *filioque*, именно подходитъ подъ эту категорію; — или же, выраженіемъ: иная вѣра, Ефесскіе Отцы строго запретили вставлятъ въ символъ вообще какое либо дальнѣйшее изложеніе или опредѣленіе вѣры; и въ такомъ случаѣ изъ самаго факта явствуетъ, что запретъ могъ только относиться до единичныхъ и частныхъ личностей, ибо иначе сами Греки были-бы, какъ мы сейчасъ докажемъ изъ исторіи, первыми нарушителями соборнаго постановленія.

Дѣйствительно: 1°) Соборъ Калхидонскій, хотя послѣ Ефесскаго соединившійся, и хотя возобновившій постановленіе Ефесскаго, тѣмъ не менѣе призналъ и подтвердилъ прибавленія, сдѣланныя 105^ю Отцами Константинопольскими, принялъ ими дополненный символъ и ввелъ его въ употребленіе по всей Церкви.¹⁾ 2°) Восточныя Церкви не только приняли символъ Константинопольскій, продолжавшій, не смотря на это, называться Никейскимъ, но еще внесли его въ самую формулу исповѣданія вѣры. 3°) Вопреки Ефесскому запрету, особенныя формулы вѣры,

¹⁾ И причина тому совершенно законная. Евтихіане, подѣ тѣмъ предло-гомъ, что придерживались будто Никейскому символу, отвергали прибавленіе, внесенное въ этотъ символъ первымъ Константинопольскимъ Соборомъ, надѣясь посредствомъ этой уловки, тѣмъ успѣшнѣе прикрыть свое лжеученіе. Вотъ почему Отцы Калхидонскаго Собора, собраннаго въ 451 году, слѣдовательно уже послѣ Ефесскаго, желая, какъ выразились, преградить путь дальнѣйшимъ ухищреніямъ еретиковъ противъ истины, постановили въ V. засѣданіи: Прежде всего, всецѣло и ненарушимо сохранить вѣру трехъ соѣтъ осемнадцати Св. Отцевъ (Никейскихъ), подтверждая о существѣ Св. Духа то, что въ послѣдствіи передано было ста пятидесятью Отцами, собранными въ Царскомъ градѣ (Константинополѣ) въ виду тѣхъ, кои Св. Духу противятся. Лябб. т. IV. столб. 565. Съ тѣхъ поръ Константинопольскій символъ, который дотолѣ въ восточной Церкви еще не былъ повсемѣстно принятъ, въ особенности при Литургіи, вошелъ во всеобщее употребленіе. Такимъ образомъ очевидно что поступокъ Калхидонскихъ Отцевъ есть лучшій и непререкаемый ходокъ, доказывающій безпорное право и западной Церкви относительно внесеннаго ею въ свою очередь поясненія въ символъ чрезъ прибавленіе частицы *filioque*. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что я намѣренно сказалъ, что Константинопольскій символъ вошелъ во всеобщее употребленіе именно въ восточной Церкви; ибо въ западной, и въ особенности въ Римѣ, еще нѣсколько столѣтій продолжали придерживаться простоты и краткости Апостольскаго символа. А что подѣ именемъ Никейскаго символа, Ефесскій Соборъ имѣлъ въ виду этотъ символъ въ строгомъ смыслѣ, явствуетъ уже изъ того, что въ этомъ Соборѣ символъ былъ прочитанъ по Никейской редакціи; что и повторилось въ Калхидонск. Соборѣ, послѣ чего прочитанъ былъ символъ и по Константиноп. формулѣ. Тамъ же.

отличныя отъ Никейской, безпрепятственно продолжали употребляться въ Церквахъ Антиохійской, Филадельфійской, Иерусалимской и проч. Однако никто никогда не обвинилъ помянутыхъ Церквей въ нарушеніи церковнаго закона, не смотря на то, что во всей именно западной Церкви, продолжали придерживаться древней простоты Апостольскаго сѣмвола, какъ при обученіи оглашенныхъ, такъ и при обрядѣ крещенія, и не смотря также на то, что новый сѣмволъ не былъ даже включенъ въ Литургію. 4^е) Вопреки тому же запрету, восточная Церковь, тѣмъ не менѣе, полагала дозволеннымъ и законнымъ, при возрожденіи новыхъ ересей, въ особенности же Моноелитовъ и Иконоборцевъ пояснять Никейскую и Константинопольскую формулы новыми и болѣе опредѣленными словами, для пользы православной вѣры, и для нагляднѣйшаго обличенія лжеучителей. О томъ явно свидѣтельствуютъ акты шестаго и седьмаго вселенскихъ Соборовъ, и еще болѣе формула вѣры, посланная ко всѣмъ Патріархамъ самимъ Тарасіемъ, Епископомъ Константинопольскимъ, и заключающая слѣдующую, знаменательную вставку: „И въ Духа Св^{го} Господа животворящаго, иже отъ Отца чрезъ Сына исходящаго.“¹⁾ 5^е) Наконецъ, въ посвященіи Епископовъ сами Греки читаютъ троякое торжественное исповѣданіе вѣры, т. е. тотъ-же Константинопольскій сѣмволъ, но разными измѣненіями пополненный.

Слѣдовательно, если Грекамъ и всей восточной Церкви казалось справедливымъ и законнымъ вставлять дополненія въ Никейскій сѣмволъ, даже помимо согласія Апостольскаго Первопрестола, и вводить ихъ въ употребленіе; если признавалось дозволеннымъ прибавлять, на основаніи важныхъ и неизбѣжныхъ причинъ, разныя поясненія и изложенія къ Никейской формулѣ, и вопреки Ефесскому постановленію, то неопровержимо слѣдуетъ заключить, что они сами признавали: или, что Ефесское постановленіе относится только къ прибавленіямъ, противорѣчущимъ Никейской вѣрѣ; или, что они смотрѣли на него какъ на мѣру дисциплинарную, отъ которой дозволено отступить въ крайнихъ

¹⁾ Что въ сущности, какъ выше доказано, совершенно тождественно съ выраженіемъ: и отъ Сына исходящаго. Справ. у Лябб. т. VI столб. 681 и слѣд., и 841 и слѣд. Акт. IV и X. Ш^{го} Конст. Соб., а также: Акт. III^я Никейск. Пр^о Соб. т. VII столб. 163. Подлинныя же слова исповѣданія вѣры, относительно занимающаго насъ вопроса суть слѣдующія: *Καὶ εἰς τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον τὸ κτίζον καὶ ζωοποιόν, τὸ ἐκ τοῦ πατρὸς δι' υἱοῦ ἐκπορευόμενον.* Сличъ также: Собр. Гардуна, признанное изъ всѣхъ точнѣйшее, и въ особенности т. IV. столб. 132.

случаяхъ, если не частнымъ, конечно, лицамъ, то по крайней мѣрѣ тѣмъ Церквамъ, гдѣ того требовала неизбѣжная необходимость. Слѣдовательно, совершенно безосновательно вмѣняется въ преступленіе западной Церкви, что вынужденная необходимостію, она воспользовалась тѣмъ же правомъ, какимъ неоднократно пользовалась сама восточная Церковь и что приняла въ Константинопольскій Символь означенное прибавленіе. И еще менѣе, конечно, подлежитъ за то пререканію Римская въ особенности Церковь, которая въ качествѣ матери и учительницы прочихъ Церквей, по сознанію самихъ греческихъ Отцевъ въ Флорентинскомъ Соборѣ, облечена верховною между Церквами властію.

Кромѣ того, исторически дозано, что въ VI. вѣкѣ Испанскія Церкви, по случаю обращенія къ вселенской вѣрѣ Готовъ, дотодѣ причастныхъ лжеученію Арианъ, Македоніанъ и Евноміанъ, признававшихъ: Сына меньшимъ относительно Отца, а Св. Духа не только меньшимъ относительно Сына, но тварью Его, и также отрицавшихъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, постановили, чтобъ символъ вѣры былъ читанъ при Литургіи по примѣру восточной Церкви и съ прибавленіемъ частицы *filioque* для публичнаго свидѣтельства о православіи вѣры.¹⁾ Однако, по свидѣтельству исторіи, Греки въ продолженіи цѣлыхъ 3^х столѣтій даже и не думали обвинять Испанскія Церкви въ нарушеніи Ефесскаго постановленія, а тѣмъ менѣе отдѣлиться отъ нихъ. Не менѣе дозано и то, что въ VIII. вѣкѣ Гальскія (Французскія) Церкви, по случаю нападокъ еретиковъ — Иконоборцевъ, обвинявшихъ западную Церковь въ ереси, опять таки за ея ученіе о исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, приняли въ свою очередь означенное прибавленіе, вмѣстѣ съ испанскимъ литурги-

¹⁾ Въ этомъ третьемъ Толедскомъ Соборѣ, созванномъ 589 г. въ царствованіи Рекареда, произнесена была анагема противъ: „невѣровавшихъ, или невѣрующихъ, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына, и не исповѣдующихъ, что Онъ Отцу и Сыну равенъ, и съ Ними совѣченъ.“ — Изъ этого явствуетъ, что Готы - еретики признавали исхожденіе Духа отъ единаго Отца. Вотъ почему Соборъ и долженъ былъ постановить въ главѣ IV, что: „Изъ уваженія къ святѣйшей вѣрѣ, и для укрѣпленія немощи человѣческаго разума, по совѣту благочестивѣйшаго и достославнаго Господина нашего, короля Рекареда, Св. Соборъ положилъ, чтобы по всѣмъ церквамъ Испаніи и Галлісіи, въ формѣ принятой восточною Церковью, читался символъ Константинопольскій, т. е. 150^{ти} Отцевъ; дабы прежде молитвы Господней, символъ былъ прочитанъ народомъ, внятнѣмъ голосомъ, для публичнаго свидѣтельства о истинѣ вѣры.“ У Лябб. т. V столб. 1000 и 1009. Такимъ образомъ и всѣ послѣдующіе Соборы въ Испаніи приняли, сохранили и распространили означенное прибавленіе.

чекимъ обрядомъ и что примѣру ихъ послѣдовали постепенно, и безъ всякой преднамѣренной цѣли, и прочія Церкви Германіи и Италіи.¹⁾ Греки еще разъ продолжали, нѣсколько вѣковъ относиться къ этому факту безъ малѣйшаго съ своей стороны сопротивленія или протеста. На какомъ же основаніи дозволилъ себѣ послѣ этого, Михаилъ Керруларій воспользоваться столь лживымъ предлогомъ, для совершенія раскола съ Римскою Церковью, когда именно она одна такъ недавно только приняла прибавленіе къ символу, и ради согласія и однообразія, наконецъ разрѣшила пѣть его при Литургіи съ прочими Церквами Запада?²⁾ Неужели только Римской Церкви воспрещается то, что дозволено всѣмъ прочимъ Церквамъ, какъ восточнымъ такъ и западнымъ? Неужели одна Римская, первопрестольная Церковь, будетъ виновна въ нарушеніи Ефесскаго постановленія, за то, что разрѣшила включеніе въ символъ частицы *filioque*, не согласившись предварительно о томъ съ Греками, между тѣмъ какъ неповинны будутъ въ томъ же нарушеніи всѣ прочія восточныя Церкви, включившія въ символъ разныя другія вставки, безъ предварительнаго согласія съ Римскою Церковью?

И такъ, очевидно слѣдуетъ заключить, что безразсудно обвиняется вселенская Церковь, на основаніи будто Ефесскаго постановленія, за поясненіе, включенное ею въ Никейскій символъ; ибо, какъ мы, во первыхъ, доказали, постановленіе по всей вѣроятности относится только къ формуламъ, противорѣчущимъ Никейскому изложенію вѣры, или по крайней мѣрѣ отличнымъ отъ него; а во вторыхъ, если постановленіе относится даже и къ формуламъ дополнительнымъ, хотя и вполне согласнымъ съ Никейскою вѣрою, оно единственно можетъ имѣть въ виду только частныхъ лицъ, а не Церквей, дѣйствующихъ по необходимости, и въ крайнихъ случаяхъ, такъ какъ явствуетъ изъ цѣлаго ряда приведенныхъ, непререкаемыхъ фактовъ и изъ постояннаго образа дѣйствій самихъ Грековъ. Наконецъ, прибавимъ еще, что въ настоящее время, обвиненіе должно тѣмъ болѣе представляться безразсуднымъ, что съ тѣхъ поръ, уже два вселенскіе Собора, въ ко-

¹⁾ См. де Рубенсъ гл. 4, § 2 и слѣдующіе.

²⁾ Совершенно вѣрно, что Папа Левъ III. весьма неохотно относился къ прибавленію, внесенному въ символъ, и даже указавъ французскимъ легатамъ способъ исключить его изъ символа; но старанія его остались безуспѣшными. См. у Барон. годъ 809 н. 54 и слѣд. Вопреки противникамъ, Римская Церковь всегда съ упорствомъ хранила старину, и даже, по мнѣнію историковъ принятіе символа съ прибавленіемъ должно отнести только къ времени Папы Венедикта VIII, т. е. не ранѣе 1014го года.

торыхъ засѣдали сами Греческіе Отцы, и обладающія поэтому тою же полноправностію, какъ и самъ Ефесскій, торжественно и единогласно приняли и подтвердили означенное прибавленіе.

Другими словами: несправедливо обвиняють Греки вселенскую Церковь въ искаженіи сѣмвола, за внесеніе въ оный частицы: *filioque*, т. е. и отъ Сына, — что и требовалось доказать.

Возраженія.

Хотя не легко, конечно, найти какое-либо разумное опроверженіе вышерприведенныхъ доказательствъ и историческихъ фактовъ, тѣмъ не менѣе, и не смотря на несостоятельность возраженій противниковъ, считаю своею обязанностію резюмировать ихъ въ слѣдующихъ пунктахъ:

Возражаютъ:

Во первыхъ, постановленіе Ефесское есть постановленіе всеобщее, изданное вселенскою Церковью, законно въ Соборѣ собранною, а потому обязательное для всѣхъ Церквей; слѣдов., оно можетъ быть измѣнено только таковымъ же однороднымъ постановленіемъ всей вселенской церкви. Поэтому, напрасно указываютъ на примѣръ на Калхидонскаго Собора и другихъ, ибо Соборы эти были также вселенскіе, какъ и Ефесскій, и потому имѣли полное право постановленія его толковать и даже отмѣнять. Во вторыхъ, также неосновательно приводятся примѣры изъ прочихъ формулъ, принятыхъ нѣкоторыми Церквями, такъ какъ формулы эти были только исповѣданіе вѣры частныхъ Церквей, а не общее выраженіе вѣры всей вселенской Церкви; и вотъ почему греческая Церковь могла допустить прибавленіе *filioque*, пока оно оставалось въ предѣлахъ Испаніи, Галліи и Германіи, но торжественно протестовала за нарушеніе Ефесскаго постановленія, лишь только Римскій Первосвященникъ дозволилъ себѣ разрѣшить эту вставку всей западной Церкви. — Полагаю, откровенно говоря, что уже одно изложеніе этихъ возраженій достаточно выяснитъ каждому, не предубѣжденному читателю, всю ихъ неосновательность и пустоту. Тѣмъ не менѣе

Отвѣчаю:

Во первыхъ, мы доказали выше, что запретъ Ефесскаго Собора должно полагать по свидѣтельству самой исторіи, относящимся или къ прибавленіямъ, противорѣчущимъ Никейской вѣрѣ, и по крайней мѣрѣ отличнымъ отъ нея, или ко всякимъ вообще прибавленіямъ со стороны частныхъ и единичныхъ личностей, а не Церкви, или Церквей, когда онѣ вынуждены прибѣгнуть къ

этому средству, по неизбѣжной необходимости. Мы, кромѣ того, объяснили непрерываемыми примѣрами изъ церковной исторіи, что Церкви — восточная, точно также какъ и западная, — доказали на практикѣ, и неоднократно, что онѣ именно въ этомъ смыслѣ понимали и толковали Ефесское постановленіе, такъ какъ всѣ означенные вселенскіе Соборы, дѣйствительно, не только принимали, но еще формально утверждали изложенія вѣры, такимъ образомъ составленныя Церквами, и ими представленныя Соборамъ. Очевидно однако, что Соборы не имѣли никакого права такъ поступать, если бы придавали Ефесскому запрету тотъ узкій и натянутый смыслъ, въ которомъ Греки начали его толковать только послѣ раскола. Далѣе, заключеніе выводимое противниками изъ того, что послѣдующіе вселенскіе Соборы имѣли право, въ качествѣ именно вселенскихъ, отмѣнять постановленіе Ефесскаго, доказываетъ напротивъ прямо въ нашу пользу, ибо означенные Соборы, принимая приведенныя вставки, не только не имѣли въ виду отмѣнить Ефесскаго запрета, но напротивъ формально и торжественно его подтверждали. Наконецъ, если даже это неразумное заключеніе, выводимое изъ вселенства послѣдующихъ Соборовъ было бы справедливо, то оно опять прямо обращалось противъ Грековъ, такъ какъ именно два вселенскіе Собора, составленные изъ законныхъ представителей Западной и Восточной Церкви, т. е. Лионскій второй, и Флорентинскій, приняли и утвердили прибавленіе *filioque*.

Во вторыхъ, возраженіе, будто примѣръ приведенныхъ различныхъ формулъ принятыхъ отдѣльными Церквами, ничего не доказываетъ, такъ какъ онѣ суть частныя выраженія, а не общепринятая всею вселенскою Церковью, также безсильно какъ и предъидущее. Въ самомъ дѣлѣ, именно изъ этого образа дѣйствія Церквей яснѣ всего выражается смыслъ, въ какомъ праотцы наши понимали Ефесскій запретъ. Ибо если бы должно было строго принимать его по мертвой буквѣ закона, то необходимо слѣдовало заключить, что каждая особенная формула вѣры, принятая какою бы то ни было частною Церковью, была каждый разъ новымъ посягательствомъ противъ означеннаго узаконенія. Между тѣмъ, такъ какъ именно эти формулы и были Соборами не только приняты, но даже формально утверждены, то очевидно, что Ефесское постановленіе было издано совершенно въ иномъ смыслѣ какъ тотъ, въ которомъ Греки дозволили себѣ его толковать, только въ позднѣйшія времена. Это тѣмъ болѣе осознательно, что если бы соборное узаконеніе было обязательно для всей Церкви, и по греческому именно толкованію, конечно не

частнымъ во всякомъ случаѣ Церквамъ, было дозволено его нарушить.

Наконецъ, также невѣрно и само объясненіе протеста Керруларія, заявленнаго имъ будто за то, что Римъ подтвердилъ прибавленіе къ символу, принятое уже за нѣсколько столѣтій всѣми прочими Церквами Запада. Ибо, дѣйствительно, во первыхъ, если по толкованію противниковъ, отрицается главенство Римскаго Первосвященника, то какая же разница можетъ существовать для Грековъ, между принятіемъ частицы *filioque* Римскою Церковью, и принятіемъ той же частицы всѣми другими Церквами Испаніи, Галліи, Италіи, Германіи, и т. д., противъ которыхъ они и не думали протестовать въ продолженіи столькихъ вѣковъ? Если же напротивъ главенство признается, то на какомъ же основаніи дозволено было бы частнымъ Церквамъ отказаться отъ принятія дисциплинарныхъ мѣръ и распоряженій отъ главы Церкви исходящихъ? — Во вторыхъ, по свидѣтельству исторіи побудительная причина возстанія греческаго Патріарха противъ вселенской Церкви была далеко не указанная противниками, а напротивъ, съ одной стороны отказъ Римскаго Первосвященника признать за нимъ титулъ Вселенскаго Патріарха, котораго Керруларій отъ Папы домогался, а съ другой — отлученіе за злостное упорство, произнесенное противъ него легатами Первосвященника. Узвѣленный Патріархъ не перенесъ обиды, и возстановилъ расколъ; а такъ какъ для прикрытія имѣющихся въ виду личныхъ цѣлей, необходимы были благовидные предлоги, то къ числу многихъ другихъ поклѣповъ, взведенныхъ имъ противъ Римскаго первопрестола, онъ счелъ удобнымъ прибавить наконецъ и это обвиненіе. Исторія указываетъ, насколько онъ и его сообщники охотно помирились бы съ инымъ нарушеніемъ, если бы имъ удалось добиться отъ Папы столь желаннаго имъ титула.¹⁾

Но, настаиваютъ: самъ Папа Левъ III. призналъ означенное прибавленіе противозаконнымъ и нарушающимъ Ефесское постановленіе, ибо по свидѣтельству его діографа Анастасія въ No. 410^{мъ}, Первосвященникъ, по любви къ православнои вѣрѣ и для ея храненія, повелѣлъ выковать два щита изъ серебра и вырѣзать на одномъ греческими буквами, а на другомъ латинскими²⁾ сум-

¹⁾ Справ. въ диссерт. де Рубенсъ гл. 5, No. 2 и въ Ист. Лекс. Феллера, стат. Мих. Керруларій.

²⁾ Изд. Франц. Бланкин. см. у Барон. къ 809^{му} году No. 62. Напрасно изъ этого факта заключилъ Фотій, что Левъ III. исповѣдывалъ исхожденіе Св. Духа только отъ Отца; ибо эта клевета явно и легко опровергается объявленіемъ, сдѣланнымъ этимъ же самымъ Первосвященникомъ, при встрѣчѣ

воль вѣры безъ прибавленія однако частицы *filioque*, слѣдов., признавая что того требуетъ охрана православія; конечно Папа это сдѣлалъ потому, что онъ во первыхъ, хорошо вѣдалъ что Константинопольскіе Отцы, принявъ слова: иже отъ Отца исходитъ, изъ изреченія самаго Христа Спасителя, приведеннаго въ Иоанн. XV. 26, не полагали дозволеннымъ что либо въ нихъ измѣнить или къ нимъ прибавить;¹⁾ а во вторыхъ, потому что признавалъ, что Римскій Первосвященникъ не можетъ, или по крайней мѣрѣ не долженъ, допускать какого либо прибавленія къ символу безъ совѣта съ прочими Патріархами, вмѣстѣ съ нимъ причастными управленію Церкви. Слѣдов. . . .

Отвѣчаю: Во первыхъ, изъ выноски стр. 68 явствуетъ, что цѣль Первосвященника была исключительно примиреніе, а отнюдь не осужденіе прибавленія частицы *filioque*. Если же, по свидѣтельству Анастасія, внесеніе символа на серебряные щиты было сдѣлано Львомъ III. по любви къ православной вѣрѣ и ради ея храненія, то это распоряженіе было весьма мудрое, во избѣжаніе всякихъ возможныхъ неосновательныхъ искаженій символа по частному усмотрѣнію, могущихъ нарушить православіе вѣры.²⁾ — Во вторыхъ, что касается до того, что Константинопольскіе Отцы принимая буквально слова Христа, считали будто невозможнымъ что либо измѣнить въ ихъ содержаніи, то позволю себѣ замѣтить Митрополиту Филарету, что возраженіе не дѣлаетъ особенной чести его познаніямъ; ибо напротивъ, Отцы Константинопольскіе именно сохранили не букву изреченія Христа Спасителя, а только прямой его смыслъ. Дѣйствительно: въ Евангеліи греческій текстъ гласитъ: иже отъ (*Ὁ παρὰ*) Отца исходитъ (*Ὁ παρὰ τοῦ Πατρὸς ἐκπορεύεται*) а въ символѣ:

съ посланными къ нему легатами отъ Аахенскаго Собора. Вотъ подлинныя его слова относительно исхожденія Св. Духа отъ Отца и Сына: Такъ вѣрую, такъ исповѣдую, со всеми учителями и по свидѣтельству Св. Писанія. Если же кто иначе объ этомъ вѣритъ или учитъ захочетъ, то я ему воспреещаю. И если не обратится, и не будетъ придерживаться означенному смыслу, а будетъ исповѣдать противное, то я окончательно отлучаю. Что можетъ быть яснѣе этого свидѣтельства, и какое значеніе имѣютъ, послѣ того, пресловутые серебряные щиты, доставлявшіе такое невинное утѣшеніе неразборчивымъ и не слишкомъ свѣдущимъ противникамъ? Не доказываютъ ли они напротивъ, до очевидности, поразительную дальновидность Первосвященника, не пожелавашаго во избѣжаніе и малѣйшаго недоразумѣнія, чтобъ частица *filioque* была уже въ ту пору внесена въ символъ?

¹⁾ Это возраженіе Высокопреосвященнаго Филарета въ прив. соч. стр. 33. На сколько же оно обличаетъ незнанія, окажется изъ отвѣта.

²⁾ См. де Рубейсъ, въ вышеприведенномъ мѣстѣ.

изъ (ἐκ) Отца исходящаго (*Τό ἐκ Πατρὸς ἐκπορευόμενον*); и слѣдов., Отцы замѣнили не только время глагола причастіемъ, но даже слова отъ, другимъ словомъ изъ. И такъ, если Константинопольскимъ Отцамъ дозволено было замѣнить слова Христа другими, то неужели одной только римской Церкви воспрещено будетъ прибавить къ нимъ одно пояснительное слово? И въ особенности когда VII. Соборъ, а съ нимъ и вся восточная Церковь дозволили Константинопольскому Епископу Тарасію прибавить, какъ выше было сказано, цѣлыхъ два слова къ тому самому изреченію Христа, именно: *δι υἱοῦ*, т. е. чрезъ Сына? Наконецъ, даже и прежде Тарасія, развѣ запрещено было Св. Епифанію подъ предлогомъ искаженія словъ Спасителя исповѣдывать какъ въ Панагар. такъ и въ Анкорат. исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына? ¹⁾ Относительно же второй части возраженія, совершенно отвергаю, будто Римскій Первосвященникъ зналъ, что онъ не имѣетъ права отъ себя и преимущественно въ предметахъ дисциплинарныхъ, издавать рѣшенія, относящіяся ко всей вселенской Церкви; отвергаю тѣмъ болѣе, что всѣ Соборы, и сами вселенскіе, получаютъ законную и дѣйствительную силу отъ утвержденія ихъ Римскимъ Первосвященникомъ. Поразительный примѣръ тому представляетъ сама Греческая Церковь въ Калхидонскомъ Соборѣ, коего XXVIII. канонъ остался недѣйствительнымъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, именно изъ за сопротивленія Римскихъ Первосвященниковъ. ²⁾ Но допуская даже, предположеніе противниковъ, изъ него вытекало бы, въ крайнемъ случаѣ, только то, что не слѣдовало Римскому Первосвященнику узаконить означенное прибавленіе для всей вселенской Церкви, безъ согласія Патриарховъ; но уже рѣшительно ни въ какомъ случаѣ не можетъ вытекать то заключеніе, что Онъ не имѣлъ права такъ поступить относительно западной, по крайней мѣрѣ Церкви; ибо, по сознанию самихъ Грековъ, онъ же именно и есть Патриархъ этой Церкви.

Впрочемъ, необходимымъ считаю обратить вниманіе читателя на весьма знаменательный фактъ; именно на тотъ, что Римскіе

¹⁾ *Τὸ παρὰ τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ ἐκπορευόμενον.* См. у Леклена привед. диссерт. No. 37.

²⁾ По своему объему вопросъ о главенствѣ Римскаго Первосвященника, конечно, не можетъ подлежать здѣсь поверхностному и мимоходному обсужденію; но желающій ближе съ нимъ ознакомиться пусть, обратится къ любому курсу Догматическаго богословія, по ученію вселенской Церкви, а именно къ трактату о первенствѣ Св. Апостола Петра и его Преемниковъ. Кромѣ того, см. ниже стр. 73 и слѣд.

Первосвященники, хотя въ качествѣ главы вселенской Церкви, и признавали вполне за собою, не только право, но и обязанность церковнаго управленія, однако никогда не принуждали восточную Церковь къ принятію означеннаго прибавленія, а только согласились на настоятельную просьбу всѣхъ западныхъ Архипастырей, сперва дозволивъ имъ употребленіе помянутой частицы, а наконецъ принявъ ее сами и для Римской собственно Церкви. Точно также мудро и миролюбиво поступили они и на Соборахъ Лионскомъ и Флорентинскомъ, предоставляя Грекамъ полную свободу относительно принятія частицы *filioque*; а много позже Климентъ VIII. издалъ еще постановленіе совершенно въ томъ же самомъ смыслѣ.¹⁾

Наконецъ, ко всему сказанному прибавимъ еще одно соображеніе. На I^м Константинопольскомъ Соборѣ, Греки, какъ извѣстно, включили не стѣсняясь нѣсколько прибавленій въ Никейскій Символь, и въ этомъ видѣ ввели его даже въ Литургію, не думая испросить предварительно на то согласіе не только всего западнаго Епископства, но и самой Римской первопрестольной Церкви. Слѣдов., не очевидно ли, что точно такое же, по крайней мѣрѣ, право имѣло въ свою очередь и западное Епископство, а тѣмъ паче Римскій Первосвященникъ, принимать другое прибавленіе и также вносить его въ символъ и въ Литургію? Пусть рѣшитъ всякій, съ которой стороны убѣжденное достоинство и строгая послѣдовательность и съ которой — пристрастіе и очевидная придирка.

Примѣчаніе.

Изложивъ, по крайнему пониманію моему, ученіе Вселенской Церкви о исхожденіи Св. Духа, мудроно было бы для меня, не вспомнить при окончаніи предпринятаго труда, что другой еще, — существенный вопросъ, отдѣляетъ Греко-Россійскую Церковь

¹⁾ Въ Лионскомъ Соборѣ, Императоръ Михаилъ Палеологъ просилъ: дабы Церковь его могла продолжать читать символъ, какъ читала его до раскола, и по нынѣшній день. На его просьбу согласились, какъ Первосвященникъ, такъ и Отцы Собора. Въ Флорентинскомъ Соборѣ, Греки вторично заявили: что мы далеко не всѣ принимаемъ прибавленіе; но согласны, чтобы вы сохранили его въ вашихъ церквахъ. И вторично ни кто въ Соборѣ не заявилъ протеста противъ ихъ желанія. Наконецъ, и Климентъ VIII. въ XXXIV. Буллѣ. § 6 торжественно объявилъ, что хотя Греки и обязаны вѣрить въ исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына, но не обязаны гласно выражать эту вѣру во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только таковое умалчиваніе не будетъ рождать соблазна.

отъ вселенскаго единства: именно, вопросъ о духовномъ главенствѣ Римскаго Первосвященства. Мудрено было бы также уклониться отъ желанія выяснить, по мѣрѣ силъ и живаго, чистосердечнаго убѣжденія, плачевныя недоразумѣнія, существующія и на этой почвѣ между Востокомъ и Западомъ. Тѣмъ болѣе трудно, что за исключеніемъ обоихъ этихъ пунктовъ, уже совершенно никакой существенной разницы, въ доктринальномъ ученіи двухъ Церквей, указать нельзя.

Въ примѣч. (стр. 70) я мимоходомъ коснулся Римскаго Главенства. Мнѣ показалось уже тогда, что безъ яснаго понятія о значеніи краугольнаго учрежденія Церкви, нѣкоторыя доказательства, приведенныя мною въ предыдущей статьѣ, останутся не вполне доступными читателю. Мнѣ кажется, кромѣ того теперь, что Первосвященство до такой степени образуетъ жизненное средоточіе Вселенскаго Христіанства, что не мыслимо коснуться какого либо догмата его ученія, — а въ особенности такого, который послужилъ прямымъ предлогомъ церковному расколу, — не вникнувъ въ истинный смыслъ этого органическаго начала Вселенской Церкви. Однимъ словомъ, случай заняться вопросомъ о Римскомъ духовномъ Приматствѣ показался мнѣ слишкомъ указаннымъ, слишкомъ удобнымъ, чтобъ не воспользоваться имъ.

Вотъ, вслѣдствіе какихъ соображеній, позволилъ я себѣ посвятить особую, и — долженъ сознаться, ни чѣмъ внушеніемъ не вызванную статью, изученію этого вопроса. Не считаю нужнымъ извиняться за излишнее, можетъ быть, усердіе мое, такъ какъ предупрежденный читатель, безпрепятственно и безобидно можетъ, если ему будетъ угодно, вовсе уклониться отъ незанимательнаго для него чтенія.

II.

О главенствѣ Апостола Петра и его Преемниковъ на Римскомъ Престолѣ.

Догматъ о главенствѣ Апостола Петра и его Преемниковъ на Римскомъ Престолѣ, образуетъ по своей существенной важности на практикѣ, жизненное средоточіе всего вселенскаго организма Церкви. За его отсутствіемъ организмъ этотъ, не только мгновенно разрушается, но дѣлается даже совершенно немислимъ. Въ несомнѣнности этой истины до такой степени обоюдно убѣдились, какъ сами враги Церкви, такъ и поборники ея, что всѣ усилія тѣхъ и другихъ, съ одной стороны, главнымъ образомъ направлены противъ этой твердыни вселенской вѣры, а съ другой — посвящены ея защитѣ.

Мы упомянули въ предыдущей статьѣ объ объемѣ духовной литературы относительно исхожденія Св. Духа. Еще несравненно громаднѣе и разнообразнѣе представляется намъ богословская и историческая разработка вопроса и Римскомъ Главенствѣ. Передъ огромностью ея разбровъ невольно недоумѣваетъ всякій, желающій приступить къ поверхностному даже обсужденію этого предмета. Самый точный способъ изложенія былъ-бы, безъ сомнѣнія, чисто діалектической, т. е. тотъ, которому мы, до сихъ поръ, строго придерживались. Но, къ сожаленію, онъ въ настоящемъ вопросѣ совершенно несомѣстенъ съ матеріальными предѣлами, въ которыхъ, по необходимости, я долженъ заключиться.

Для нагляднаго доказательства этой несомѣстности, достаточно будетъ указать на одно обстоятельство: Вся предыдущая статья, посвященная обсужденію двухъ только предложеній, и отвѣтамъ на представленныя противниками возраженія, тѣмъ не менѣе, заняла болѣе 70^{ти} страницъ. Методическое же изложеніе подлежащаго вопроса, должно вмѣщать въ себѣ доказательства

не только изъ Св. Писанія, но кромѣ того и изъ преданія, по малой мѣрѣ, слѣдующихъ одиннадцати предложеній:

Пред. I. Христосъ облекъ Петра Первенствомъ почета и управления во Вселенской Церкви, т. е. поставилъ его главою оной.

Пред. II. Петръ получилъ Первенство управления во Вселенской Церкви непосредственно отъ Христа, а не отъ самой Церкви.

Пред. III. Первенство, коимъ облеченъ былъ Петръ, должно, изъ учрежденія Самаго Христа, безкончаемо продлиться въ Церкви и по кончинѣ Петра.

Пред. IV. Петръ дѣйствительно былъ въ Римѣ, учредилъ Римское Епископство и правилъ онымъ до своей кончины.

Пред. V. Римскіе первосвященники, т. е. преемники Петра въ Римскомъ Епископствѣ, наслѣдовали его Первенству въ силу Божественнаго права, а не по какому либо человѣческому распоряженію, церковному или политическому.

Пред. VI. Власть Первенства, которою, въ силу Божественнаго права, обладаетъ Римскій Первосвященникъ, есть власть Епископская, простирающаяся на всѣхъ во Христѣ правовѣрныхъ и на самихъ Епископовъ.

Пред. VII. Римскій Первосвященникъ, въ силу своего Первенства, обладаетъ верховною властію надъ всѣми Епископами, даже во вселенскомъ Соборѣ соединенными.

Пред. VIII. Единому Римскому Первосвященнику, въ силу присущаго ему Первенства, подобаетъ созывать Соборы, предсѣдательствовать въ оныхъ и ихъ утверждать.

Пред. IX. Римскій Первосвященникъ каедрально (ex cathedrâ) опредѣляющій, въ предметахъ до вѣры или нравовъ касающихся, непогрѣшимъ, а его догматическіе приговоры, даже до выраженаго согласія Церкви, вовсе не могутъ подлежать пересмотру.

Пред. X. Предъидущее предложеніе неопровержимо выводится какъ изъ Св. Писанія, такъ и изъ самаго преданія.

Пред. XI. Оно подтверждается кромѣ того и фактически, такъ какъ нѣтъ возможности указать на какого либо Римскаго Первосвященника, когда либо погрѣшившаго въ какомъ либо опредѣленіи до вѣры касающемся.¹⁾

¹⁾ Я намѣренно привелъ здѣсь главныя черты ученія о Главенствѣ Римскаго Первосвященства, составляющія какъ бы оставъ, вокругъ котораго постепенно развился столѣтіями весь организмъ этого догмата. Всякому научно образованному человѣку достаточно будетъ одного взгляда на эти очертанія, чтобъ убѣдиться, какую они предполагають громаду познаній, трудовъ, изслѣ-

Такимъ образомъ, уже по одному, голому перечню предметовъ подлежащихъ обсужденію, легко себѣ представить до какихъ размѣровъ доросъ бы, даже и не полный трактатъ о Первенствѣ Римскаго Первосвященника, въ особенности, если кромѣ того примется въ соображеніе необходимое при томъ изложеніе безконечныхъ возраженій противниковъ этого догмата, и наконецъ неизбѣжное также опроверженіе этихъ самыхъ возраженій.¹⁾

И такъ, для разсмотрѣнія вопроса остается искать другаго удобнѣйшаго способа, представляющаго возможность достаточно вникнуть въ значеніе Римскаго Первосвященства, выяснить логическое основаніе, на которомъ оно поставлено, указать на существенныя потребности Церкви, которымъ оно одно въ состояніи дать законное и полное удовлетвореніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, оставаться въ предѣлахъ, въ коихъ заключають меня, по неволѣ, матеріальныя условія моего труда. Понятно, что при этой новой формѣ изложенія, я долженъ отказаться отъ строгихъ пріемовъ схоластической полемики. Здѣсь уже не встрѣтятся ни доказательства съ точностію опредѣленныхъ предложеній, ни возраженія противниковъ на нихъ, ни методическое опроверженіе этихъ возраженій. Мы постоянно будемъ оставаться на почвѣ чисто повѣствовательной, и такъ сказать, описательной. Надѣюсь тѣмъ не менѣе, что не только не трудно будетъ довести всякаго добросовѣстнаго читателя до сознанія очевидности вселенскаго ученія и по этой методѣ, но даже что она, можетъ быть, лучше предъидущей приспособлена къ занимающему насъ вопросу, въ которомъ дѣло идетъ уже не объ отвлеченностяхъ онтологіи, а о приложеніи премудрыхъ начертаній Божественнаго Промысла къ исторической судьбѣ религіи въ человѣчествѣ.

Приступая за тѣмъ къ разбору такого пространнаго и слож-

дованія, борьбы, разработки и обсужденія, для возведенія, сперва смутно проведенной истины, въ столь строго и научно опредѣленную догматическую форму, и для 18^{ти} вѣковаго историческаго примѣненія оной къ судьбамъ человѣчества. Такого предпріятія, увѣнчанаго такимъ успѣхомъ, не представляла намъ никогда, ни одна изъ лѣтописей прочихъ политическихъ или религіозныхъ обществъ въ исторіи.

¹⁾ Для ясности считаю нужнымъ упомянуть, что въ этомъ перечнѣ 11^{ти} предложеній, я не включилъ еще окончательныхъ опредѣленій, поставленныхъ послѣднимъ вселенскимъ Ватиканскимъ Соборомъ 1870 года. — Во первыхъ, потому что мы ниже отдѣльно займемся его трудами, а во вторыхъ, чтобы тѣмъ нагляднѣе указать, насколько постановленія знаменитаго, но столь превратно понятаго Соборанія, далеки были отъ введенія какой либо новизны въ существовавшее и до него ученіе Вселенской Церкви.

наго вопроса, считаю необходимымъ обратить сперва вниманіе читателя на нѣкоторыя предварительныя, и такъ сказать вводныя соображенія.

Достойно замѣченія, что бѣльшая часть мыслителей, посвятившихъ труды свои изученію политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, не обратили достаточнаго вниманія на одинъ, весьма знаменательный фактъ; именно на то, что богословскія истины суть ни что иное, какъ истины генеральныя, всеобщія, но обнаруженныя и такъ сказать, обоготворенныя въ сферѣ религіозной; и что по этому нельзя посягнуть противъ какой либо изъ нихъ, не нарушая тѣмъ самымъ одинъ изъ основныхъ законовъ соціального мірозданія. —

Такимъ образомъ оказывается, что непогрѣшимость въ порядкѣ духовномъ, и верховная власть, въ порядкѣ гражданскомъ, — два выраженія вполне тождественныя. И то, и другое, равно выражаютъ власть высшую, надъ прочими господствующую, отъ которой всѣ прочія истекаютъ; власть подчиняющую и не подчиненную, судящую и не подсудимую.

И такъ, когда мы утверждаемъ, что Церковь непогрѣшима, необходимо имѣть въ виду, что мы нисколько не выговариваемъ въ ея пользу какого либо исключительнаго преимущества; мы требуемъ только, чтобъ она пользовалась тѣмъ правомъ, которымъ обладаетъ, во всѣхъ возможныхъ странахъ свѣта, верховная власть, дѣйствующая вездѣ, какъ извѣстно въ качествѣ власти непогрѣшимой; ибо всякое правительство необходимо, и по существу своему, — абсолютно; и всякое правительство, которому, подъ предлогомъ погрѣшности или несправедливости, дозволено было бы отказывать въ повиновеніи, тѣмъ самымъ уже лишилось бы бытія.

Конечно верховная власть не вездѣ облечена въ одинакія формы. Она иначе выражается въ Лондонѣ, и иначе въ Константинополѣ. Но тѣмъ не менѣе, и тутъ и тамъ, повиновеніе ея вельніямъ равно безпрекословно и безъ аппеляціи, буде это вельніе мудрый Парламентскій билль, или грубое турецкое фетфа.

Тоже самое должно, слѣдов., встрѣтиться и въ Церкви, подъ тою или подъ другою формою, но она вынужденно должна быть управляема какъ и всякая другая человѣческая ассоціація; иначе рушились бы и скопленіе, и связь и само единство. — И такъ, Церковное Правительство, какъ и всякое иное, должно быть непогрѣшимое, т. е. абсолютное.

Въ порядкѣ судебномъ, составляющемъ только одно звено правленія, не ясно-ли что мы также наталкиваемся на власть

окончательно судящую, и уже не подсудимую, именно потому что она рѣшаетъ во имя верховной власти, коей считается непосредственнымъ органомъ и выраженіемъ? Дѣлайте какъ хотите, называйте эту высшую судебную власть какимъ вы желаете именемъ, въ концѣ концовъ неизбѣжно будетъ признать такую инстанцію, такую власть, которой уже никто не будетъ имѣть права сказать: „ты впала въ погрѣшность, ты ошиблась.“

И такъ, въ Церкви, точно также какъ и во всякомъ другомъ человѣческомъ обществѣ, верховная власть неизбѣжно должна быть на практикѣ непогрѣшима, т. е. безъ возможной апелляціи на ея рѣшенія. Остается опредѣлить, какому учрежденію или лицу она присуща.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ представлять затрудненія. Дѣйствительно, по прямымъ указаніямъ не вѣры одной, но и здраваго смысла, Церковь вселенская по необходимости — Мо-нархія, и ничѣмъ другимъ быть не можетъ. Само понятіе вселенства непремѣнно предполагаетъ эту именно, а не другую форму правленія, абсолютная неизбѣжность коей зиждется на двойной причинѣ, т. е. на безсмѣтномъ количествѣ подданныхъ, и на безпредѣльномъ пространствѣ территоріальнаго владычества.

Эта истина до того очевидна, что во всемъ теченіи вѣковъ, ее оспаривали одни только мятежники, т. е. именно только тѣ, которые находили удобнымъ для себя, или выгоднымъ публично и формально отщепиться отъ вселенства.

Напрасно, по этому, силіатея Пресвитеріанскія Церкви представитъ республиканскую форму, какъ форму свойственную Церкви. Она нисколько не принадлежитъ даже и ихъ собственнымъ Церквямъ. Ибо, если каждая изъ нихъ можетъ въ частности быть названа Церквью республиканскою, тѣмъ не менѣе, всѣ въ совокупности совершенно бессильны образовать единую Христіанскую республиканскую Церковь; потому что никакого единства не можетъ быть тамъ, гдѣ не существуетъ общаго центра правленія, а безъ единства не можетъ быть и церковнаго вселенства; такъ какъ въ этомъ предположеніи, ни одна изъ частныхъ Церквей не можетъ даже обладать какимъ либо правильнымъ органическимъ средствомъ убѣдиться: состоитъ ли она, или не состоитъ въ общеніи съ прочими Церквами.

Утверждать же, что совокупность независимыхъ Церквей въ состояніи когда либо образовать Церковь единую и вселенскую, значило бы утверждать, что совокупность политическихъ Правительствъ Европы въ состояніи образовать единое Европейское Государство, т. е. признавать явную нелѣпность.

Еслибъ кто либо предлагалъ образоватъ Прусское Королевство безъ Прусскаго Короля, или Россійскую Имперію безъ Русскаго Императора, того вѣроятно отправили бы къ психіатру. Однако предложеніе его нисколько не было бы нелѣпѣе понятія: о Вселенской Церкви, безъ Церковнаго главы.

Здѣсь мы касаемся самаго ядра вопроса. Дѣйствительно, Мо-нархическая форма разъ дознанная въ Церкви, непогрѣшимость дѣлается неизбѣжнымъ послѣдствіемъ Первенства, или точнѣе, оба выраженія означаютъ одну и ту же самую вещь. Хотя тождество это совершенно очевидно, тѣмъ не менѣе, не хотятъ убѣдиться въ томъ, что весь вопросъ опирается на этой истинѣ, и что въ свою очередь, эта истина, вытекающая изъ самаго существа предмета, вовсе даже не нуждается, — въ доказательство своей очевидности, — въ какой либо богословской опорѣ; въ томъ смыслѣ, что если-бы вопреки ученію вѣры, и была допускаема въ главѣ Церкви доступность погрѣшимости, тѣмъ не менѣе эту доступность никто не имѣлъ бы права противопоставить его рѣшеніямъ свѣтской верховной власти, которая однако ннѣакихъ притязаній на непогрѣшимость никогда не заявляла, и заявлять не можетъ. И дѣйствительно, на практикѣ: быть недоступнымъ обвиненію въ погрѣшности, или быть непогрѣшимымъ по существу, совершенно тождественно. По этому, если бы даже доказано было что Апостолу Петру, а слѣдов. и Преемникамъ его, не было даровано Христомъ никакаго особаго преимущества, Римскій Первосвященникъ оставался бы тѣмъ не менѣе вполне непогрѣшимымъ, т. е. почитался таковымъ въ качествѣ верховнаго, или безапелляціоннаго Судьи. Ибо всякій приговоръ, на котораго не существуетъ апелляціи, почитается законнымъ, а слѣд. справедливымъ, во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, и при всѣхъ возможныхъ формахъ правленія. И всякій государственный дѣятель, достойный этого названія, хорошо пойметъ меня, когда я скажу, что не въ томъ только вопросъ: непогрѣшимъ ли глава Церкви, или нѣтъ; а въ особенности въ томъ: долженъ ли онъ почитаться непогрѣшимымъ или нѣтъ?

Очевидно, что тотъ, кто имѣлъ бы право сказать Первосвященнику, что онъ впалъ въ заблужденіе, что онъ ошибся, тѣмъ самымъ имѣлъ бы непререкаемое право отказать ему въ повиновеніи, и слѣдов. разомъ уничтожить верховную власть. Это основное понятіе до такой степени ясно и осязательно, что одинъ изъ ученѣйшихъ Протестанскихъ мыслителей XIX вѣка утверждаетъ, что право апелляціи отъ Первосвященника къ предбуду-

щему Собору уничтожаетъ единство Церкви.¹⁾ Мысль мудраго юрисконсульта замѣчательно вѣрна и логична. Ни отъ какого необходимаго, постоянного Правительства нельзя допустить апелляцій въ другой непостоянной, перемежной власти безъ неминувшаго разложенія всего государственнаго организма.

Если же, вопреки существенному, какъ мы видѣли, свойству вселенской Церкви быть Монархіей, допущено было ея раздѣленіе, напримѣръ на отдѣльные и независимые другъ отъ друга Патріархаты, какъ того домогаются отдѣлившіеся отъ вселенства Церкви Востока, — то въ такомъ случаѣ вопросъ чрезъ это нисколько бы не измѣнился. Каждый Патріархъ онять-таки неизбѣжно обладалъ-бы преимуществомъ, признаваемымъ вселенскою Церковью только за Римскимъ Первосвященникомъ, и на приговоры этого Патріарха точно также нельзя было-бы апеллировать подчиненнымъ ему Церквамъ, ибо необходимо-же признать какую либо инстанцію послѣднюю. Такимъ образомъ верховная власть крошилась бы на части, но тѣмъ не менѣе нисколько не исчезла, и пришлось бы только по неволѣ измѣнить существенный членъ сѣмвола, исповѣдая: что мы вѣруемъ въ Церкви отдѣльныя, и взаимно независимыя.

Вотъ еъ какому чудовищному понятію ведетъ неизбѣжно отрицаніе Церковнаго Главенства. Но этого мало. Понятіе это, кромѣ того, еще неминувемо усовершенствуется на практикѣ свѣтскою политическою властію, которая, не стѣсняясь тщетнымъ и пустымъ дѣленіемъ Церквей на Патріархаты, несомнѣнно поспѣшитъ установить независимость своей собственной національной Церкви, или даже вовсе освободиться отъ неудобнаго для своихъ видовъ Патріаршества, какъ это и случилось именно въ Россіи. Такимъ образомъ въ замѣнъ единой только непогрѣшимости, отвергнутой какъ слишкомъ сверхъестественное преимущество, получатся столько непогрѣшимостей, сколько угодно будетъ правительствамъ образовывать, по количеству существующихъ Государствъ и народностей; и религіозная верховная власть, нисходя постепенно отъ Первосвященства до Патріархатовъ, отъ нихъ низойдетъ еще до національныхъ Синодовъ съ ихъ всемогущими Оберъ-Прокурарами, пока окончательно унизится до прямого правительственнаго главенства какъ въ Англии, т. е. до чистаго протестантизма.

Нѣкоторые, впрочемъ весьма ученые и добросовѣстные писатели, упустивъ изъ виду столь очевидныя начала, впади чрезъ

¹⁾ Лавр. Мосгейм. диссерт. объ апел. къ Соб., привед. въ сочин. Докт. Маркет. Т. II. стр. 258.

это въ непростительную погрѣшность. Они, безъ смѣха, сочли возможнымъ указать, не только на годъ возникновенія, будто, ученія о непогрѣшимости, но даже на самаго изобрѣтателя этой системы; не понявъ вѣроятно громаднаго различія, существующаго между вѣрою въ какую либо истину, и гласною защитою этой истины.

Дѣйствительно, вселенская Церковь далеко не охотница до светныхъ преній и мудрствованій; она вѣритъ безъ споровъ, ибо вѣра есть убѣжденіе любви, а любовь по природѣ чужда придиркамъ. Въ полномъ убѣжденіи, что она ошибиться не можетъ, вселенская вѣра не нуждается въ постоянномъ, безпокойномъ анализѣ своей непогрѣшимости. Она добровольно не возбуждаетъ полемики.

Однако, если дерзкій нововводитель не усумнится оспаривать какой либо догматъ ея ученія, она, по неволѣ и противъ желанія, немедленно приступаетъ къ ручному изслѣдованію основаній отрицаемой истины, она отыскиваетъ свидѣтельства древности, создаетъ новыя слова и опредѣленія, въ коихъ конечно не нуждалась ея добросовѣстность, но необходимыя для яснаго и неколебимаго утвержденія отрицаемаго догмата, и тѣмъ — воздвигаетъ на вѣки несокрушимую уже преграду противъ покушеній нововводителей.

И такъ, утверждать что ученіе о непогрѣшимости развилось только въ XIV. столѣтіи, значило бы утверждать, что вѣра напр. въ пресуществленіе современна только реформаціи, а вѣра въ единосущность Слова, современна только лжеученію Аріанъ. Это значило бы невѣжественно смѣшивать истину съ гласнымъ ея выраженіемъ, и начало отрицанія — съ началомъ догмата. Нѣтъ, въ XIV. вѣкѣ не вѣрять начали непогрѣшимость, а напротивъ начали отрицать ее. Нападки нововводителей противъ Главенства Первосвященника, принудили строже и точнѣе вникнуть въ самое существо предмета; поборники истины назвали это главенство непогрѣшимостію, дабы тѣмъ яснѣе отличить его отъ всякой иной верховной власти; но никакого рѣшительно нововведенія въ Церкви не было, и она просто продолжала вѣрять тому, чему всегда вѣрила и прежде. Впрочемъ, предлагаю противникамъ главенства гораздо кратчайшій и легчайшій путь къ доказательству его новизны. Пусть благоволятъ указать на какую угодно эпоху церковной Исторіи, гдѣ догматическія рѣшенія Первосвященниковъ не были принимаемы Церковью какъ законные приговоры. Если они дѣйствительно правы, предложеніе мое конечно ихъ не затруднитъ.

Но, говорятъ, для сохраненія церковнаго единства и видимаго, осязаемаго верховнаго судилища не нуженъ Первосвященникъ, а достаточно Соборовъ; ибо дѣйствительно въ нихъ однихъ обрѣтается верховная, т. е. непогрѣшимая власть Церкви. Не трудно доказать всю безразсудность подобнаго предположенія. Во первыхъ, позволю себѣ замѣтить, что понятіе о періодической, и такъ сказать, перемежной верховной власти, есть прямое и явное противорѣчіе въ словахъ. Дѣйствительно, верховная власть необходимо должна постоянно жить, постоянно дѣйствовать и бдѣть; и для нея нѣтъ разницы между усыпленіемъ и смертью. **А такъ какъ** Соборы, по существу своему, учрежденія перемежныя въ Церкви, да не только перемежныя, но чрезвычайно рѣдкія и исключительно случайныя, безъ всякой определенной періодичности, очевидно что право управленія Церковью имъ абсолютно принадлежать не можетъ.

Кромѣ того, извѣстно что частныя и помѣстные Соборы не облечены правомъ окончательнаго, безапелляціоннаго рѣшенія; Соборы же вселенскіе сопряжены съ такими неудобствами, съ такими матеріальными препятствіями, что созваніе ихъ, по свидѣтельству исторіи граничитъ почти съ невозможностію. — Въ вѣковыхъ промежуткахъ ихъ засѣданій, кому же была бы присуща власть въ Церкви?

Въ первыя времена Христіанства, Соборы собирались безъ затрудненія, во первыхъ, потому что Церковь была тогда несравненно малочисленнѣе, и потому что вселенская, такъ сказать, власть Императоровъ представляла имъ возможность соединять во всякое время достаточное большинство Епископовъ для составленія Собора. И однако, не смотря на это, съ какими неимоверными затрудненіями, препятствіями, издержками и даже опасностями всегда сопряжены были эти собранія.

Но въ новѣйшія времена, когда раздробленныя политическія общества и отдѣльныя Государства расплодились на поверхности всего земнаго шара, вселенскій Соборъ представляетъ почти непреодолимыя препятствія. Последній Ватиканскій, 1870го года лучшее тому доказательство. Дѣйствительно, извѣстно во первыхъ, что собраніе это сдѣлалось возможнымъ единственно только при дѣйствіи верховной, именно, власти Римскаго Первосвященника; а во вторыхъ, что оно не успѣло приступить къ обсужденію всѣхъ имѣющихся въ виду Соборомъ вопросовъ, но разошлось въ силу неотвратимыхъ обстоятельствъ, и до сихъ поръ еще считается открытымъ. —

Изъ сказаннаго можемъ вывести слѣдующее заключеніе: Все-

ленскіе Соборы, по существу своему, не могутъ быть ничто иное какъ генеральныя штаты, или Парламентъ Христіанства, созданный верховною властію, и подъ ея предсѣдательствомъ.

Вездѣ, гдѣ есть Государь (а во вселенской системѣ, Государь какъ мы видѣли, несомнѣненъ) безъ него не можетъ существовать никакого законнаго національнаго Собранія. Его *veto* немедленно прекращаетъ юридическую жизнь Собранія, и лишаетъ его законодательной власти. Если собраніе упорствуетъ, нормальный строй Государства нарушается, — и революція началась.

Это понятіе до того ясное, очевидное, до того непререкаемое, отрываетъ вполнѣ всю смѣшную нелѣпность столь долго разбираемаго вопроса: Первосвященникъ ли выше Собора, или Соборъ выше Первосвященника? Ибо совершенно тождественно было-бы спрашивать: Первосвященникъ выше ли Первосвященника, или Соборъ выше ли Собора? Дѣйствительно, такъ какъ Вселенскаго Собора безъ Первосвященника быть не можетъ, какой же смыслъ можетъ имѣть вопросъ: Соборъ выше или ниже Первосвященника?

Если бы кто либо спрашивалъ: Конституціонный Государь выше, или ниже Парламента? по всей вѣроятности ему бы отвѣчали презрительнымъ пожиманіемъ плечами; и благосклонный развѣ возразитель объяснилъ бы ему, что ни тотъ, ни другой ниже или выше другъ друга быть не могутъ; но что соединеніе Государя съ Парламентомъ образуетъ законодательное начало, или верховную власть въ Государствѣ, слѣдов. вопросъ есть положительное безсмысліе.

Впрочемъ, не имѣя нисколько въ виду отрицать верховнаго преимущества вселенскихъ Соборовъ, нельзя не признать огромныхъ неудобствъ, которыя влекли за собою эти собранія, и на сколько даже ими злоупотребляли въ первыя времена Христіанства. Греческіе Императоры, одержимые, къ соблазну исторіи, какимъ то богословобѣсіемъ особаго рода, только и искали удобнаго предлога для созыванія Соборовъ. Епископы съ своей стороны привыкали смотрѣть на повторяющіяся явленія, какъ на постоянное почти учрежденіе, во всякое время доступное усердію или сомнѣнію, и вотъ причина особой важности придаваемой ими Соборамъ и частыхъ отзывовъ о нихъ, встрѣчаемыхъ въ ихъ сочиненіяхъ.

Но отчего же, говорятъ противники, столько Соборовъ, если Церковь довольствуется приговорами Первосвященниковъ? Прекрасно, отвѣтствуетъ на этотъ вопросъ одинъ

изъ ученѣйшихъ богослововъ прошлаго столѣтія: Не спрашивайте насъ, не спрашивайте Первосвященниковъ: Дамазія, Целестина, Агаѳона, Адріана, Льва, осудившихъ, или предавшихъ отлученію всѣхъ лжеучителей, начиная съ Арія и до Евтихія, при согласіи всей Церкви или огромнаго ея большинства, и никогда не нашихъ нужнымъ прибѣгать къ вселенскимъ Соборамъ для пресѣченія ереси. Спросите скорѣе Греческихъ Императоровъ, такъ настоятельно требовавшихъ Соборовъ, созывавшихъ ихъ по собственной инициативѣ, помогавшихся согласіемъ Первосвященниковъ на открытіе этихъ собраний, и такимъ образомъ совершенно напрасно возбуждавшихъ всю эту тревогу въ Церкви.¹⁾

Очевидно, что право созывать Соборы вселенскіе принадлежитъ существенно церковному Главѣ. Это впрочемъ нисколько не исключаетъ умѣреннаго и законнаго содѣйствія Государей и Правительствъ. Но утверждать, какъ желаютъ противники, будто право это принадлежитъ свѣтской власти, это напротивъ ведетъ прямо къ заключенію, что управленіе Церковью именно не можетъ быть предоставлено вселенскимъ Соборамъ.

Дѣйствительно, мірская власть по своему существу не можетъ быть ни вселенская, ни нераздѣльная, ни вѣчная. Слѣдов., если будемъ отрицать право Первосвященника созывать Соборы, то кому же наконецъ будетъ это право присуще? Будетъ ли Президентъ Французской Республики созывать Англійскихъ Епископовъ, или Королева Великобританская Французскихъ? Вотъ до какой степени поверхностные писатели и пустые толкователи нагло искажаютъ историческую дѣйствительность!

Полагаю, что сказанное до сихъ поръ довольно освѣтило разбираемый вопросъ, чтобы открыть самому предубѣжденному читателю всю обширность сферы, въ которой этотъ вопросъ вращается. Можно конечно расходиться въ мнѣніяхъ относительно разрѣшенія предложенной задачи, но не признавать громадности ея значенія, не постигать всей важности ея послѣдствій въ религіозной и соціальной судьбѣ человѣчества, продолжать глумиться надъ какою то нелѣпо-обоготворенною личностію, будто возведенною на высоту чуждую грѣхонаденію, было бы доказательствомъ такой непонятливости, или такого невѣжества, противъ которыхъ бесполезно было-бы всякое дальнѣйшее объясненіе или

¹⁾ Кард. Орси. О неотмѣн. пригов. Римск. Первосвящ. 1772 г. Т. III. кн. II. гл. 20, стр. 183. 184.

возраженіе. По этому мы могли бы, не отлагая далѣе, уже прямо приступить къ сущности занимающаго насъ вопроса. Тѣмъ не менѣе попросу позволенія представить до того, еще одно предварительное соображеніе, потому что оно непосредственно относится собственно къ отдѣлившимся отъ вселенства Восточнымъ Церквамъ.

По всей вѣроятности, весьма страннымъ и даже вполне произвольнымъ покажется при первомъ взглядѣ слѣдующее предложеніе: всякая Церковь, отдѣлившаяся отъ Вселенской, тѣмъ самымъ неминуемо превращается въ Церковь Протестантскую. Тѣмъ не менѣе, если строже и глубже вникнуть въ его смыслъ, полагаю что для всякаго добросовѣстнаго наблюдателя, одареннаго до нѣкоторой степени способностію логической послѣдовательности, она вскорѣ представится несомнѣнною аксіомою.

Дѣйствительно, тщетно по моему, стараются опредѣлить различіе между простымъ отщепенствомъ (схизмою) и формальною ересью. Безъ сомнѣнія я вполне отдаю себѣ отчетъ въ отдѣльномъ смыслѣ придаваемомъ обоимъ выраженіямъ. Но я нахожу, что въ сущности, различіе только въ словахъ, и я утверждаю, что всякое Христіанское Общество, отбросившее общеніе съ Вселенскимъ Первосвященникомъ, тѣмъ самымъ превращается, или вскорѣ превратится въ Общество Протестантское.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое Протестантъ? Это человѣкъ, считающій своею прямою обязанностію протестовать. Но протестовать противъ одного догмата, или противъ другаго, не все ли равно? — Одинъ протестуетъ въ болѣе обширномъ смыслѣ, другой въ болѣе ограниченномъ, но во всякомъ случаѣ и тотъ другой очевидно протестуютъ, слѣдов., оба они протестанты.

Прошу читателя серьезно вникнуть въ мою мысль. Здѣсь дѣло идетъ не о пустой игрѣ словъ, а къ сожалѣнію, какъ сейчасъ увидимъ на практикѣ, о слишкомъ существенной дѣйствительности.

Наблюдая Русское духовенство, кто не былъ пораженъ особенною благосклонностію, какою пользуется въ его средѣ Протестантизмъ. Однако, если бы придерживались въ дѣйствительности теоретическому ученію Греко-Россійской Церкви, Протестантизмъ долженъ бы быть столь же доктринально-ненавистенъ на берегахъ Невы какъ и на берегу Тибра. Откуда происходитъ это знаменательное противорѣчіе? Исключительно отъ того, что всѣ отщепенства, — на сколько не казались бы другъ другу враждебными, всегда соединяются въ общей ненависти къ ихъ общему врагу, — единству. Не даромъ вѣрно сказалъ поэтъ:

„И Рима врагъ всегда мнѣ будетъ другомъ!“

Въ Царствованіи Петра I^о изданъ былъ по его повелѣнію Катихизисъ, заключающій въ себѣ сводъ Высочайше утвержденнаго догматическаго ученія (!!) Имперіи. Эта книга немедленно обратила на себя радушное и благосклонное вниманіе Англиканскаго епископа, и въ 1725 г. была переведена и издана въ Лондонѣ съ предисловіемъ, вполне заслуживающимъ вниманія.¹⁾

Катихизисъ этотъ, говоритъ переводчикъ, „дышетъ гениемъ великаго мужа, по указаніямъ котораго былъ сочиненъ.“²⁾ Царь „побѣдилъ двухъ враговъ страшнѣе Татаръ и Шведовъ, т. е. суевѣріе и невѣжество Надѣмся, что переводъ этотъ по собствууетъ сближенію Русскихъ Епископовъ съ Англиканскими, и что единеніе ихъ успѣетъ сокрушить злодѣйскія и кровожадныя намѣренія Римской Церкви Протестанты и Русскіе настолько сходятся между собою относительно многочисленныхъ догматовъ вѣры, насколько и тѣ и другіе расходятся съ ученіемъ Римской Церкви. . . .“³⁾ Также какъ и мы, Русскіе отвергають чистилище и кромя того, соотечественникъ нашъ, Кембриджскій докторъ богословія Ковель побѣдно доказалъ насколько пресуществленіе Латинянъ разнится съ тайною вечерью Грековъ.“⁴⁾

Не правда ли, какая нѣжность въ изліяніяхъ, какое троганіе

¹⁾ Русск. Кат. сост. по повел. Царя. Лонд. Мидозъ. 1725 г. Дженкинъ стр. 4 и 66.

²⁾ Замѣтьте, что переводчикъ говоритъ здѣсь о книгѣ, касающейся исключительно до вѣры, совершенно такъ какъ говорилъ бы о Высочайшемъ указѣ, относящемся до порядка административнаго или полицейскаго!! И въ сожалѣнію, нельзя не согласиться, что его взглядъ въ этомъ случаѣ согласуется въ Россіи съ дѣйствительностью.

³⁾ Прошу обратить особенное вниманіе на эту фразу автора, подтверждающую вполне выраженную мною мысль. Дѣйствительно, говоря это, авторъ одновременно и правъ и неправъ. Онъ очевидно неправъ, если относимся къ предмету по теоріи; ибо извѣстно, что существенное различіе между ученіемъ Вселенской Церкви и Восточной заключается только въ двухъ пунктахъ, между тѣмъ какъ Протестантизмъ есть полнѣйшее, радикальное отрицаніе почти всего ученія обѣихъ Церквей. Но на практикѣ авторъ совершенно правъ; большинство русскаго духовенства дѣйствительно весьма сочувственно относится къ ученію Протестантскому, и я бы охотно взялся доказать насколько Греко-Россійская вѣра, ежедневно удаляясь отъ Рима, постепенно приближается къ Виттенбергу.

⁴⁾ Эта протестантская похвала — настоящій медвѣжьій камень; она составляла бы страшное обвиненіе противъ Русской Церкви, еслибы только доказательства почтеннаго Кембриджскаго богослова, въ самомъ дѣлѣ подтверждались дѣйствительностью; о чемъ конечно судить я не берусь.

гельное довѣріе! Какъ братство обоихъ очевидно! . . . Не доходить ли здѣсь ненависть до страшныхъ по истинѣ предѣловъ. Русская Церковь, — совершенно также какъ и Вселенская, — вѣруеть въ Евхаристію, въ пресуществленіе, въ необходимость исповѣди и священническаго разрѣшенія отъ грѣховъ, въ тѣ же самыя таинства, въ литургію, въ молитву Божіей Матери и святымъ, въ чествованіе иконъ, въ священство чрезъ рукоположеніе, и пр. и пр. Протестантизмъ напротивъ, съ отвращеніемъ отвергаетъ всѣ эти догматы. Однако, лишь только встрѣчаетъ ихъ въ отдѣлившейся отъ Рима Церкви, онъ уже ими не оскорбленъ. Даже чествованіе святыхъ Иконъ, доведенное какъ извѣстно въ Русской Церкви до крайнихъ предѣловъ благочестія, это самое чествованіе, которое истинный Протестантъ торжественно признаетъ осквернительнымъ идолопоклонствомъ, здѣсь теряетъ въ его глазахъ всю свою тлетворность. Русскій отвергаетъ главенство Первосвященника: этого для Протестанта достаточно; онъ уже зреть въ немъ духовнаго брата, какъ и онъ протестующаго; всѣ прочіе догматы, — или, точнѣе, для него лжедогматы, — не имѣютъ болѣе значенія; ненависть Русскаго къ Риму искупаетъ ихъ вполнѣ! . . . Вотъ до какой степени, эта многозначачая для безпристрастнаго наблюдателя ненависть образуетъ, — единственную конечно, — но за то всеобщую, неразрывную связь между всѣми отщепенствами.

Между прочими многочисленными свидѣтельствами, подтверждающими эту несомнѣнную истину, избираю для краткости одно. По своему научному, и въ особенности церковно-официальному значенію оно вынуждаетъ убѣжденіе. Тверской Архіепископъ Меѳодій, въ своей Церковной Исторіи первыхъ вѣковъ Христіанства, изданной на латинскомъ языкѣ въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, откровенно сознается, что уже въ ту пору большая часть Русскаго Духовенства исповѣдывала Кальвинизмъ.¹⁾ По высокому церковному положенію Автора, по его неотрицаемой компетентности, но въ особенности по официальному одобренію его книги Верховнымъ Представителемъ Русской Церкви, Святымъ Шимъ Синодомъ, свидѣтельство его имѣетъ безспорно подавляющій вѣсъ.

Однако печальное явленіе не должно возбуждать удивленія.

¹⁾ Method. Arch. Tiver. Lib. Histor. & Cap. VI. Sect. 1. § 79, p. 168. Буквальный переводъ Латинскаго текста слѣдующій: Высокопреосвященный авторъ, указывая на ученіе Кальвина, долгомъ считаетъ немедленно присовокупить: „которое большая часть изъ нашихъ, до такой степени превозносить и любить.“ Что можетъ быть яснѣе?

Образованіе Русскаго Духовнаго юношества нетолько пропитано Протестантскимъ духомъ, но даже черпается нерѣдко прямо изъ Протестантскихъ источниковъ. Такимъ образомъ Протестантскій учитель Бингамъ пользовался такимъ почетомъ въ этой богословской средѣ, что вышеприведенный Высокопреосвященный авторъ, безъ смѣха ссылается въ вопросахъ, касающихся до вѣры, на его свидѣтельство, не отдавая даже себѣ отчета въ вопиющей неприличности такого изумительнаго зрѣлища, т. е. Русскаго Православнаго будто Архипастыря, позволяющаго себѣ доказывать на основаніи свидѣтельства еретика: „что Греко-Россійская Церковь дѣйствительно преподаетъ чистѣйшую Апостольскую вѣру!“ И все это съ разрѣшенія Святѣйшаго, слѣдов. непогрѣшимаго Синода!“ . . .

Слишкомъ легко было бы еще умножить свидѣтельства, доказывающія непреложность вышеприведенной аксіомы. Но Вы знаете что я долженъ ограничиться сказаннымъ, и я повторю только для ясности, что отдѣленная Церковь, не превращающаяся рано или поздно въ протестантскую, — явленіе просто невысказанное. И это естественно; ибо разорвать единожды связывающія узы единства, значитъ лишиться общаго вѣсѣмъ Церквамъ Верховнаго судилища, и слѣд. утратить на всегда единственный залогъ постоянства и неизмѣнности вѣры. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, всѣ различія сводятся къ одному окончательному знаменателю; именно къ частному, единоличному толкованію, и къ неизбѣжному затѣмъ главенство свѣтской Правительственной власти, т. е. къ самому существу Протестантизма.

Все сказанное доселѣ можетъ быть приведено къ слѣдующему заключенію. Приступая къ обсужденію вопроса о церковномъ Главенствѣ Апостола Петра и его Преемниковъ, мы предварительно имѣли въ виду пояснить:

1°) Огромную важность этого учрежденія въ судьбахъ Христіанской Церкви, и исполнскую разработку, которой оно подверглось въ теченіи девятнадцати столѣтій, со стороны ученѣйшей и образованнѣйшей части человѣчества.

2°) Истинное и вполне раціональное значеніе преимущества, признаннаго Вселенскою Церковью за Римскимъ Первосвященникомъ, помимо всякихъ богословскихъ доводовъ и неизбѣжность этого признанія, если бы даже означенное преимущество не было даровано самимъ Христомъ Спасителемъ.

3°) Невѣжество противниковъ, безмысленно смѣшивающихъ свойство, присущее Верховной власти, въ какой бы формѣ она не проявлялась во всѣхъ странахъ вселенной, — съ пустымъ

призракомъ какой то небывалой человѣческой личности, будто изъятаго отъ грѣхопаденія.

4°) Непрережаемое тождество между собою всѣхъ отдѣлившихся отъ Вселенства Церквей, которыя, вопреки существенному различію ихъ ученій, неизбежно должны разрѣшиться въ чистый протестантизмъ.

5°) Наконецъ, примѣръ этой логической неизбежности, почерпнутой изъ свидѣтельствъ самихъ Русскихъ Архипастырей и Русскаго Духовенства.

Освѣтивъ предварительно такимъ образомъ подлежащій вопросъ, мы можемъ теперь глубже и строже вникнуть въ собственное его значеніе.

I. Главенство Римскаго Первосвященника.

Мы объяснили выше насколько Церковь, не по названію только, а въ дѣйствительности Вселенская, невозможна, и даже немислима внѣ монархической формы. Евангельская Исторія вполне подтверждаетъ это неоспоримое заключеніе разума.

Дѣйствительно, съ самаго почина Своей міровой дѣятельности, Христу Спасителю угодно было избрать въ лицѣ Апостола Петра видимое средоточіе учреждаемой Имъ Церкви. Выборъ этотъ производится съ намѣренною медленностію, дабы для всѣхъ было очевидно, что здѣсь ничего не предоставлено случаю. Если бы Петръ былъ первозваннымъ, въ самомъ дѣлѣ могли бы основательно предположить, что дарованныя ему преимущества были послѣдствіями этого обстоятельства. Во избѣжаніе такого естественнаго толкованія, Андрей предшествуетъ ему въ Апостольствѣ, а Іоаннъ первый удостоился бесѣдою со Христомъ. Только послѣ нихъ приходитъ Петръ, но тѣмъ не менѣе, лишь только онъ является, предначертанія Христа начинаютъ уже выясняться надъ нимъ. Возрѣвъ же на нѣ, Іисусъ рече: ты еси Симонъ сынъ Іонинъ: ты нарѣчешися Кифа, еже скажется Петръ (камень).¹⁾ Вотъ первая черта: общепринятое, будничное таеъ сказать, названіе его мнѣется самимъ Христомъ, на имя символическое, таинственное, качественное, значеніе котораго откроетъ только будущность.

Далѣе, Христосъ послѣ продолжительной молиты на горѣ, приступаетъ къ избранію Своихъ Апостоловъ. Дванадцатихъ

¹⁾ Іоанн. I. 42.

Апостоловъ имена, говоритъ Евангелисмъ Матѳеѳеи суть сіа: Первый Симонъ, иже нарицается Петръ.¹⁾ Но на какомъ же основаніи можетъ быть Петръ первымъ? Вѣдь первый по старшинству призванія Андрей; первый по любви Христа къ нему Іоаннъ. На чемъ же основано, признанное Св. Писаніемъ, первенство Петра? Очевидно, и единственно на специальномъ велѣніи божественнаго Основателя Христіанской Церкви.

Но это первенство, скажутъ можетъ быть, только титулъ безъ значенія, одно почетное званіе. Прислушаемся далѣе къ изреченіямъ божественной мудрости. Христось на пути вопрошаетъ Апостоловъ: Кого Мя глаголютъ человекѣ быти Сына человекскаго? Они же рѣша: Ови убо Іоанна Крестителя, ини же Ілію.... или единаго отъ Пророкъ. Глагола имъ Исусъ: Вы же кого Мя глаголете быти. Отвѣщавъ же Симонъ Петръ рече: Ты еси Христось Сынъ Бога живаго. —

Внемлите отвѣту Исуса-Христа на это первое, основное исповѣданіе Христіанекой Вѣры. Въ немъ дышать невыразимое величіе, всемогущество, сила и простота: Блаженъ еси Симоне, варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой иже на небесѣхъ. И Азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ (камень) и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣють ей. И дамъ ти ключи Царства небеснаго: и аще свяжеша на земли, будетъ связано на небесѣхъ; и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ.²⁾

Вотъ они, жизнедательныя, творческія слова церковнаго Главенства Петра, изреченныя Христомъ Первоверховному Апостолу Своему, какъ прямое послѣдствіе непогрѣшимаго ученія его о вѣрѣ. Въ нихъ дышетъ всемогущество создателя и властелина земли и небесъ. Но замѣтьте, какъ мудро были они постепенно подготовлены. Во первыхъ, Христось отдѣляетъ Симона отъ толпы. Затѣмъ онъ нарекаетъ его камнемъ. Простой человекъ, сынъ человека сдѣланъ твердынею, камнемъ, — всемогуществомъ Того, въ Комъ одномъ слово всегда равносильно дѣлу. Наконецъ, камень этотъ поставленъ Имъ въ основаніе Его Церкви: „ты еси камень, и на семъ камени созижду Церковь Мою.“ — И вотъ слѣдов., въ одномъ словѣ, вся безконечная непреходимость, ясно дарованная Петру; такъ какъ слишкомъ очевидно, что основаніе

¹⁾ Матѳ. X. — 2.

²⁾ Матѳ. XVI. 13.—19.

Церкви вѣчной, неизмѣнной, которой и сами врата ада одолѣть не могутъ, должно тѣмъ паче и само продлиться во вѣки. —

Церковь эта, къ созданію которой Христосъ приступаетъ, есть возстановленіе вѣчнаго общенія душъ въ священныхъ узакъ любви къ Богу, общенія возникшаго на землѣ, но долженствующаго достигнуть совершенства только въ свѣтѣ небснаго царствія. Но вотъ почему именно Христосъ немедленно присовокупляетъ: „дамъ ти ключи царства небснаго; и же аще свяжеша на земли, будетъ связано на небесѣхъ; и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ.“ Мы увидимъ далѣе, въ подробности, какое таинство заключается въ этомъ божественномъ дарѣ. Мы увидимъ, что онъ включаетъ въ себѣ право и обязанность духовнаго управленія душами, верховную духовную власть, безъ исключенія и безъ предѣловъ. Все что свяжешь, и все что разрѣшишь, сказалъ Христосъ, — кто дерзнетъ произвольно ограничить божественную волю Его!..

И такъ, Петръ облеченъ верховною властію; но гдѣ же сверхъестественный свѣтъ, безошибочнаго распознаванія истины, для мудраго, полезнаго примѣненія этой власти? Подождите немного, и вся послѣдовательность божественнаго плана постепенно развернется передъ вами. Вотъ наступаетъ время тайной вечери, послѣдней, торжественной бѣсѣды Христа съ учениками. Онъ обращается еще разъ къ Петру: Симоне, Симоне, се Сатана проситъ васъ дабы съять яко пшеницу. Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя: и ты нѣкогда обрати утверди братію твою.¹⁾ И вотъ новый даръ, новое преимущество. Первое облекло Петра тою безкончаемою непреходимостію, безъ которой немислимо неколебимое основаніе Церкви; второе сообщаетъ ему непогрѣшимость во всемъ до вѣрѣ касающемся. Когда Сатана ополчился на васъ, учениковъ моихъ, Я молился, дабы твоя не оскудѣла вѣра; твоя, вѣра исповѣдуемая тобою, будетъ во вѣки вѣра истинная, непогрѣшимая; не тебя только предназначена она освѣтить, но и братіевъ твоихъ; и если ихъ вѣра когда либо пошатнется, твоей поручаю Я утвердить ихъ. И для нихъ могъ бы Я испросить эту стойкость у Отца Моего; но я того не сдѣлалъ, ибо достаточно утверждаетъ зданіе, кто утверждаетъ его основу.

Но обладать верховною властію, да быть незатмѣннымъ свѣтомъ истинной вѣры, все это составляло бы лишь пустое преимущество, безъ власти Правительственной, безъ права присмѣнять

¹⁾ Лук. XXII. 31.—34.

эту власть т. е. издавать постановления, и мудрымъ управленіемъ спасать Церковь отъ грозящихъ ей опасностей и бѣдствій. И въ самомъ дѣлѣ, Христосъ завершаетъ новымъ и третьимъ даромъ Свое божественное предпріятіе. Егда же отобѣдоваше, глаголи Симону Петру Исусъ: Симоне Іонинъ, любиши ли Мя паче сихъ? Глагола Ему; Ей Господи, Ты вѣси яко люблю Тя. Глагола ему: паси агнцы Моя. Глагола ему паки второе: Симоне Іонинъ любиши ли Мя? Глагола Ему: Ей Господи, Ты вѣси яко люблю Тя. Глагола ему: паси овцы Моя. Глагола ему третіе: любиши ли Мя? Оскорбѣ же Петръ яко рече ему третіе: любиши ли Мя? и глагола Ему: Господи Ты вся вѣси: Ты вѣси яко люблю Тя. Глагола ему Исусъ: паси Овцы Моя.¹⁾

Мы далѣе объяснимъ въ подробности глубокое значеніе божественныхъ словъ, и укажемъ на полную соотвѣтственность призванія Церкви, съ формою избранною Христомъ для передачи Петру верховной правительственной власти. Здѣсь удовольствуемся пока фактическимъ признаніемъ ея неограниченности, изъ словъ Самаго Спасителя. Все, безъ исключенія, подчинено посоху церковнаго Пастыря: овцы не менѣе агнцевъ, — Духовенство не менѣе мірянъ; Епископство не менѣе священства. Вѣдь самъ Христосъ сказалъ передъ тѣмъ: Будетъ едино стадо и единъ пастырь. И вотъ единый Пастырь теперь дѣйствительно явился, и опять Самъ Христосъ облекъ его въ этотъ санъ, и самъ Христосъ указалъ намъ на него. Это Петръ, и кромѣ его въ Церкви никто.

II. Непогрѣшимость Римскаго Первосвященника.

Для полноты изложенія слѣдовало бы доказать теперь, что Главенство, разъ признанное въ лицѣ Апостола Петра, перваго Римскаго Первосвященника и учредителя Римскаго Епископства, необходимо должно быть признано и за всѣми прочими преемниками его въ Римской кафедрѣ. Но такъ какъ во первыхъ, это уже слишкомъ очевидно по себѣ, а во вторыхъ, въ этомъ вопросѣ болѣею частію отвергается противниками именно Первенство Петра, а не преемство этого преимущества, то полагаю безцѣльнымъ долѣе распространяться по этому поводу, и потому напомнимъ только объ одномъ существенномъ и непререкаемомъ доказатель-

¹⁾ Іоанн. XXI. 15.—17.

ствѣ этой истины. Такъ какъ изъ сказаннаго ясно вытекаетъ, что Первенство Петра было неизбѣжнымъ условіемъ существованія самой Церкви, — нелѣпо было бы допустить, что она могла лишиться этого жизненнаго условія, со смертію перваго Римскаго Епископа, ибо это равнялось бы полному крушенію всѣхъ Христовыхъ предначертаній.

Затѣмъ, перейду уже прямо къ главнѣйшему и столь упорно оспариваемому свойству, признанному Вселенскою Церковью въ Римскомъ Первосвященствѣ, т. е. къ непогрѣшимости.

Не стану доказывать здѣсь непогрѣшимость Церкви. Ни какой вѣрующій христіанинъ не можетъ отрицать ее безъ прямого нарушенія здраваго смысла, и кромѣ того она одинако признана на Востокѣ какъ и на Западѣ. Но вопросъ въ томъ: какъ выражается эта непогрѣшимость, или другими словами, кто ея прямой и существенный органъ? — Вселенская Церковь отвѣчаетъ: непогрѣшимость присуща Римскому Первосвященству; а органъ непогрѣшимости Римскій Первосвященникъ.

Дѣйствительно, таково было торжественное опредѣленіе, провозглашенное Церковью, послѣ девятнадцати вѣковой постепенной разработки вопроса, въ послѣднемъ вселенскомъ Ватиканскомъ Соборѣ 1870го г. Испытавъ себя до крайнихъ предѣловъ собственнаго самосознанія, она поставила себѣ вопросъ: „гдѣ на основаніи откровенія и преданія, витаетъ во мнѣ божественное свойство непогрѣимаго опредѣленія въ предметахъ до вѣры и правственности касающихся?“ — наконецъ, рѣшительно отрѣшила: „оно присуще Римскому Первосвященнику.“

Здѣсь, не могу, предварительно, не обратить вниманія читателя на нѣкоторые обстоятельства этого поразительнаго факта.

Человѣческая мудрость, выражавшаяся устами многихъ усердныхъ и ученыхъ представителей Епископства и Священства, настоятельно повторяла: „берегитесь; довольствуйтесь настоящимъ положеніемъ дѣла: страшитесь опредѣлять то, во что и безъ опредѣленія всѣ негласно вѣрують.“ — И надо сознаться, что самая дюжинная осмотрительность вполнѣ оправдывала ихъ опасенія. Дѣйствительно, признаніе непогрѣшимости въ простомъ человѣкѣ до того дерзко, до того представляется безразсуднымъ, что всякій относится къ нему съ невольнымъ ужасомъ. Тѣмъ не менѣе, Церковь Вселенская совершенно невозмутимо преступила чрезъ страшный камень преткновенія: тысячи Епископовъ, разсѣянныхъ по всему міру единогласно подтвердили ея рѣшеніе, и 200 милліоновъ единовѣрцевъ, принадлежащихъ къ просвѣщеннѣйшимъ

народностямъ человѣчества, безпрекословно покорились ему; однако никого изъ нихъ, не почли нужнымъ, насколько мнѣ извѣстно, подвергнуть доселѣ медицинскому осмотру психіатровъ. Внимните глубже въ это многозначащее явленіе, и вы легко отдадите себѣ отчетъ въ томъ, что оно одно было бы уже поражающимъ доказательствомъ вдохновенія руководящаго Первосвященствомъ, не только помимо самой обыкновенной осторожности, но даже вопреки справедливымъ расчетамъ человѣческой мудрости.

Но удивленіе еще возрастаетъ, если вспомнимъ, какое время избрала Церковь для такого признанія. Она, какъ будто намѣренно, выжидала эпоху полнѣйшаго развитія наукъ, матеріальнаго прогресса, невѣрія, раціонализма, отчаяннѣйшаго напора озлобленныхъ и торжествующихъ враговъ своихъ, — и помимо всѣхъ совѣтовъ преданнаго усердія, вопреки злымъ насмѣшкамъ и угрозамъ ненависти, она торжественно, и на вѣки, какъ божественный вызовъ, брошенный въ толпу изумленныхъ враговъ, — опредѣлила, подтвердила и возвела въ догматъ, обоюдно исповѣдуемую и отрицаемую въ продолженіи девятнадцати столѣтій, несомнѣнную истину. Какое изумительное зрѣлище, какая неестественная сила!!..

Однако, если ближе внимнемъ въ предметъ, мы убѣдимся, что непогрѣшимость Первосвященника далеко не новое ученіе въ Церкви. Это прямое логическое послѣдствіе его верховной власти, и оба преимущества были во всѣ времена признаны Церковью, какъ ясно опирающіяся на божественномъ откровеніи. Только въ теченіи времени, они все точнѣе подвергались изслѣдованію, постепенно разрабатывались, строже опредѣлялись, и наконецъ были возведены въ догматы, двумя вселенскими Соборами, первое Флорентинскимъ, второе Ватиканскимъ, въ слѣдствіе обстоятельствъ, о которыхъ мы ниже подробнѣе расскажемъ.

Приступимъ теперь къ разбору этого громаднаго доктринальнаго событія, начавшагося съ предсмертной бесѣды Христа Спасителя, и довершившагося по истеченіи девятнадцати столѣтій во вселенскихъ засѣданіяхъ Ватиканскаго Собора. Разительный примѣръ этотъ лучше всего объяснить намъ какъ догматы развиваются, выясняются, достигаютъ требуемой опредѣлительности, подъ наитіемъ божескаго Духа, и какъ Онъ, Духъ истины и любви, все мудро изготовилъ и въ настоящемъ также случаѣ, для благовременнаго верховнаго опредѣленія, уже давно Церковью провидѣннаго догмата.

§ 1.

Возвратимся сперва еще разъ къ вышеприведеннымъ Евангельскимъ словамъ, относящимся къ учрежденію Первосвященства въ лицѣ Апостола Петра. Какъ ихъ не разсматривай, каждое отдѣльно, или всѣ въ совокупности, они образуютъ ослѣпительный, такъ сказать, фокусъ свѣта и очевидности: Ты еси Петръ, и на семь каменнъ созиджу Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей. И дамъ ти ключи царства небеснаго; и еже аще свяжеша на земли, будетъ связано на небесахъ; и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесахъ¹⁾ Далѣе: Симоне, Симоне.... Азъ молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя: и ты нѣкогда обращаешься утверди братію твою.²⁾ Еще далѣе: Паси агнцы Моя.... паси овцы Моя.³⁾

Повторяю, вотъ творческія, учредительныя слова Верховнаго Первосвященства въ Церкви. Разберите ихъ по одиначкѣ, и вы поймете какими послѣдствіями и значеніемъ каждое изъ нихъ чревато; соедините ихъ затѣмъ въ одно цѣлое, поясните каждое каждымъ, вспомните наконецъ Кто ихъ изрекаетъ, и разумъ вашъ мгновенно оболѣетъ неотразимымъ свѣтомъ очевидности. Дѣйствительно, какого преимущества, какого божественнаго, сверхестественнаго дара не откроете вы въ нихъ? И что покажется вамъ труднѣе: выразить, что заключается въ Первосвященствѣ, или скорѣе, указать чего въ немъ недостаетъ?

Вникните въ первое изреченіе: „На тебѣ создамъ Я Мою Церковь.“ — т. е. на простой, немощной человѣческой личности, Церковь вселенскую, единую, святую, непогрѣшимую, вѣрную!.. Не теряется ли невольно разумъ въ безпредѣльности, когда ставить себя вопросъ: каково же наконецъ должно быть основаніе такого неестественнаго зданія!.. — Но вникните во второе: „что бы ни связала бы на землѣ, будетъ связано и на небесахъ;“ — Да гдѣ же предѣлы такой власти!... подождите; вникните въ третье, вникните въ четвертое: „Утверждай братьевъ твоихъ;.... паси агнцевъ, паси овецъ моихъ.“ — Что слово, то лучъ божественнаго всемогущества! Что слово, то проблескъ въ безконечность! Дары сыплются, такъ сказать, безъ мѣры и безъ счета! Первосвященникъ поставленъ Христомъ Своимъ Намѣстникомъ, основнымъ камнемъ Христовой Церкви, ключаремъ Небеснаго Царства, на-

¹⁾ Мате. XVI. 18. 19.

²⁾ Лук. XXII. 32.

³⁾ Иоанн. XXI. 15.—17.

ставникомъ братіевъ своихъ для утвержденія ихъ въ истинѣ и православіи вѣры, и наконецъ Верховнымъ Пастыремъ какъ агнецъ, такъ и овецъ, т. е. всего безъ исключенія словеснаго стада.¹⁾ Ищите, повторяю еще разъ, въ какомъ преимуществѣ найдете вы недостатокъ въ Первосвященникѣ? Какъ сама Церковь, онъ безсмертенъ, и какъ она непреходимъ. Съ ея судьбою во вѣки связана и судьба его. Ему дано питать агнецъ и овецъ пищею всегда живительною, чуждою всякаго гніенія и отравы. Ему дано безошибочно отверзать небесныя врата, дѣйствительно заслужившимъ войти въ нихъ. Короче, ему дано продолжать на землѣ жизненную дѣятельность самаго Христа!

Безъ сомнѣнія здѣсь встрѣчаются много неясностей и недоумѣній. Безъ сомнѣнія, относительно каждаго изъ помянутыхъ преимуществъ, званій, даровъ, относительно ихъ объема, предѣловъ, значенія, можно возбудить много толковъ и даже затрудненій. Но не преніями, и не діалектическими спорами питалась вѣра и любовь въ пещерахъ первоначальнаго, подземнаго Христіанства. Одно только было и тогда уже ясно для всѣхъ, именно: что первый въ Церкви есть Римскій Первосвященникъ, что онъ Верховный Представитель Христа, что ему подобаешь почетъ и повиновеніе, — и это было вполне достаточно. Увы! слишкомъ скоро настанетъ время жалкихъ пререканій, плачевныхъ раздоровъ и возмущеній. Успѣютъ тогда вдоволь разсуждать, спорить, доказывать и опредѣлять. Опредѣленія и доказательства не предшествуютъ отрицанію, а только слѣдуютъ за нимъ.

§ 2.

Дѣйствительно, когда обращаемся къ первымъ временамъ Христіанства, и за долго до всякихъ догматическихъ преній и опредѣленій, мы наталкиваемся на два выдающіеся, и вполне несомнѣнные историческіе факты.

Первый тотъ, что Римскіе Первосвященники всегда обладали полнымъ и яснымъ сознаніемъ даннаго имъ свыше духовнаго полномочія. Они пользовались имъ разборчиво, съ крайнею осмотрительностію; вмѣшательство ихъ вынуждалось только необходимостію, но за то, въ такихъ случаяхъ, оно всегда проявлялось съ такою рѣшимостію, съ такою опредѣлительностію, что подавляло немедленно сопротивленіе.

Второй, что съ своей стороны, сама Церковь всегда обладала

¹⁾ Словесное стадо, великогнѣное выраженіе изъ ирмоса Св. Апостолу Петру заимствованное, какъ увидимъ ниже у литургіи Русской Церкви.

совершенно такимъ же полнымъ и яснымъ сознаниемъ права, присущаго Римскому Первосвященнику, учить Христову Церковь и править ею.

Явленіе это до такой степени очевидно, что исторія первоначальнаго Христіанства можетъ почти быть названа исторією церковныхъ событій, совершившихся подъ взаимнымъ вліяніемъ этого двойственнаго сознанія. Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ церковныхъ лѣтописей, полагаю достаточнымъ привести только слѣдующія:

Когда собирався Ефесскій соборъ для осужденія Несторія, Римскій Первосвященникъ Целестинъ, посылая своихъ Легатовъ предсѣдательствовать въ собраніи, снабдилъ ихъ инструкціями, кончавшимися слѣдующими словами:¹⁾ Въ случаѣ несогласія въ мнѣніяхъ, имѣйте въ виду, что ваша обязанность **не спорить, а рѣшать**. Не мудро ли выражается здѣсь въ одномъ словѣ и осторожность, и власть? Если встрѣтите, говоритъ Первосвященникъ, полное согласіе въ мнѣніяхъ, не вмѣшивайтесь въ дѣло. Единогласіе вселенскаго Собора тѣмъ успѣшнѣе подѣйствуетъ на непозорныхъ. Но при первомъ признакѣ раздора или недоразумѣнія, вступитесь за истину, и уже не забывайте тогда, что вамъ поручено не спорить, а рѣшать.

Далѣе, въ V. вѣкѣ, Римскій Папа Св. Левъ пишетъ Калхидонскому вселенскому Собору: „Относительно сего предмета не слѣдуетъ болѣе разсуждать, а подобаешь вѣрить. Ибо въ посланіи „Нашемъ къ блаженной памяти Флавіану, Мы вполне и весьма ясно рѣшили всё то, чему слѣдуетъ вѣрить относительно „тайнства воплощенія.“²⁾ И не только, посреди шести сотъ соборанныхъ Отцевъ, никто не заявилъ протеста противъ рѣзкости и абсолютности такого выраженія Первосвященнической непогрѣшимости, но напротивъ весь вселенскій Соборъ принялъ его при единодушномъ возгласѣ: „Петръ рекъ устами Льва. Петръ во вѣки живъ на своемъ престолѣ.“

Еще далѣе, Иннокентій I, обращаясь къ Африканскимъ Отцамъ, собораннымъ въ Карфагенѣ и Милевѣ говоритъ: „Когда разбираются вопросы, относящіеся до вѣры, полагаю что Наши братья и со-Епископы обязаны относиться только къ Петру, т. е. къ самому виновнику ихъ званія и сана.“³⁾ Что можетъ быть яснѣе?

Наконецъ, Папа Св. Агаѣонъ, въ посланіи къ Греческому

¹⁾ Послан. XVII. Минь. т. I. столб. 503.

²⁾ Послан. IСIII. тамъ же т. LIV. столб. 937.

³⁾ Послан. XXIX. и XXX.

Императору, по случаю Константинопольскаго Собора, изображаетъ: „Никогда Римская Апостольская Церковь не уклонилась отъ истины. Вся католическая Церковь, всѣ вселенскіе Соборы всегда принимали ея ученіе, какъ ученіе самаго Главы Апостоловъ.“¹⁾ И вотъ, опять единодушный возгласъ Собора при принятіи Папскаго посланія, и опять отвѣтъ Первосвященнику, въ которомъ Отцы выражаютъ, что посланіе его: „принято Соборомъ какъ Богомъ вдохновенное самому Главѣ Апостоловъ.“

Не разительно ли проявляется въ приведенныхъ свидѣтельствахъ это двойственное, взаимное сознаніе, о которомъ я упомянулъ? Съ одной стороны, Первосвященникъ вполне сознающій власть, которою онъ облеченъ въ силу Божественнаго института, съ другой, вся безъ исключенія Церковь, сознающая ту же истину, и наконецъ оба, взаимно дѣйствующіе подъ влияніемъ этого убѣжденія; такъ, что иногда Первосвященникъ представляется какъ будто выше Церкви, а иногда Церковь выше Первосвященника, сообразно съ тѣмъ чего требуютъ польза и нужды душъ, и по непосредственному внушенію Духа Святаго.

§ 3.

Историческіе факты, на которые мы только-что указали, достаточно выясняютъ характеръ постоянныхъ отношеній Церкви къ Первосвященству, ибо въ нихъ выражается само Христіанское Вселенство устами своихъ законно собранныхъ представителей, какъ Восточныхъ такъ и Западныхъ и съ рѣдко встрѣчаемою торжественностію и ясностію.

Хотя очень не трудно было бы умножить число подобныхъ свидѣтельствъ, но я имѣю въ виду обратиться къ другимъ, менѣе извѣстнымъ, и которыя можетъ быть, не лишены будутъ спеціальнаго интереса собственно для русскаго читателя. И такъ, оставляя совершенно въ сторонѣ величайшія по генію учености и святости имена древняго, какъ Греческаго такъ и Латинскаго Христіанства, признавшія и прославившія верховное непогрѣшимое Главенство Римскаго Первосвященства, какъ наприм. Св. Иринея,²⁾ Оригена,³⁾ Св. Кипріяна,⁴⁾ Св. Григорія Вел.,⁵⁾ Св. Василия Вел.,⁶⁾

¹⁾ У Лабб. т. VI столб. 635.

²⁾ Ирин. прог. Ерет. кн. III. гл. 3.

³⁾ Ориг. т. XII. № 11.

⁴⁾ Кипр. о един. Церк. гл. IV.

⁵⁾ Григ. Вел. Пѣс. о жзн. V. 562—572.

⁶⁾ Вас. Вел. ХСII. къ Итал. и Галл.

Св. Ефрема,¹⁾ Св. Елифана,²⁾ Св. Иеронима,³⁾ Св. Амвросія,⁴⁾ Пруденція,⁵⁾ Св. Астера Амазійск.,⁶⁾ Св. Августина,⁷⁾ Св. Петра Златослова,⁸⁾ Θεодорита,⁹⁾ Св. Максима,¹⁰⁾ Св. Θεодора Студита¹¹⁾ и проч. и проч., и составляющія подавляющую громаду свидѣтельствъ, позволю себѣ обратиться къ показаніямъ исключительно Русской только Церкви, въ доказательство истины того именно догмата, котораго однако она отказывается признать.

Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ въ древнихъ, — а по всей вѣроятности и въ современныхъ — Русскихъ Литургическихъ книгахъ слѣд. ирмосы въ честь Апостола Петра.

„Достославне Апостоле Петре воіемъ къ тебѣ: радуйся первѣйшее по Христѣ между Апостола Церкви святаго основаніе! Радуйся крѣпкій вѣры православныя столпе и утверждение! Первосѣданниче апостольскаго совокупленія.“¹²⁾ „Св. Верховный Апостоле Петре, первый престолниче апостольскій, твердый исповѣданіемъ твоимъ каменю вѣры, недвижимое по Христѣ основаніе Церкви, Пастырю словеснаго стада Христова, Ключарю Царствія Небеснаго, ловче извлекающій изъ глубины невѣдѣнія, всѣмъ яко пріялъ еси отъ Бога власть вязати и разрѣшати.“¹³⁾ „Яко суще тверда Христось ты камень нарече Петра, и на тебѣ Церковь ея же адова врата не одолѣють.“¹⁴⁾ „Верховное основаніе Апостоловъ, Рима же ты былъ еси первый Епископъ, и Церкви Петре утверждение.“¹⁵⁾

Безпрепятственно исповѣдуетъ также Русская Церковь и слѣдующее ученіе о первенствѣ и главенствѣ Петра изъ Св. Иоанна Златоустаго:

„Петръ Наставникъ Апостоловъ, начало Православія, **нужный** совѣтникъ христіаномъ. Петръ Церковь Божія,

¹⁾ Ефр. на Ис. Нав. гл. XXIV и похв. сл. Петр. и пр.

²⁾ Елиф. въ Анк. гл. IX.

³⁾ Иерон. посл. XV къ Дамаз. и Посл. CXXX къ Димитр.

⁴⁾ Амвр. Разсужд. на XL. Псал. гл. 19. — Посл. XI къ Импер.

⁵⁾ Пруд. о Св. Лаврент.

⁶⁾ Аст. Амаз. Гомин. VIII. о Св. Петр.

⁷⁾ Авг. Посл. CV къ Донатист. гл. XVI. — Посл. CV къ Опат.

⁸⁾ Златосл. Посл. къ Евтихет.

⁹⁾ Θεод. Посл. CXVI къ Ренат. пресвит.

¹⁰⁾ Макс. Богосл. Опуск. Минь. II. 138.

¹¹⁾ Θεод. Студ. Посл. XXXIII къ Льву Папѣ и Посл. XIII. къ Пасхал. Папѣ.

¹²⁾ Акаѳисты всеседмичныя 1698 г. лист. рѣв. на оборотѣ и рѣг. іркось А.

¹³⁾ Тамъ же Молитв. по Акаѳ. къ Св. Апост. лист. рѣе, на оборотѣ.

¹⁴⁾ Минея мѣсяч. Москв. 1813 г. 30 Юня лист. рѣа.

¹⁵⁾ Тамъ же лист. рѣі.

вождь Апостоловъ, твердый вѣры камень, **Пастырю владыч-
ный всѣхъ Апостоловъ.** Симъ кое похваль изложеніе яще
кто убо помыслить, паче Господня свидѣтельства и проповѣди:
ового убо ублаживша, и камень нарекша, на немъ же водру-
зити Церковь рече:¹⁾ услышите братіе въ Евангелии самаго Гос-
пода, глаголюща ко ученикомъ своимъ животная словеса, ихже
сослушающе и написующе на сердцахъ нашихъ. Таже Церкви
яже рече Богъ къ Петрови: яко ты еси Петръ сирѣчь твердый
вѣры камень. Петръ бо камень наричется, на немъ же созда
Христосъ Церковь духовную, ей-же врата смертная не мо-
гутъ одолѣти. **Идѣже самъ Творецъ основаніе положи и стѣны**
возгради вѣрою, кто возможетъ ей противиться? Къ той бо
вѣрою **всякъ притекъ спасется.** Сему бо верховному Апостолу
Петру даде власть Господь Богъ глаголя: се Азъ даю тебѣ
ключи царства небснаго; и его же свяжеша на земли будетъ
связанъ и на небеси и его же разрѣшиши на земли будетъ раз-
рѣшенъ и на небеси.²⁾ Далѣе, Петре вѣры камению и осно-
ваніе.³⁾ „**Основаніе Церкви Петръ, камень вѣры.** Петра
чувствую основаніе догматъ. Ловя Петре человекѣи, яко рыбы
привель еси Тебѣ избравшему отъ рыбаей истинно верхов-
наго всѣхъ учениковъ. Основаніемъ всѣхъ души вѣрныхъ
назидаль еси. Законы Христовы утвердилъ еси, яко Апосто-
ловъ Верховный, яко догматовъ основаніе **недвижимо.**“⁴⁾

И такъ, Русская Церковь, въ полномъ согласіи съ Вселенскою
учить совершенно тѣми-же какъ она словами, что Первенство
Петра между Апостолами и его Главенство надъ всѣмъ Апостоль-
скимъ Соборомъ даровано ему самимъ Христомъ; что Петръ
истинная и недвижимая послѣ Христа основа вселенской Церкви;
что онъ начало православія, Верховный Пастырь всѣхъ христіанъ
и необходимый учитель во всемъ до вѣры касающемся; что самъ
Господь изрекъ жизнедательныя слова, которыя мы обязаны со-
хранять въ сердцахъ нашихъ, и по которымъ Онъ основаль на
Петрѣ Церковь Свою; что тотъ именно кто съ вѣрою прибѣгаетъ
къ этой Церкви, на Петрѣ основанной, приемлетъ спасеніе; что по
этому Петръ есть сама Церковь Божія, ибо только Петръ истин-
ное основаніе всѣхъ правовѣрныхъ; что Христосъ далъ Петру
власть вязать и разрѣшать; что тотъ, кого Петръ свяжетъ или
разрѣшитъ, будетъ связанъ или разрѣшенъ и на небесахъ, и что,

¹⁾ Прологъ 1677 г. 29 Юля лист. уо̇г. на оборотѣ и у̇бе на оборотѣ.

²⁾ Тамъ же лит. уо̇з. на оборотѣ и уо̇и.

³⁾ Триодіонъ. Москва 1801 г. лист. са.

⁴⁾ Минея мѣсячн. Москва 1800 г. лист. сѣе, сѣс. и на оборотѣ.

наконецъ, одинъ Петръ истинный ловчій, извлекающій людей изъ слѣпоты заблужденія, и властію ключаря небеснаго Царства, отрывающій имъ путь къ спасенію, ибо онъ одинъ истинный камень вѣры и основаніе Церкви, утверждающій законы Христовы въ качествѣ Верховнаго Главы Апостоловъ, чистаго источника Православія и недвижимаго основанія догматовъ.

Какъ видно, самый ярый защитникъ Вселенскаго Первосвященства не откажется вполне согласиться, не только со смысломъ, но даже и съ формою этого ученія.

Но можетъ быть Первенство и Верховное Главенство Петра, такъ отчетливо опредѣленное, такъ ясно признанное Русскою Церковью, принадлежитъ по ея ученію только исключительно Главѣ Апостоловъ. Можетъ быть она не признаетъ, что права и власть Петра всецѣло перешли ко всѣмъ его наслѣдникамъ?

Пусть на этотъ вопросъ отвѣтитъ опять за насъ сама же Русская Церковь устами своихъ же Литургическихъ книгъ.

О преемствѣ признаннаго, какъ мы видѣли, эту Церковью Главенства Верховнаго Апостола на личность каждаго изъ его наслѣдниковъ по Римскому Престолу, вотъ какъ она сама выражается:

Въ I. и II. вѣкѣ.

Обращаясь къ Папѣ Св. Клименту, Русская Церковь поетъ ему: „Петра Верховнаго ученикъ Отче бывъ, на камени того создалъ еси, яко камень честный тебе самаго всехвалне; на камень возшедь вѣры стратотерпче, неуклонень пребылъ еси во искушеніи сопротивныхъ.¹⁾ Церкви недвижиміи пургове, благочестія божественній столпъ. Воистину крѣпцый Клименте съ Петромъ.²⁾ Другій Моисей Клименте, законы Божественныя всѣмъ излагая и священная пища ученія, и Церковное все вчиняеши исполненіе отсюда законоположника ты и учителя вси имуще вѣрою чтимъ. Священно-начальникъ явился еси къ благочестивѣй вѣрѣ Христовой вся возвода Божественными твоими сказаніи. **Новый Петръ**, Петрова Престола **преемникъ** показался еси просвѣщая всю тварь.“³⁾ „Скончавшуся же Петру и по немъ Епископу Лину, также Епископу Клиту, правяше Климентъ въ Римѣ **корабль Церкви Христовы.**“⁴⁾

¹⁾ Миней мѣсяч. Москва 1799 г. Ноября 25го Климента II. Р. лист. рѣа. и рѣд. на оборотѣ.

²⁾ Тамъ же лист. тѣ.

³⁾ Тамъ же лист. т. о. и на оборотѣ и лист. тѣи.

⁴⁾ Миней Четвѣихъ. Москва 1805 г. лист. рѣи. на оборотѣ.

Въ IV. вѣкѣ.

Обращаясь къ Папѣ Св. Сильверсту Русская Церковь поетъ ему: „Отче Святителю Силвестре, вѣрныя просвѣтивъ и отгналь еси тму ересей. Столпъ явился еси огнемъ священно предводя священныи Соборъ.¹⁾ **Верховникъ** явился еси священнаго Собора, священнотайниче, и Верховника учениковъ украсилъ еси Престолъ. Ересей Силвестре леств отгналь еси, паству упасль еси. Пазяся бо во устахъ твоихъ благодать Божественнаго Духа, сего ради ты священника людемъ своимъ Богъ блаженне Отче помаза. Яко божественный Верховникъ Священныхъ Отцевъ, священное учение утвердивъ, еретиковъ заградилъ еси уста.“²⁾

Въ V. вѣкѣ.

Обращаясь къ Папѣ Св. Льву, Русская Церковь поетъ ему: „Что ты именуемъ Богодухновенне? **Главу ли Православныи Церкви Христовы?** Проповѣдника ли и истины основаніе твердо; **Старѣйшему Верховнаго Собора** честнаго; правило учения извѣстно? Православія наставниче, **Архіереевъ одобреніе.** Петра' **верховнаго Престола Наслѣдникъ** былъ еси. Столпъ православія Христовы Церкви всеумудре Льве усердно нося возстановилъ еси, его же держащи еретиковъ безбожныи разрушаетъ полки и соборища. Петра честнаго **преемникъ** и сего **начальствомъ** обогатився,³⁾ уста заградилъ еси еретичествующихъ. Несторіево безуміе и блядословіе низложили еси.⁴⁾ **Идѣже нынѣ Патріарховъ предсѣданія** же, и престолы и чины Льве всеблаженне, ты достойно Отче вселился еси, яко **Патріархъ истиненъ.**“⁵⁾

Въ VII. вѣкѣ.

Русская Церковь обращаясь, къ Папѣ Св. Мартину поетъ ему: „Что ты нынѣ Мартине провѣщаемъ? Православныхъ учений наставника всеславна, Верховника священныхъ повелѣній неложна, лжи истиннѣйшаго обличителя, Божественныхъ словесъ изъявителя. Свѣтильника яко жизни слово и муща отъ Запада убо исходяща на Востоцѣ же являющася. Существа два и двѣ воли и дѣйства сугуба носяща, блаженне, единого отъ честныи Троицы научилъ еси Христа присущ-

1) Миненъ мѣсяч. 2 Январ. Сильвестра П. Р. лист. 31.

2) Тамъ же лист. кс. кт. и на оборотѣ.

3) Тамъ же лист. рче. на оборотѣ.

4) Тамъ же лист. рчз.

5) Тамъ же лист. рчз.

наго Бога, и иже не тако чествующія вся отвергль еси Мартине священнѣйше. Сый исполненъ всеблаженне Божественныя ревности **собралъ еси** священъ Мартине Соборъ, и Церковное утвердиль ученіе. Посреди Собора, **отвергль еси** Пурра, Сергія и Θεодора, Кура же и подобныя тѣмъ бласловлящія злославныя Отче.¹⁾ Яко же левъ отче уповавъ, на беззаконныя дерзостно наскочилъ еси, Θεодора Кура и Сергія и Пурра и сихъ единомышленныя **отлучая Христовы всятія Церкви украсивъ** Петровъ Божественный и престоль, и на того **камени Церкви неколеблешу соблюдь** Мартине съ симъ прославился еси.²⁾

Наконецъ въ VIII. и IX. вѣрѣ.

Русская Церковь устами Св. учителя своего Димитрія Ростовскаго повѣствуетъ объ Ангелѣ Богомъ, посланномъ къ Св. Григорію Двоеслову въ послѣдствіи Папѣ Римскому съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: „Нарече тя Господь быть **Первопрестольника Его Церкви и наслѣдника Святаго Верховнаго Апостола Петра.**“³⁾

Русская Церковь превозноситъ также посланіе того же Папы къ Греческому Императору Льву Исаврянину относительно чествованія Св. Иконъ, въ которомъ изображено сперва; „Хотѣхомъ же и мы, яко же имуще **власть и господство Св. Апостола Петра** дати тебѣ **запрещеніе**“⁴⁾ и далѣе: „и мы безъ печали сотворимъ и кромѣ грѣха яко пріяши **власть отъ Бога разрѣшати и вязати и на небеси и на земли и свидѣтель есть сему Богъ.**“⁵⁾

Той же Церкви учитель Св. Θεодоръ Студійскій пишетъ къ Льву Ш. П. Р.: „Такъ какъ Христосъ Богъ, давъ Великому Петру ключи Царства Небеснаго, поручилъ ему и Верховное Пастырство, то обязательно доводить до свѣдѣнія Петра, и **его Преемника** все нововводимое во Вселенскую Церковь отступающими отъ истины.... Воспрялъ бо сущій соборъ нечестивыхъ, о глава **всѣхъ божественнѣйшихъ главъ!**.... Спаси насъ о **архипастыръ** **всей поднебесной Церкви!**... Простри къ Церквѣ

¹⁾ Тамъ же лист. 86 и на оборотѣ и лист. 87 и на оборотѣ.

²⁾ Тамъ же лист. 87 и на оборотѣ.

³⁾ Миней Четыхъ 12 Иарта. Св. Григорія П. Р. Двоеслова. — лист. од. на оборотѣ.

⁴⁾ Соборникъ. Москва. 1804. Иже во Святыхъ отца нашего Григорія Двоеслова П. Р. посланіе ко Льву Царю Исаврянину. Часть II. Лист. е.

⁵⁾ Тамъ же лист. а1 на оборотѣ.

десницу твою, какъ Христосъ къ Петру. Уподобись Первосвященнику имени твоего; онъ въ свое время возсталъ какъ левъ противъ возникающаго лжеученія Евтихія, посредствомъ догматическихъ своихъ Посланій. Такъ и ты, въ согласіи съ именемъ твоимъ возстань Божественнымъ рыканіемъ противъ настоящей ереси. Ибо если еретики сіи по незаконно присвоенному себѣ праву не усумнились собрать Соборъ, который въ силу обычая древности, **безъ твоего участія даже и православнымъ быть не можетъ**, то колъ паче нужнѣе представляется законный Соборъ, твоею **Божественно-верховною властію** собранный, дабы православное Церкви ученіе извергло еретическое... И такъ, преклоняясь предъ **Божественнымъ Первенствомъ твоего Пастырства**, просимъ святость твою, дабы она почитала насъ собственными овцами своими, и дабы верховными молитвами своими, она насъ освѣтила и укрѣпила.“¹⁾

Но не довольствуясь такимъ сугубымъ и яснымъ признаніемъ Главенства Римскаго Первосвященства, Русская Церковь кромѣ того сама еще упоминаетъ о разныхъ историческихъ фактахъ, показывающихъ прямое примѣненіе этого ученія на практикѣ. Такимъ образомъ она повѣствуетъ о Св. Келестинѣ Папѣ Римск., что онъ: „Архирейскаго сподобися Первопрестолія, и отъ Апостольскихъ преданій вся глагола и творя, низложи зло-

¹⁾ Греческ. Патролог. — Минь. 1860 г. Т. ХСІХ. стр. 1018 и 1019. — Привожу намѣренно оригиналъ въ подлинникѣ, такъ какъ не удалось мнѣ отыскать славянскій переводъ, на который ссылается Гр. де Местръ. — *Ἐπειδήπερ Πέτρον μεγάλη δέδωκε Χριστός ο Θεός μετά τὰς κλεῖς τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν καὶ τὸ τῆς ποιμαρχίας ἀξίωμα· πρὸς Πέτρον ἴτοι τὸν αὐτοῦ διάδοχον, διοῦν καινοτομούμενον ἐν τῇ καθολικῇ Ἐκκλησίᾳ παρὰ τῶν ἀποφαλλομένων τῆς ἀληθείας ἀναγκαῖον ἀναφέρεισθαι... Γέγονε τοίνυν, ὡς Θειοτάκη, τῶν ὄλων κεφαλῶν κεφαλῇ... σύνοδος ὡς ἀληθῶς ἐθετέοντων, καὶ συνέδριον μοιχόμενων... Σῶσον ἡμᾶς, ἀρχιποίμην τῆς ἐν οὐρανῶν Ἐκκλησίας, ἀπολλύμεθα. Μιμήσαι σου τὸν διδάσκαλον Χριστὸν καὶ ὄρεξον χεῖρα τῇ καθ' ἡμᾶς Ἐκκλησίᾳ ὡς ἐκεῖνος Πέτρον... Ζήλωσον σου, δεόμεθα, τὸν δμῶννυμον πάπαν, καὶ ὡς ἐκεῖνος τηρικᾶντα τῆς Εντυχιανικῆς αἰρέσεως ἀναφύσεως λεόντειον πῶς διηγέρθη τῷ πνεύματι, ὡς ἴσασι πάντες ταῖς δογματικαῖς αὐτοῦ ἐπιστολαῖς, οὕτω καὶ αὐτὸς τολμῶ λέγειν φερονύμως, βρῦξον θείως· μᾶλλον δὲ βρόντησον κατὰ τῆς παροῦσης κακοδοξίας τὰ εἰκότα. Εἰ γὰρ οὔτοι ἐαυτοῖς ἐξαυθεντήσαντες αἰρετικὴν σύνοδον ἐκπληρῶσαι οὐκ ἔδεισαν, καίπερ εἰ καὶ ὀρθόδοξον οὐκ ἄνευ τῆς ἡμῶν εἰδήσεως ἐξουσίαζοντες, ὡς τὸ ἄνωθεν κεκρατηκὸς ἔθος· πόσω γε μᾶλλον εὐλογον καὶ ἀναγκαῖον ἂν εἴη, ἐπομιμνήσκομεν, φόβῳ ἐπὶ τῆς Θείας πρωταρχίας σου ἔννομον κροτηθῆναι σύνοδον, ὡς ἂν τὸ ὀρθόδοξον τῆς Ἐκκλησίας δόγμα τὸ αἰρετικὸν ἀποκροδοῖται... καὶ τῇ ἐφ' ἡμῶν ὑπέικοντες Θεῖα ποιμαρχία· τὸ λοιπὸν ἐξαιτούμεν τὴν ἀγίαν αὐτῆς ψυχὴν, λογιζεσθαι ἡμᾶς ὡς οἰκεία αὐτῆς πρόβατα, καὶ ταῖς ἱεραῖς προσευχαῖς πόρρωθεν φωτίζειν καὶ στηριζειν.*

честиваго (Патріарха) **Несторія**, епистоліями богомерзкія его хулы изобличивъ.“ —

Далѣ, та же Церковь повѣствуетъ о низложеніи Патріарха Константинопольскаго Анеима Папою Агапитомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Мина поставленъ бысть Патріархъ Царяграда отъ Агапита Папы Римск. Пришедшу убо ему тогда отъ Рима въ Царьградъ отъ исправленіи нѣкихъ церковныхъ **взысканіихъ**, и прокленшу Анеима еретика, и отъ **Престола отгнавшу**. И по малѣ поставленъ бысть инъ Папа; и по нѣкомъ времени и той приде въ Константинъ градъ. И возвысився отъ гордыни даде епитемію Святому Минѣ. И тотъ убо радуясь прія епитемію.... и пр.¹⁾ И далѣ вторично: „Папа отъ всего синклита, и отъ самаго Царя пріять бывъ и отъ всего града, и Анеима Епископа Трапезонтскаго, злѣ ступльша на столъ Константина града низверже со стола, занеже мудрствующу ему Евтихіева и Севірова, и анаемѣ его предаде, и благочестиваго Пресвитера Мину, святѣй, величѣй Церкви житіемъ и словомъ подобна суща и мудростію права, **еже повѣря** того святивъ и на престолъ посадивъ.“²⁾

И такъ, Русская Церковь, не довольствуясь торжественнымъ и сугубымъ исповѣданіемъ главенства Апостола Петра, столь же торжественно и опредѣлительно исповѣдуетъ въ сокровищахъ своей Литургіи, и преемство того же самаго Вселенскаго церковнаго главенства во всемъ послѣдующемъ институтѣ Римскаго Первосвященства, вплоть до Фотійскаго раскола, сознавая какъ мы видѣли:

Что — Рисискіе Первосвященники, восходя на камень Петра, образуютъ тѣмъ: недвижимую твердынь Церкви.

Что — они крѣпки съ Петромъ, и потому почитаются законодателями и учителями вселенской Церкви.

Что — Господь установилъ ихъ въ качествѣ преемниковъ Петра Правителями Церкви Христовой, Божественными верховниками Св. Отцевъ, и истиннымъ правиломъ вѣры.

Что — они твердое основаніе истины, начальники Верховнаго Собора и признанное всѣми правило догматическаго ученія.

Что — Господь поручилъ имъ быть утверждениемъ прочихъ Архиапостропей, поддерживать противъ непослушныхъ и возстановлять православіе во вселенской Церкви.

¹⁾ Прологъ. 8го Апрѣля. Св. Келестина П. Р. лист. риз и на оборотѣ. — и 25го Августа Св. Мины лист. хлн. на оборотѣ.

²⁾ Прологъ. 1643 г. 17го Аріѣля. Св. Агапита П. Р. Въ этомъ изданіи нумерація страницъ еще не существуетъ.

Что — имъ, какъ законнымъ преемникамъ Петрова престола, присуще господство и начальство самаго главы Апостоловъ, и что этимъ то по преимуществу Патріархамъ принадлежитъ предсѣданіе надъ прочими церковными чинами. —

Что — они верховные изъявители непогрѣшимаго Божественнаго ученія, и обличители лжи, равно освѣщающіе какъ Востокъ такъ и Западъ.

Что — они по праву отвергаютъ не принимающихъ ихъ ученіе, и потому на основаніи Апостольскаго преданія законно отлучали отъ Церкви и по нѣсколько разъ, и въ разныя времена, другихъ Епископовъ и Патріарховъ, преступившихъ противъ вѣры.

Что — на Петровомъ Престолѣ, и на камнѣ его вѣры они хранятъ неколебимость Церкви Христовой.

Что — самъ Богъ установилъ ихъ главою этой Церкви и наслѣдниками Петровой власти.

Что — многочисленные примѣры изъ Церковной Исторіи указываютъ какъ Рискіе Первосвященники во имя этой власти справедливо отлучали отъ Церкви непокорныхъ, и даже самихъ Патріарховъ.

Что — Св. учителя Русской Церкви ясно и формально исповѣдывали обязанность доводить до свѣдѣнія Петра въ лицѣ его преемниковъ о всякомъ догматическомъ искаженіи вѣры, и на фактъ прибѣгали къ этимъ Преемникамъ, какъ къ Верховнымъ Пастырямъ Вселенской Церкви, именно между прочимъ для спасенія помѣстной Царяградской.

Что — тѣ же Св. учителя не только исповѣдывали, что Римскому Первосвященнику присуще право собирать Вселенскіе Соборы, но что даже безъ его участія и сами Соборы лишаются всякаго Православнаго характера и значенія.

Что — по свидѣтельству опять же Русской церковной Исторіи, Римскіе Первосвященники законно распоряжались въ случаѣ нужды въ предѣлахъ прочихъ Патріархатовъ, и на мѣсто провинившихся Пастырей и по предварительному испытанію, безпрепятственно назначали другихъ, которыхъ почитали болѣе достойными этого званія.

Что — церковно-правительственнымъ мѣрамъ этимъ покорялись вслѣдствіе признаваемой въ Первосвященникахъ власти, а нисколько не изъ уваженія будто къ ихъ личной святости, — по смѣшному толкованію противниковъ,¹⁾ такъ какъ именно Левъ III.

¹⁾ Толкованіе это до такой степени не выдерживаетъ критики, что можно извинить тѣхъ, которые видятъ въ немъ лишь новое проявленіе недобросовѣст-

никогда и никѣмъ святымъ не признавался, а „инъ Папа“, — по свидѣтельству самой Русской агиографіи будто даже прямо дѣйствовалъ, какъ мы видѣли по внушенію грѣховнаго чувства высокоомѣрія. И наконецъ,

Что въ довершеніе всего, Римскій Первосвященникъ уже позднѣйшаго V^{го} вѣка формально и буквально признается Русскою Церковью: главою Православной Христовой Церкви.¹⁾

Какъ видно въ формальномъ, ясномъ, буквальномъ признаніи Русскою Церковью духовнаго и Христомъ установленнаго главенства Римскаго Первосвященства, начиная отъ Апостола Петра

ности. Мнѣ же кажется, что мы скорѣе опять наталкиваемся здѣсь на ту ребяческую наивную непослѣдовательность, которая такъ часто насъ поражала въ возраженіяхъ противниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое-же отношеніе можетъ имѣть святость, или напротивъ хоть бы даже развратность къ признанію или къ отрицанію іерархическаго и дисциплинарнаго подчиненія — въ Церкви, какъ и во всякомъ другомъ общественномъ порядкѣ? Развѣ Епископы несвятые подчиняются Епископу святому, только изъ за его святости? Развѣ для опредѣленія сѣятости изобрѣтенъ богословскою наукою особенный агио-метрическій аппаратъ? Развѣ встрѣтятся въ Русской Литургіи возгласы, превозносящіе понятіе такого дикаго свойства? ... По истинѣ какъ-то совѣстно опровергать подобныя возраженія.

¹⁾ Другое возраженіе противниковъ противъ приведенныхъ нами поражающихъ свидѣтельствъ заключается въ томъ, что всѣ эти выраженія будто встрѣчаются въ возгласахъ Литургическихъ книгъ относительно и другихъ Святыхъ, кромѣ Римскихъ Первосвященниковъ. Возраженіе это не только не основательно, но здѣсь оно кромѣ того содержитъ въ себѣ еще явную улику въ недобросовѣстности. Дѣйствительно; во первыхъ, мы кромѣ возгласовъ привели многочисленныя свидѣтельства изъ русской Агиографіи, русской Церковной Исторіи, русскихъ Св. Отцевъ, и т. д., на которыя противники возразить не въ состояніи. Во вторыхъ, относительно же литургическихъ свидѣтельствъ, вопросъ совершенно не въ томъ: встрѣчаются ли въ возгласахъ употребляемыхъ Русскою Церковью въ честь Римскихъ Первосвященниковъ нѣкоторыя выраженія, встрѣчающіяся въ Литургіи и другихъ святыхъ, а въ томъ: встрѣчаются ли въ Литургіи этихъ святыхъ всѣ тѣ выраженія, которыя въ Литургіи Первосвященниковъ ясно провозглашаютъ Церковное ихъ Главенство, какъ наприм. ты глава православной вселенской Церкви, и т. п. Добросовѣстно и разумно поставленный такимъ образомъ вопросъ, немедленно разрѣшится самъ собою. Пусть же погрудится всякій прочесть все, что въ Русской Литургіи поется въ честь высшихъ и популярнѣйшихъ представителей и святителей Церкви, какъ наприм. Афанасія, Васлія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, и даже самаго Первоверховнаго Апостола Павла, онъ самъ тотчасъ убѣдится, какую существенную разницу представляютъ эти возгласы съ торжественными догматическими признаніями Церковнаго Главенства, — приведенными нами изъ русскихъ церковныхъ книгъ — Апостола Петра, и всѣхъ его святыхъ или несвятыхъ преемниковъ. Вотъ какъ стряпческія уловки и извороты всегда обращаются въ ущербъ прибѣгающихъ къ орудіямъ такого жалкаго свойства.

и вплоть до самаго Фотійскаго раскола, ничего не достаетъ: тутъ и ученіе, тутъ же и историческое приложеніе на практикѣ.

Относительно же Греческой собственно Церкви, непререкаемое признаніе ея Римскаго Главенства имѣетъ особенный, вполне оригинальный характеръ очевидности. И причина тому весьма естественна: Такъ какъ, по свидетельству исторіи, разрывъ Константинополя съ Римомъ былъ слѣдствіемъ честолюбія и политическихъ расчетовъ, несравненно болѣе чѣмъ доктринальныхъ разногласій, онъ представляетъ намъ совершенно своеобразное явленіе. — Дѣйствительно, возставая противъ Римскаго Главенства, Греки тѣмъ осязательнѣе, какъ мы увидимъ, признавали его и слѣдоват. осуждали свой собственныя притязанія; пока наконецъ, окончательно умирая вселенскому единству, они послѣднимъ издыханіемъ поставлены были въ необходимость тѣмъ несомнѣннѣе признать его. —

Такимъ образомъ, первый виновникъ раскола Фотій, обращается, сперва къ Папѣ Николаю I въ 859 г. съ просьбою утвердить его избраніе въ Патріархи. Императоръ Михаилъ проситъ того же Папу прислать Легатовъ для преобразованія Константинопольской Церкви. Наконецъ, по смерти Патріарха Игнатія, самъ Фотій настоятельно ходатайствуетъ у Папы Іоанна VIII., дабы получить отъ него утвержденіе въ санѣ Константинопольскаго Патріарха.¹⁾

Такимъ же образомъ въ 886 году весь Константинопольскій клиръ соборно обращается, вмѣстѣ съ Императоромъ Львомъ, къ Папѣ Стефану съ торжественнымъ признаніемъ его Главенства, для полученія отъ него изъятія въ пользу Патріарха Стефана, брата Императора, по причинѣ посвященія его въ Епископы отщепенцемъ.²⁾

Такимъ же образомъ Императоръ, назначившій Патріархомъ, 16^м лѣтняго сына своего Теофилакта, обратился въ 993 г. къ Папѣ Іоанну XII. для полученія отъ него каноническаго разрѣшенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ просьбою о дозволеніи разъ навсегда Константинопольской Церкви возлагать на избранныхъ Патріарховъ палліумъ (омофоръ, знакъ Архіепископскаго сана), не испрашивая предварительно на то каждый разъ его согласія.³⁾

Такимъ образомъ, наконецъ, Императоръ Василій, въ 1019^м г. т. е. уже полторасто почти лѣтъ послѣ Фотія, еще отпра-

¹⁾ Мембургъ. Ист. Греческ. раск. Т. I. кн. I. 859 г.

²⁾ Тамъ же Т. I. кн. III. 1054 г.

³⁾ Тамъ же кн. III. 1054 г.

влялъ пословъ къ Папѣ Іоанну XX. съ просьбою объ утвержденіи за Константинопольскимъ Патріархомъ титула вселенскаго, относительно Востока, на подобіе того, присовокупляетъ онъ, какъ самъ Папа обладаетъ тѣмъ же титуломъ относительно всей Вселенной.¹⁾

Не поразительно ли, въ самомъ дѣлѣ, это противорѣчіе страстей и предубѣжденій! Греки признаютъ явно и гласно верховную власть Римскаго Первосвященника при каждомъ ходатайствѣ передъ нимъ о какихъ либо духовныхъ льготахъ и преимуществахъ, и одновременно отрицаютъ ее, когда не успѣваютъ въ своемъ домогательствѣ. Но при такихъ условіяхъ, отрицаніе не включаетъ ли очевидно въ себѣ лучшее свидѣтельство признанія, — а заявленіе независимости, убѣдительнѣйшую улику въ непокорности и крамолѣ?

Но довольно, очевидность не доказывается, и потому настаивать болѣе едва ли представляется мнѣ приличнымъ. Возвратимся скорѣе къ дальнейшему изложенію занимающаго насъ предмета.

§ 4.

Знаменательное событіе совершалось между тѣмъ въ Римскомъ мірѣ. Императоръ Константинъ, переводя столицу Имперіи на берега Босфорскаго пролива, присвоилъ Цареграду значеніе втораго Рима, и съ этихъ поръ Константинопольскіе Епископы начали заявлять притязанія на признаніе ихъ вторыми по достоинству и чину въ Церкви. Домогательство ихъ не вполнѣ было основательно; ибо значеніе церковныхъ административныхъ очертаній, не обязательно опредѣляется важностію гражданскихъ. Тѣмъ не менѣе, и послѣ долговременныхъ споровъ, усилій и трудовъ, упорство Константинопольскихъ Патріарховъ, поддерживаемое расположеніемъ къ нимъ Византійскихъ Императоровъ, достигло наконецъ желаннаго успѣха, и вопреки древнему старшинству въ Церкви Патріарховъ Антиохійскаго, Александрійскаго и Іерусалимскаго, Цареградскіе Епископы удержали за собою второе по почету мѣсто во вселенской Церкви. Но честолюбіе ненасытно; успѣвши въ своемъ предпріятіи, Патріархи не замедлили заявить притязаніе и на первое достоинство въ церковной сферѣ. Значеніе Епископа, говорили они, должно зависѣть отъ значенія града; и такъ какъ Византія сдѣлалась столицей вселенства, Патріархъ Константинопольскій тѣмъ самымъ долженъ

¹⁾ Тамъ же стр. 271.

быть облеченъ первенствомъ надъ всѣми прочими Епископами. Такъ возникъ Фотійскій расколъ (857—886), и послѣ долговременнаго перерыва былъ возобновленъ и окончательно довершенъ Михаиломъ Керуларіемъ (1054—1059).

До этого печальнаго событія вселенская Церковь никогда не имѣла въ виду, что-либо опредѣлять относительно преимуществъ, признаваемыхъ ею за Римскимъ Первосвященствомъ. Какъ мы объяснили выше, какая нужда была опредѣлять, когда никто не думалъ отрицать. Церковь жила любовью, вѣрою, усердіемъ и повиновеніемъ. Она знала, какъ мы уже видѣли, что Первосвященникъ прямой Намѣстникъ Христа, преемникъ Св. Петра, и потому Глава Церкви, кому поручено Спасителемъ пасти овецъ и агнцевъ Своихъ. Никто бѣльшаго не требовалъ, и безъ сомнѣнія никто въ бѣльшемъ и не нуждался. Но при возникновеніи внезапнаго, упорнаго, грознаго домогательства, поддерживаемаго властію и честолюбивыми расчетами восточныхъ деспотовъ, въ присутствіи уже совершившагося раскола, долѣе колебаніе было немислимо. Вопіющая необходимость требовала строгаго догматическаго опредѣленія, для пресѣченія отщепенства, и по возможности, для отвлеченія Востока отъ окончательнаго разрыва со всѣмъ вселенствомъ. Такова была цѣль созваннаго въ 1245 г. въ Лионѣ тринадцатаго вселенскаго Собора. Греческая Церковь приняла въ немъ участіе, въ лицѣ высшихъ своихъ духовныхъ представителей, и обѣ Церкви, Восточная и Западная единогласно приняли и единодушно подписали соборное опредѣленіе догмата о Первенствѣ Римской Церкви.

Вотъ самый текстъ этого опредѣленія; его значеніе весьма важно:

„Сама же Св. Римская Церковь обладаетъ Верховнымъ и „полнымъ Первенствомъ надъ всею безъ исключенія Вселенскою Церковью, и по справедливости со смиреніемъ исповѣдуетъ, что получила оное съ полнотою власти отъ Самаго „Господа въ лицѣ блаженнаго Петра, начальника и главы Апостоловъ, преемникъ коего есть Римскій Первосвященникъ. И такъ „какъ Церковь сія, паче прочихъ обязана защищать истину вѣры, „точно также, когда возникаютъ вопросы до вѣры касающіеся, они должны быть опредѣлены по ея сужденію.“¹⁾

Вотъ первое, догматическое опредѣленіе, до Первосвященства касающееся. Константинопольскіе Патріархи вознамѣрились основать свое первенство на политическомъ преимуществѣ Царскаго

¹⁾ Лябб. т. XI. столб. 966.

града, — вселенскій Соборъ впервые опредѣляетъ, что первенство не можетъ истекать изъ какихъ либо политическихъ причинъ, но что оно Божественнаго учрежденія и непосредственно даровано Христомъ Господомъ Церкви въ лицѣ перваго Епископа ея Апостола Петра, и слѣдов. его преемниковъ.

Прошу замѣтить, что Соборъ ограничивается опредѣленіемъ единственнаго только пункта отрицаемаго нововводителями; о другихъ преимуществахъ Петра и его преемниковъ, которыхъ никто не отрицалъ, и которыя неизбежно истекаютъ изъ Главенства, онъ даже и не упоминаетъ; о непогрѣшимости не болѣе какъ и о прочихъ. Но кто не чувствуетъ однако, что она какъ яркій лучъ изливается изъ послѣднихъ словъ опредѣленія? Дѣйствительно, если по опредѣленію Собора, всѣ вопросы до вѣры касающіеся должны быть разрѣшены сужденіемъ Римской Церкви, какимъ же образомъ сужденіе это могло бы быть доступнымъ заблужденію, т. е. погрѣшности?

§ 5.

Сто двадцать четыре года послѣ опредѣленія Ліонскаго Вселенскаго Собора относительно Первенства Римской Церкви и ея Божественнаго духовнаго Главенства надъ всею вселенною, новая туча стала угрожать Христіанству. Перенесеніе Первопрестола въ Авиньонъ было истиннымъ бѣдствіемъ для Запада. Вскорѣ явились сперва два, а потомъ даже и три Первосвященника, избранные среди такихъ сложныхъ и смутныхъ обстоятельствъ, что трудно казалось рѣшить, кто изъ нихъ былъ законнымъ преемникомъ Св. Петра. Недоумѣвающая Церковь не возбуждала конечно вопроса о томъ, слѣдовало ли повиноваться законному Первосвященнику, но о томъ, кто именно былъ таковымъ. Безъ сомнѣнія самый простой исходъ былъ бы склонить избранныхъ къ отреченію, и приступить къ новому избранію. Дѣйствительно, соблазное явленіе тѣмъ и кончилось, но послѣ долговременныхъ и бѣдственныхъ недоразумѣній. Со всѣхъ сторонъ возникали сомнѣнія, и за неимѣніемъ яснаго точнаго опредѣленія, между ученѣйшими даже и лучшими церковными дѣятелями возбуждали вопросъ: Церковь не выше ли Первосвященника и не подчиненъ ли онъ ея суду? Конечно, утверждали они, Ліонскій Соборъ опредѣлялъ, что Римская Церковь обладаетъ верховнымъ Главенствомъ и полнотою власти надъ всею Вселенскою Церковью. Но Церковь Римская, и Римскій Первосвященникъ двѣ вещи разныя. Пусть признается первая непогрѣσιμοю, непреходимою, но второй, но Первосвященникъ, но немощный, простой человѣкъ! . . .

Извинительна, безъ сомнѣнія, смущенная совѣсть, напешты-
вающая подобныя благовидныя софизмы добродѣтельнымъ лич-
ностямъ, подвергнутымъ столь мучительному нравственному испы-
танію. Тѣмъ не менѣ нельзя не сознаться, что если бы возррѣнія
ихъ восторжествовали во Вселенской Церкви, весь Институтъ
Первосвященства рушился бы до основанія, и церковное единство
было бы утрачено во вѣки.

Но Божественныя обѣщанія не подвержены случайностямъ, и
самыя тяжкія испытанія, при ихъ содѣйствіи, всегда разрѣшаются
новымъ церковнымъ торжествомъ. Тому ежедневно научаетъ насъ
оснадацативѣковой, неизмѣнный опытъ. — Такъ случилось и въ
этотъ разъ. Когда при единодушномъ возгласѣ всего Христіан-
ства, Мартинъ V. былъ избранъ и повсемѣстно признанъ Перво-
священникомъ, оказалось необходимымъ окончательно разъяснить
всѣ возникшія по этому предмету сомнѣнія и недоразумѣнія, и
Флорентинскій Соборъ, собравшійся въ 1439 г. снова разсмотрѣлъ
и еще точнѣе подтвердилъ опредѣленія тринадцатаго вселенскаго
Собора. Эти опредѣленія касались только, какъ мы уже говорили,
Римскаго Первопрестола, ибо только противъ него возставали въ
ту пору противники; опредѣленія же Флорентинскаго Собора
имѣютъ въ виду саму особу Первосвященника. Полагали возмож-
нымъ отдѣлять произвольно Первосвященника отъ Первосвящен-
ства, — Соборъ соединилъ ихъ. При вторичномъ согласіи Греческой
Церкви, онъ торжественно опредѣлилъ, что Божественныя
преимущества, признанныя за Римскою Церковью, присущи самому
Первосвященнику. Вотъ подлинныя слова соборнаго опредѣленія:

„Мы опредѣляемъ, что Апостольскій Первопрестолъ, и самъ
„Римскій Первосвященникъ обладаютъ Первенствомъ во все-
„ленствѣ; что Римскій Первосвященникъ есть преемникъ Св. Петра,
„главы Апостоловъ; что онъ Намѣстникъ Христа, глава всей Цер-
„кви, Отецъ и учитель всѣхъ Христіанъ, и что ему дана
„Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ полная власть
„править и управлять вселенскою Церковью, какъ узазано
„въ постановленіяхъ вселенскихъ Соборовъ и во Св. Канонахъ.“¹⁾

Вотъ второе, догматическое опредѣленіе къ Первосвященству
относящееся. Первое постановляло, что Римской Церкви присуща
верховная и полная власть надъ всею вселенскою Церковью; вто-
рое присовокупляетъ: и Римскому Первосвященнику, дабы
тѣмъ яснѣе выразить нераздѣльность Римской Церкви съ Пер-
восвященникомъ. Первымъ опредѣлялось, что всѣ вопросы до

1) У Лябб. т. XII. столб. 515.

вѣры касающіеся должны рѣшаться сужденіемъ Римской Церкви; вторымъ еще яснѣе указывается, что они рѣшаются сужденіемъ Первосвященника, ибо Соборъ признаетъ его учителемъ всѣхъ христіанъ, и слѣдов. возлагаетъ обязанность принимать его ученіе. Но кто же можетъ быть обязанъ принимать ученіе, доступное заблужденію и погрѣшности?

§ 6.

Спокойствіе и тишина не долній удѣлъ Христовой Церкви. Не прошло столѣтія и новый явился лжеучитель. Осужденный Римскимъ Первосвященникомъ, Августинскій монахъ Мартинъ Лютеръ сжегъ Папскую буллу въ Виттенбергѣ, и въ припадѣ гнѣва, объявилъ, что Вселенская Церковь блуждаетъ уже болѣе тысячи лѣтъ, и что причина заблужденія лежитъ въ самомъ институтѣ Римскаго Первосвященства и нелѣпаго ученія о его непогрѣшимости.

Впервые, такимъ образомъ, отрицалась непогрѣшимость церковнаго главы. Какъ мы видѣли, не разъ до того, отрицалось Богомъ учрежденное Первенство Римской Церкви; отрицалось также Главенство Первосвященника надъ вселенскою Церковью и его безотвѣтственность передъ нею. Теперь отрицаніе касалось его непогрѣшимости, т. е. того именно Божественнаго дара, безъ котораго немислимо верховное Учительство въ предметахъ до вѣры или совѣсти касающихся.

Протестантизмъ можетъ быть справедливо опредѣленъ: неправильное, преувеличенное развитіе человѣческой независимости, прямо ведущее къ отрицанію духовной власти Богомъ учрежденной Церкви, и слѣдов. къ низверженію Первосвященства, какъ Верховнаго представителя этой власти.

Но между тѣмъ, изъ церковной исторіи извлекается несомнѣнный фактъ, тотъ именно, что упорное отрицаніе какой-либо истины, основанной на Божественномъ откровеніи, имѣетъ всегда неизбѣжнымъ послѣдствіемъ во — первыхъ, тѣмъ упорнѣйшую защиту этой истины, а во вторыхъ, полнѣйшее ея развитіе, и наконецъ ея окончательное догматическое опредѣленіе.

Мы привели уже два знаменательные примѣра этого явленія. Отрицаніе Богомъ установленнаго Первенства Римской Церкви прямо привело къ его торжественному признанію тринадцатымъ вселенскимъ Соборомъ (Лионъ 1245 г.); а отрицаніе Главенства Первосвященника надъ Вселенскою Церковью, точно также повело къ опредѣленію этой истины семнадцатымъ вселенскимъ Соборомъ Флоренція 1439 г.). Совершенно такимъ же образомъ отрицаніе

непогрѣшимости Первосвященника, неизбѣжно должно было, рано или поздно, довести Церковь до догматическаго, строгаго опредѣленія этого существеннаго свойства ея главы.

Лютеръ настойчиво утверждалъ, что Первосвященникъ Антихристъ, — Вселенская Церковь неизбѣжно должна была признать его Намѣстникомъ и Верховнымъ Представителемъ Христа.

Лютеръ клеймилъ Первосвященство какъ источника всякой лжи и заблужденія, — Церковь въ свою очередь, рано или поздно, должна была признать его непогрѣшимымъ органомъ истины и правды.

И въ самомъ дѣлѣ, знаменитый Тридентскій Вселенскій Соборъ не только имѣлъ уже въ виду догматически разрѣшить этотъ вопросъ, но и самый проектъ опредѣленія былъ даже формально подготовленъ. Однако въ слѣдствіе разныхъ усложненій и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, собраніе не успѣло исполнить свое намѣреніе и рѣшеніе было отложено до болѣе удобнаго случая.

§ 7.

Вотъ въ какомъ положеніи вопроса, и по истеченіи цѣлыхъ трехъ столѣтій, былъ созванъ наконецъ Вселенскій Ватиканскій Соборъ въ 1870 г. Эти триста лѣтъ, отдѣлявшія его отъ Тридентскаго, во многомъ измѣнили отношенія Церкви къ Первосвященству. Грозные уроки Исторіи совершенно уничтожили мелочныя и мѣстныя оппозиціи, дотолѣ существовавшія въ Церкви. Постепенное ослабленіе Монархической власти въ политической сферѣ, возрастающее могущество демагогін и анархической пропаганды, повсемѣстные успѣхи соціальной революціи и всеобщее преобладаніе грубѣйшаго матеріализма въ области Науки, словомъ, грозящее крушеніе всего общественнаго строя, открыли по немногу глаза упорѣйшему предубѣжденію. Отвсюду потрясенныя убѣжденія и взволнованныя совѣсти требовали и ожидали помощи и утвержденія, и среди всеобщей зыбкости принциповъ, безошибочнаго указанія на какое либо неколебимое нравственное начало. Исповѣдь и ежедневное столкновеніе съ нравственными недугами личностей умудрили Церковь въ познаніи общественныхъ нуждъ. Уже девятнадцать вѣковъ шупаетъ она пульсъ страждущаго человѣчества; не удивительно что осязаніе ея обострилось до безошибочной чуткости. Вотъ почему слѣдовало ожидать, что въ виду современныхъ обстоятельствъ, Церковь по всей вѣроятности воспользуется своимъ вселенскимъ представительствомъ, для пополненія допущеннаго Тридентскимъ Соборомъ пробѣла.

Три протекшія столѣтія довели плодъ до совершенной зрѣлости, и было бы преступно не воспользоваться имъ для пользы чело-вѣчества.

Дѣйствительно, два подвига представлялись дѣятельности Ватиканскаго Собора; необходимо было устранить всѣ преграды, еще существовавшія между помѣстными Церквями и Церковью матерью и учительницею всѣхъ прочихъ, — и тѣмъ самымъ возвратить Первосвященнику полную и неограниченную свободу дѣйствій; во вторыхъ, выставить въ яркомъ свѣтѣ доктринальную непогрѣшимость Верховнаго Пастыря, обезоружить такимъ образомъ всякую попытку сопротивленія со стороны какой-либо посторонней власти свѣтской или духовной, и слѣдов., обезпечить не только абсолютную независимость Первосвященника, но и неприкосновенность Верховнаго его Учительства.

Соборъ не уклонился отъ возложенной на него обязанности, и исполнилъ ее съ замѣчательною твердостью и вмѣстѣ умѣренностью. Вникая ближе въ смыслъ его постановленій, полагаю что и предубѣжденный даже наблюдатель долженъ будетъ сознаться въ неосновательности пререканій, которымъ подверглись дѣйствія и труды Собора со стороны пристрастныхъ, или невѣжественныхъ противниковъ.

III. Ватиканскій Соборъ.

Послѣ всѣхъ обвиненій, насмѣшекъ, преувеличеній, клеветъ и даже поруганій, которыми были встрѣчены труды Ватиканскаго Собора, не лишнимъ покажется вѣроятно прислушаться наконецъ и къ голосу самой Церкви. Онъ съ почина поражаетъ своею умѣренностью и ясностью. Соборное опредѣленіе равно чуждо дерзкаго увлеченія и трусости. Оно представляетъ разительный контрастъ съ общественнымъ волненіемъ, среди котораго было издано. Въ немъ дышать невозмутимое, сверхъестественное спокойствіе и увѣренность.

Ватиканскій Соборъ опредѣляетъ сперва главенство Римскаго Первосвященника, а затѣмъ его непогрѣшимость. Во первыхъ, принципъ, т. е. верховную духовную власть; во вторыхъ, вынужденное ея послѣдствіе, т. е. доктринальную непогрѣшимость.

§ 1.

Первый догматъ, опредѣленный Ватиканскимъ Соборомъ, былъ догматъ о непосредственности и вселенствѣ верховной власти

Первосвященника надъ каждымъ христіаниномъ, каждымъ священнодѣйствователемъ, каждымъ Епископомъ, безъ исключенія. Определенію этого догмата посвящена III^{ья} глава.¹⁾ Неизвѣстно почему общественное мнѣніе посвятило ей несравненно менѣ вниманія, чѣмъ IV^{ою}, надѣлавшей столько шума въ пересудахъ публики. Однако она имѣетъ огромное значеніе.

Постановивъ, что первенство управленія надъ всею Церковью прямо и непосредственно сообщено самимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ блаженному Апостолу Петру, и что первенство это, учрежденное для постоянной пользы Церкви, должно по необходимости быть во вѣки непреходимо, Св. Соборъ разсматриваетъ существо и характеръ этой Верховной власти. Онъ во первыхъ, возобновляетъ опредѣленіе Флорентинскаго Вселенскаго Собора, въ силу котораго: „Всѣ во Христѣ правовѣрные обязаны вѣрить, „что Римскій Первосвященникъ обладаетъ Первенствомъ по всей „вселенной.“ . . . Затѣмъ онъ точнѣе выясняетъ это опредѣленіе: „Мы учимъ и объявляемъ, что по Божественному распоряженію, верховность сія Римской Церкви, есть верховность ординарной власти надъ всѣми прочими Церквами, и что сія, Римскаго Первосвященника власть управленія, есть власть чисто Епископская и непосредственная; что Пастыри и міряне, всѣ и каждый, въ какомъ бы обрядѣ или санѣ они не состояли, ему подначальны, по долгу іерархической подчиненности, и прямого повиновенія, не только въ предметахъ до вѣры или нравовъ касающихся, но даже и въ тѣхъ, кои относятся къ управленію и благочинію Вселенской Церкви; и что такимъ образомъ, соблюдая единство общенія и исповѣданія тождественной съ Римскимъ Первосвященникомъ вѣры, Церковь Христова образуетъ единую паству, подъ единымъ верховнымъ Пастыремъ. Таково ученіе Каеолической истины, отъ коего никто, безъ утраты вѣры и спасенія отклониться не можетъ.“²⁾

Такимъ образомъ Первосвященникъ уже не теряется въ той недосягаемой дали, въ которой онъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, какъ будто доселѣ исчезалъ. Всякій, будь онъ мірянинъ, священнослужитель, или Епископъ, имѣетъ въ немъ своего непосредственнаго Пастыря, и если дозволено будетъ такъ выразиться, своего прямого приходскаго Священника. Конечно, по причинѣ безпре-

¹⁾ О знач. Первенств. Римск. Первосвящ.

²⁾ Догмат. постанов. о Церк. Христов. I. гл. 3.

дѣльности размѣровъ Вселенской Церкви, обыкновенное посредство между мірянами и Первосвященникомъ продолжаютъ образовывать Епископство и Священство, но тѣмъ не менѣе непосредственное сообщеніе съ каждою христіанскою личностію формально признано Соборомъ какъ неотъемлемое, Божественное право, Первосвященнику присущее.

Но еще важнѣйшее послѣдствіе этого опредѣленія относится къ свѣтской Государственной власти. Дѣйствительно, въ приведенному опредѣленію Соборъ немедленно присовокупляетъ: „Изъ сей верховной власти Римскаго Первосвященника управлять Вселенскою Церковью — истекаетъ для него право свободно сноситься въ отправленіи своей должности съ пастырями и паствами всей Церкви, для наставленія ихъ на путь спасенія. Для сего Мы осуждаемъ и отвергаемъ ученіе тѣхъ, кои утверждаютъ: будто сношенію сему Верховнаго Главы съ пастырями и паствами, законно можетъ быть воспрепятствовано; или подчиняютъ его гражданской власти, увѣряя: будто рѣшенія, поставленныя Апостольскимъ Первопрестоломъ, или въ силу присущей ему власти, не иначе могутъ быть дѣйствительными, какъ при одобреніи и съ согласія гражданской власти.“¹⁾

И вотъ, съ какою благородною независимостію, съ какимъ гражданскимъ мужествомъ восемь сотъ вселенскихъ Епископовъ, подданныхъ всѣхъ возможныхъ Правительствъ и странъ свѣта, обладая единственнымъ орудіемъ несокрушимаго убѣжденія, разорвали административныя путы, которыми въ продолженіи послѣднихъ трехъ столѣтій Правительства мнили затормазить свободную дѣятельность Римскаго Первосвященника.

§ 2.

Не будемъ однако долѣе настаивать на этой частности вопроса, уже опредѣленной въ Соборахъ 1245 и 1439 г. и доведенной Ватиканскимъ 1870 г. до крайней точности и ясности. Перейдемъ немедленно къ опредѣленію непогрѣшимости, изложенному въ IV^{ой} главѣ подъ заглавіемъ: О непогрѣшимомъ учительствѣ Римскаго Первосвященника.

Обратимъ сперва вниманіе на значеніе самаго заглавія. До послѣдней минуты предлагалось другое заглавіе, именно: о непогрѣшимости Римскаго Первосвященника. Однако при болѣе строгомъ обсужденіи вопроса найдено было, что это выра-

¹⁾ Тамъ же I. глав. 3.

женіе страдало отъ недостатка точности, и что между прочими его неудобствами главное заключалось въ томъ, что оно представляло непогрѣшимость какъ будто связанною съ самою личностію Первосвященника, и простирающуюся на всё его дѣйствія. На основаніи этихъ возраженій, предполагаемое заглавіе было замѣнено приведеннымъ нами выше: о непогрѣшимомъ учительствѣ Римскаго Первосвященника, означающимъ несравненно точнѣе истинный характеръ непогрѣшимости, т. е. преимущества не только не связаннаго съ личностію, а съ должностію; но кромѣ того относящагося къ извѣстнымъ только и опредѣленнымъ дѣйствіямъ, въ предѣлахъ этой должности совершаемымъ.

И такъ, первый лучъ свѣта истекаетъ уже изъ самаго заглавія. Далѣе Соборъ, указывая на признанную всею вселенскою Церковью верховную духовную власть Первосвященника, выводитъ изъ нея непогрѣшимость, какъ неизбежное послѣдствіе и продолжаетъ: „Римскій Первопрестоль всегда вѣрилъ, постоянный обычай Церкви всегда доказывалъ, Вселенскіе Соборы, — въ особенности „же тѣ, въ коихъ Востокъ соединился съ Западомъ въ единствѣ „вѣры и любви, — сами исповѣдывали, что Верховная власть „учительства включена въ Апостольскомъ Первенствѣ надъ Вселенскою Церковью, коимъ обладаетъ Римскій Первосвященникъ, „въ качествѣ преемника Петра, Главы Апостоловъ.“

Затѣмъ, Св. Соборъ привелъ всѣ свидѣтельства, не пререкаемо доказывающія эту истину, присовокупляетъ: „Сія, непогрѣшимой „вѣры и истины Харизма (даръ)¹⁾. Богомъ дарована Петру и „его преемникамъ въ сей Каѳедрѣ, дабы они могли исполнить „верховную свою должность для спасенія всѣхъ, дабы вся Христова паства, отведенная ими отъ тлетворныхъ пастбищъ не „правды и заблужденій, питалась небеснымъ ученіемъ; дабы отстранена была всякая причина раскола; дабы Церковь всецѣло „была сохранена въ единствѣ, и утвержденная на основаніи своемъ „могла непоколебимо одолѣть вратъ ада. Но такъ какъ нынѣ, болѣе

¹⁾ Изъ греческаго слова *χαρισμα*, даръ; — здѣсь необходимо замѣтить употребленное Соборомъ выраженіе. Оно бросаетъ яркій свѣтъ на весь смыслъ догмата. Выраженіе это свойственно Св. Павлу и встрѣчается только въ его Посланіяхъ (I. Коринт. XII. 4, 11 и 31) и въ I. Послан. Св. Петра (IV. 10). Оно означаетъ даръ, Богомъ данный, не въ пользу того, кому онъ сообщается, а въ пользу прочихъ, и который потому можетъ быть присущъ не только грѣшникамъ, но даже язычникамъ. Слѣдов., онъ существенно отличается отъ благодати, или дара, коимъ человекъ дѣлается угоднымъ Богу. По опредѣленію Собора, непогрѣшимость — даръ перваго разряда, не производящій и даже не предполагающій святости въ человекѣ. Она даровая Божеская щедрота въ пользу Церкви т. е., именно харизма.

„чѣмъ когда либо, человекъ нуждается въ благотворной силѣ апостольской должности, и столь многіе прилагаютъ стараніе „унизить ея власть, Мы признаемъ необходимо нужнымъ торжественно провозгласить преимущество, которое Единородному Сыну „Божію угодно было присвоить Верховно-Папскому званію.

„Потому, строго придерживаясь преданію, восходящему до „самаго начала Христіанской вѣры, во славу Господа Спаса Нашего, для вознесенія Вселенской Церкви и спасенія Христіанскихъ „языковъ, — **Мы учимъ и опредѣляемъ:**¹⁾

„Слѣдуетъ признать догматомъ изъ Божественнаго „откровенія, что:

„Когда римскій Первосвященникъ кафедрально (ex „cathedrâ) изрекаетъ, т. е. когда въ отпращиваніи должности „Папскаго и Учителя всѣхъ Христіанъ, и по Верховной „своей Апостольской власти онъ опредѣляетъ о ученіи „до вѣры или нравовъ касающемся, — что вселенская „Церковь обязана вѣрить въ оное, — то онъ вполне обла- „даетъ, въ силу обѣщанной ему въ лицѣ блаженнаго „Петра Божіей помощи, тою непогрѣшимостію, кою Бо- „жественный Искушитель хотѣлъ, чтобы была облечена „Его Церковь, когда она опредѣляетъ о ученіи къ вѣрѣ „или нравамъ относящимся; и что слѣдовъ таковыя опре- „дѣленія Римскаго Первосвященника суть вполне неот- „ъемкими уже по себѣ, а не вслѣдствіе согласія Церкви.

„Если же кто либо дерзнетъ сему опредѣленію На- „шему противорѣчить, о чемъ да сохранить Господь, да „будетъ анаѣма.“

Вотъ оно, знаменитое, великое опредѣленіе, подготовленное вѣками научныхъ трудовъ, изслѣдованій, убѣжденныхъ обсужденій, выработанное и торжественно провозглашенное посреди такихъ страстныхъ преній, пересудовъ и даже пререканій; и тѣмъ не менѣе, принятое Вселенскою Церковью съ такимъ единодушіемъ, съ такою всеобщою покорностію. Постараемся ближе и глубже проникнуть въ настоящій смыслъ и въ объемъ его значенія.

§ 3.

Обратимъ прежде всего вниманіе на истинное свойство непогрѣшимости, столь превратно понятое бѣльшею частію современныхъ писателей.

¹⁾ Только словами: „Мы учимъ и опредѣляемъ“ начинается собственное догматическое опредѣленіе. Все предъидущее, хотя конечно должно

Непогрѣшимость есть ни что иное, какъ то сверхъестественное свойство, дарованное Самимъ Христомъ Церковному Главѣ въ лицѣ Св. Петра, быть во вѣки недоступнымъ заблужденію, или погрѣшности, въ тотъ моментъ, когда свободно изрекая въ качествѣ Верховнаго Учителя вселенской Церкви, онъ каедрально (ex cathedrâ) опредѣляетъ что такое то ученіе составляетъ или не составляетъ существенную часть вѣры, т. е. священнаго хранилища Богомъ открытыхъ истинъ, и что непри-
мающіе его рѣшенія, тѣмъ самымъ отпадаютъ отъ православія, и слѣдуютъ отъ Церкви.

Вотъ значеніе непогрѣшимости; оно присвоено не лицу Первосвященника, а его должности и званію, или еще точнѣе одной только изъ отправляемыхъ имъ должностей, именно: должности Верховнаго Учителя Христіанъ. И такъ, чтобы быть недоступнымъ заблужденію, недостаточно быть Первосвященникомъ, недостаточно отправлять какія либо обязанности съ Первосвященствомъ сопряженныя, — необходимо отправлять именно эту, а не другую обязанность, т. е. обязанность верховнаго Учительства. Существенно требуется, чтобы Первосвященникъ, возсѣдая на каедрѣ Петра, и изрекая каедрально¹⁾ т. е. обращаясь ко всей Церкви въ отправленіи своей должности Верховнаго учителя, — провозгласилъ, что такое то ученіе, до вѣры или нравовъ касающееся, есть дѣйствительно ученіе, содержащееся въ Божественномъ откровеніи; что онъ требуетъ, дабы всѣ Христіане вѣрили въ оное, и что онъ отлучаетъ отъ Церкви всѣхъ отказывающихся принять оное.

Вотъ повторяю, единственное, справедливое значеніе непогрѣшимости, и первый взглядъ уже достаточно поясняетъ его. Но я бы желалъ, если возможно, еще болѣе освѣтить предметъ.

И такъ, Первосвященникъ непогрѣшимъ. Но, если дозволено мнѣ будетъ такъ выразиться, кто же собственно въ немъ непогрѣшимъ? Особа, личность, частное лице? Нисколько. Какъ личность, какъ частное лице, онъ доступенъ погрѣшности. Такъ

быть принято съ глубокимъ благоговеніемъ, однако не относится обязательно къ вѣрѣ.

¹⁾ Здѣсь, слово „ex cathedrâ,“ каедрально, въ первый разъ вводится въ догматическій языкъ Вселенской Церкви. Оно издавна употреблялось, какъ говорится, въ школѣ. Оно такъже часто встрѣчается и у Св. Отцевъ, въ особенности у Св. Августина, Св. Опата и Св. Кипріяна. Отнынѣ оно принято Церковью въ строго опредѣленномъ смыслѣ, и означаетъ дѣйствія Первосвященника, совершенныя именно въ качествѣ Верховнаго и непогрѣшимаго Учителя Христіанства.

Іоаннъ XII. осудилъ ученіе, которому придерживался нѣкогда, какъ частное лице, но будучи однако уже Первосвященникомъ. Такъ Григорій XI. формально объявилъ въ своемъ завѣщаніи: „если мы что изрekli несогласное съ католическою Вѣрою, по ошибкѣ, легкомыслію, или неосторожности, мы то отвергаемъ, осуждаемъ и хотимъ, чтобъ оно было какъ несуществующее.“ — Довольно ли это ясно?

И такъ, не человекъ въ Первосвященникѣ непогрѣшимъ. Кто же?... можетъ быть писатель? Нисколько. Первосвященникъ можетъ быть ученъ какъ Венедиктъ XIV., краснорѣчивъ какъ Пій IX., глубокомысленъ какъ Левъ XIII., онъ можетъ быть даже гениаленъ, тѣмъ не менѣ сочиненія его доступны заблужденію какъ ваши и мои.

Кто же въ Первосвященникѣ непогрѣшимъ? — Проповѣдникъ? — Ни мало. Первосвященникъ постоянно обращается съ поученіями, духовными увѣщаніями, къ громаднымъ толпамъ посѣтителей, стекающихся со всѣхъ концовъ свѣта въ Ватиканъ; онъ обсуждаетъ важнѣйшія событія, совершающіяся въ мірѣ. Конечно, мы съ глубочайшимъ благоговѣніемъ относимся къ его словамъ, но однако, ни одно изъ нихъ не обладаетъ свойствомъ непогрѣшимости.

Но внимемъ еще глубже. Можетъ быть въ Первосвященникѣ непогрѣшимъ верховный Судья? — Ни сколько. Первосвященникъ безъ сомнѣнія судить окончательнымъ приговоромъ всѣ церковныя недоразумѣнія, тяжбы, спорныя столкновѣнія, возникающія между духовными лицами и даже мірянами; безъ сомнѣнія судъ его рѣшаетъ верховно и безъ апелляціи; безъ сомнѣнія всякій обязанъ повиноваться его рѣшенію. Однако, развѣ рѣшеніе это должно неизбѣжно почитаться непогрѣшимымъ? — Нѣтъ. Обязанъ ли всякій вѣрить, что оно непререкаемо справедливо? Ни мало. Всѣ обязаны только повиноваться, какъ повинуются всякому другому верховному безапелляціонному приговору.

Но коснемся наконецъ крайняго предѣла вопроса. Конечно, въ Первосвященникѣ непогрѣшимъ законодатель, верховный Правитель Церкви? — Нѣтъ еще, не онъ. Безъ всякаго сомнѣнія Первосвященникъ обладаетъ полнымъ правомъ издавать постановленія обязательныя для каждой крещеной души, и никому безъ тяжкаго прегрѣшенія не дозволено преступать ихъ. Тѣмъ не менѣ и здѣсь еще не встрѣчается прямая обязанность вѣрить, что постановленія эти абсолютно не подлежатъ критикѣ, что никакія другія не могутъ казаться предпочтительными. — Что подобное мнѣніе въ высшей степени страдало бы отъ

дерзкой самоувѣренности, я съ этимъ вполне согласенъ. Но я утверждаю только, что и сами постановленія Первосвященника, хотя совершенно обязательны, однако не вынуждаютъ прямой вѣры въ ихъ непогрѣшимость.

Спрашивается, кто уже наконецъ непогрѣшимъ въ Первосвященника? — Церковь отвѣчаетъ: Верховный Учитель, и исключительно только Онъ. Но и этого еще недостаточно. Верховный Учитель этому долженъ необходимо подчиниться двумъ неизбѣжнымъ условіямъ для изданія непогрѣшимаго опредѣленія. Во первыхъ, онъ долженъ каѳедрадно обращаться ко всей Церкви, а во вторыхъ, опредѣленіе его должно относиться къ предмету исключительно до вѣры или нравственности касающемуся. Такимъ образомъ, когда въ рескриптѣ, или грамотѣ Первосвященникъ обращается къ частному лицу, наприм. къ писателю, когда одобряетъ и хвалитъ его ученіе, когда при этомъ случаѣ указываетъ на нравственные недуги современнаго общества, его убѣжденія заслуживаютъ безспорно глубочайшаго и всеобщаго уваженія, но они не существенно непогрѣшима, ибо выражая ихъ, Первосвященникъ не отправляетъ въ строгомъ смыслѣ должности Верховнаго Учителя Церкви Вселенской. —

Дошли ли мы наконецъ, хоть на этотъ разъ, до крайнихъ предѣловъ негрѣшимости? Нѣтъ еще; она еще неумолимо ограничена Вселенскимъ ученіемъ. Дѣйствительно, предположимъ Первосвященническое опредѣленіе, подходящее вполне подъ всѣ необходимыя вышеизложенныя условія: — вотъ Первосвященникъ, возсѣдающій на каѳедрѣ Св. Петра, свободно и каѳедрадно изрекающій по предмету до вѣры или нравовъ касающемуся, и слѣдов. обращающійся ко всей Вселенской Церкви. Будетъ ли по крайней мѣрѣ въ такомъ случаѣ все, что онъ скажетъ, непогрѣшимо? Ни сколько. Непогрѣшимость будетъ относиться только исключительно къ весьма яснымъ, точнымъ, торжественнымъ, собственнымъ словамъ опредѣленія. Все прочее, вводныя разсужденія, доводы, доказательства, умозаключенія, личныя взгляды Первосвященника, выводы, подготовляющіе здравый смыслъ и разумъ къ яснѣйшему уразумѣнію опредѣленія, — все это къ непогрѣшимости не относится. —

Не очевидно ли, изъ всего сказаннаго, до какой степени смѣшнаго невѣжества доходятъ тѣ, кои представляютъ себѣ непогрѣшимость какимъ то смутнымъ, непредѣленнымъ, сбивчивымъ преимуществомъ или свойствомъ, личности Первосвященника присущимъ, и которымъ онъ можетъ пользоваться по собственному произволу, и какъ бы безсознательно. Всякому теперь, надѣюсь

доступно будетъ, что въ открытіи подобной нелѣпости повинна не вселенская догматика, а исключительно плодovitая, хотя и не разборчивая изобрѣтательная способность ея ненавистниковъ.

§ 4.

Опредѣливъ съ такою точностью и строгостью, кто и при какихъ только условіяхъ, есть органъ непогрѣшимости, а равнымъ образомъ что составляетъ исключительный ея предметъ, именно вѣра и нравственность, Св. Соборъ переходитъ къ третьему пункту, т. е. къ существу, такъ сказать, непогрѣшимости и постановляетъ: „что опредѣленія Первосвященника непогрѣшими уже по „себѣ (существенно), а не изъ согласія съ нимъ Церкви.“ — Конечно согласіе Церкви, безъ малѣйшаго сомнѣнія, всегда восслѣдуетъ. Конечно на слова каедрально опредѣляющаго Первосвященника своего, она всегда отвѣчала и отвѣтитъ словомъ: вѣрую! Но тѣмъ не менѣе, не обходимо было огорочить, что не изъ согласія Церкви истекаетъ существо непогрѣшимости. Не снизу, если дозволено такъ выразиться, а сверху непогрѣшимо Первосвященство; не отъ согласія Церкви, а отъ обѣщанной, непосредственной помощи Св. Духа.

Достойно замѣчанія, что для выраженія этого свойства, первоначально предложена была слѣдующая формула: „о личной и отдѣльной непогрѣшимости Первосвященника.“ — Но она была единодушно отвергнута Соборомъ. Во первыхъ, потому, что непогрѣшимость связана не съ личностію Первосвященника, а съ извѣстною, опредѣленною его должностію, а во вторыхъ, потому что выраженіе: отдѣльная непогрѣшимость найдено было Соборомъ въ высшей степени неприличнымъ, такъ какъ совершенно немислимо отдѣлить Первосвященника отъ Церкви. Дѣйствительно, гдѣ онъ, тамъ всегда и Церковь, гдѣ Церковь, тамъ всегда и онъ. Они органически едино какъ тѣло и глава, а тѣло отдѣленное отъ главы уже не тѣло, а трупъ. Это до такой степени вѣрно, что само даже выраженіе: „когда изрекаетъ Первосвященникъ, Церковь всегда соглашается“, — не вполне точно. Ибо Вселенская Церковь исповѣдуетъ не только, что она съ Первосвященникомъ всегда согласна, но что въ голосъ его — ея слышится голосъ, что его словами она говоритъ, что исходя изъ ея сердца, слова эти возносятся до устъ Первосвященника, и что именно взаимная встрѣча этой двойной непогрѣшимости главы и тѣла и образуетъ въ Первосвященникѣ полную, всецѣльную недоступность заблужденію.

Вотъ, во всей своей логичности, простотѣ и точности, во

всемъ своемъ величiи и могуществѣ, это знаменитое опредѣленіе, бывшее для многихъ предметомъ столь пламенныхъ же ожиданій, какъ и тревожныхъ опасеній. Суетными оказались всѣ предсказанія человѣческой мудрости, считавшей его неосуществимымъ явленіемъ. — Всемирно признано великое сверхъестественное преимущество доктринальной непогрѣшимости церковнаго главы, безъ коего немислима Церковь поистинѣ Вселенская, и на которое однако, ни одна другая не дерзнула заявлять притязаній. Уже осьмнадцать столѣтій исповѣдуетъ его Вселенская Церковь, и не только исповѣдуетъ, но непрерывно примѣняетъ на практикѣ. Но на этотъ разъ она не довольствовалась этимъ. Соборно созванная въ лицѣ своихъ законныхъ представителей, и вопреки явному заговору разъяренныхъ враговъ и ненавистниковъ, она съ несокрушимую стойкостью снова принялась за дѣло, и довершила его на вѣки, строго и безвозвратно опредѣливъ жизненное средоточіе или органъ, въ коемъ витаетъ непогрѣшимость. Для всякаго мыслителя очевидно, что подобное событіе можетъ быть объяснено двумя только причинами: оно неизбежное послѣдствіе явнаго, непререкаемаго, остраго припадка сумашествія, или разительное проявленіе сверхъестественнаго всемогущества.

Съ нескрытною радостію предоставляю другимъ разрѣшить, которое изъ двухъ объясненій согласуется съ указаніями здраваго смысла, а съ своей стороны довольствуюсь вполне тѣмъ, что одно изъ двухъ совершенно неизбѣжно.

IV. Обычныя возраженія противъ непогрѣшимости.

Мы привели выше, на стр. 103. перечень предложеній, — показательство и обсужденіе которыхъ составляютъ необходимое условіе методическаго и научнаго трактата о Главенствѣ Римскаго Первосвященника. Мы объяснили также при этомъ случаѣ, на сколько размѣры такого труда выходили бы изъ предѣловъ, указанныхъ намъ необходимостію. — То же затрудненіе встрѣчается и при обсужденіи самой непогрѣшимости. Систематическое изложеніе возраженій противъ этого догмата, а также опроверженіе этихъ возраженій, завело бы насъ слишкомъ далеко. Да и едва ли была цѣлесообразна строгая догматическая разработка вопроса при современномъ направленіи умовъ и общественнаго мнѣнія. Насъ болѣе интересуеетъ разъясненіе затрудненій и возраженій изъ практическаго такъ сказать разума, чѣмъ техническіе доводы, почернутые изъ патристической критики или изъ церков-

наго и каноническаго права. Оставляя по этому въ сторонѣ возраженія специально богословскія, полагаю полезнѣе обратиться къ тѣмъ, на которыя преимущественно настаиваетъ современное общественное мнѣніе.

§ 1.

Во первыхъ, охотнѣе и чаще всего приводится слѣдующее возраженіе: „Первосвященникъ — человѣкъ, какимъ же образомъ можетъ онъ быть недоступенъ заблужденію? И какой же здравый смыслъ согласится съ тѣмъ, что существуетъ такая человѣческая личность, которая не можетъ ни сама обмануться, ни другихъ ввести въ обманъ?“ —

Довольно странно, что возражающіе, если только они христіане, на каждомъ шагу, и безъ малѣйшаго затрудненія вполне вѣрятъ еще несравненно непостижимѣйшимъ чудодѣйствіямъ. Развѣ священникъ, развѣ Епископъ не человѣкъ? Однако они ежедневно и единымъ словомъ превращаютъ хлѣбъ и вино въ тѣло и въ кровь Христовы; ежедневно и единымъ словомъ разрѣшаютъ душу отъ тягчайшихъ грѣховъ и даже преступленій. Если вы вѣрите, что въ священникѣ, въ Епископѣ дѣйствуетъ не человѣческая немощь, а Божеское всемогущество, то почему же связываете одно только непогрѣшимое ученіе истины съ тою же человѣческою немощю а не съ тѣмъ же Божескимъ всемогуществомъ? Понимаю невѣрующихъ рационалистовъ, равно отрицающихъ и то и другое; но не постигаю произвольно признающихъ одно и отвергающихъ прочее. Это очевидно ребяческая непослѣдовательность.

Но замѣйте кромѣ того, что если бы Первосвященникъ былъ дѣйствительно доступенъ заблужденію, т. е. если бы онъ не пользовался специальною Божескою помощію въ ученіи истины, оказывалось бы, что въ исполненіи своей должности онъ былъ бы обдѣленнѣйшимъ изъ всѣхъ Божественныхъ органовъ Церкви. Онъ былъ бы сравнительно ниже Епископовъ и ниже священниковъ; ибо въ такомъ предположеніи, всѣ чины церковной іерархіи пользовались бы въ отправленіи своихъ обязанностей специальною Божескою помощію, за исключеніемъ только именно верховнаго.

Дѣйствительно, по ученію Церкви, священно-дѣйствователь, въ отправленіи обязанностей его сану присвоенныхъ, получаетъ каждый разъ на то сверхъестественную отъ Бога помощь. Епископъ также. Одинъ Первосвященникъ, отправляя обязанности, присвоенныя званію Верховнаго Учителя, не получалъ бы отъ Бога

объщанной ему самимъ Христомъ сверхъестественной помощи?... Это очевидно нелѣпость.

Однимъ словомъ, избирайте одно изъ двухъ: или Церковь отъ основанія и до вершины, есть зданіе сверхъестественное, или она твореніе человѣческихъ рукъ. Но рѣшивъ вопросъ въ ту или въ другую сторону, будьте послѣдовательны, и признавъ разъ сверхъестественность вообще, не отрицайте уже ее въ частности подъ предлогомъ невѣроятности.

§ 2.

Возражаютъ еще: „Первосвященникъ не только человѣкъ, но онъ кромѣ того еще грѣшникъ, а Борджія былъ даже преступникъ. Кто же повѣритъ, что непогрѣшимая истина могла бы изливаться изъ подобныхъ устъ?“ — Возраженіе это не ново. Тысяча четыреста лѣтъ тому назадъ вздумали отрицать дѣйствительность таинствъ, совершаемыхъ священнодѣйствителями, находящимися въ грѣховномъ состояніи. Но Церковь, и самъ здравый смыслъ осудили эту нелѣпость, которая невозвратно разрушила бы религію до основанія.

Дѣйствительно, какое же обезпеченіе могло существовать для каждаго Христіанина въ дѣйствительности приобщенія къ какому либо таинству, напр. крещенія, Евхаристіи, покаянія, рукоположенія и т. д., если бы эта дѣйствительность зависѣла отъ внутренняго, душевнаго состоянія Священнодѣйствителя? Очевидно, Богу угодно было избрать человѣческія, немощныя орудія для передачи душамъ свѣта истины и благодати. Безъ сомнѣнія орудіямъ этимъ Онъ даетъ всѣ средства для достиженія приличныхъ имъ добродѣтелей и даже святости. Но тѣмъ не менѣе, личная свобода ихъ остается вполне неприкосновенною; какъ и всякій другой, и они обладаютъ способностію преступно злоупотреблять его, и потому дѣйствіе Божеской воли совершенно независимо въ нихъ отъ ихъ личной святости или недостойности. Тотъ же самый великій, благодатный законъ, дѣйствующій на нижнихъ и преднихъ ступеняхъ церковной іерархіи, вѣтаетъ также и на высшей, и тѣмъ самымъ еще довершаетъ сверхъестественное величіе Первосвященства. —

Предоставимъ, слѣдовательно, одному невѣжеству смѣшивать, по сбивчивости своихъ понятій, непогрѣшимость съ безгрѣшностію, и — вопреки грубому и бессмысленному каламбуру, — будемъ напротивъ всегда имѣть въ виду радикальное различіе, существующее между этими двумя понятіями и выраженіями.

§ 3.

„Мы согласны;“ говорятъ. „Однако что случилось бы, если когда-либо, въ спорномъ вопросѣ, Церковь была съ одной стороны, а Первосвященникъ былъ съ другой?“ — Отвѣчаю весьма просто: предположеніе существенно невозможно и слѣдов. нелѣпо.

Что случилось бы, спрочу у Васъ въ свою очередь, если бы въ движущейся колесницѣ одно колесо вращалось по извѣстному направленію, а второе по противоположному? Вы мнѣ отвѣтите, что предположеніе мое нелѣпо, ибо оба колеса вращаются около одной и той же оси.

Что случилось бы, если въ человѣкѣ голова захотѣла бы вести его по одному какому-либо направленію, а ноги по другому? Вы отвѣтите опять, что предположеніе безмысленно; ибо голова и ноги дѣйствуютъ подъ руководствомъ одной и той же воли.

То же самое встрѣчается и въ отношеніяхъ Первосвященника къ Церкви. Оба руководимы однимъ и тѣмъ же началомъ, одною и тою же волею, т. е. Духомъ Святымъ.

Но предположеніе не только нелѣпо, оно кромѣ того свидѣтельствуетъ объ абсолютномъ незнаніи самаго существа церковной Конституціи, и составляетъ даже прямое посягательство противъ вѣры: „Строго къ вѣрѣ относится, учить Англійскій Архіепископъ Кардиналъ Меннингъ, что церковный Глава никоимъ образомъ, и никогда не можетъ быть отдѣленъ ни отъ Епископства ниже отъ прочихъ правовѣрныхъ. Допустить возможность такого явленія значило бы прямо отрицать дѣйствіе „Духа Святаго въ Церкви Христовой, т. е. то жизнедательное дѣйствіе, по которому въ ея духовномъ организмѣ плотно связаны во всѣхъ своихъ частяхъ глава съ тѣломъ, тѣло съ главою, и всѣ члены между собою. Это значило бы нарушить единство, сокрушить полную гармонію и сочлененіе того, что Апостолъ называетъ тѣломъ Христа и о которомъ Св. Августинъ учить, что такъ какъ глава и тѣло образуютъ единую личность, такъ и Христосъ съ Церковью образуетъ совершеннаго человѣка. Отъ этого единства зависятъ всѣ свойства и дары, Церкви сообщенные: непреходимость, единство, непогрѣшимость, и слѣдов. Церковь точно также не можемъ отдѣлиться отъ своего, видимаго Главы, какъ не можетъ быть отдѣлена и отъ Невидимаго.“¹⁾

И такъ, повторяю еще разъ: отрицайше, если желаете, стигхійную сверхъестественность въ созданіи Вселенской Церкви, и

¹⁾ Гард. Менн. Ватиканск. Соборъ. стр. 141.

тогда допускайте сколько угодно возможность несогласія и разединенія между ею и Первосвященникомъ. Но признавать въ Церкви Божественное начало и вмѣстѣ съ тѣмъ оскорблять его премудрость, допуская подобныя предположенія, было бы прямымъ отрицаніемъ всякой послѣдовательности и здраваго смысла.

§ 4.

„Но, настаиваютъ, представьте себѣ Первосвященника, одареннаго умомъ пылкимъ и отважнымъ, всегда готоваго пускаться въосъ и впрямъ въ опредѣленія неосновательныя, безъ предварительнаго изслѣдованія и разработки предмета. Гдѣ же будетъ тогда значеніе непогрѣшимости?“ —

На это отвѣчаю, во первыхъ: Если бы всякое частное лицо обладало правомъ судить о степени основательности каждой христіанской истины, это вело бы къ прямой нечѣности, ибо тогда каждый Епископъ, каждый священникъ, и даже каждый мірянинъ не иначе могли бы принять символъ вѣры, какъ убѣдившись предварительно на только Церковь основательно поступила, принимая и исповѣдуя каждый членъ онаго въ отдѣльности.

Во вторыхъ: Что возражающіе очевидно не понимаютъ истиннаго значенія непогрѣшимости. Непогрѣшимость, по ихъ понятію, основано на научномъ изслѣдованіи вопроса, на его тщательной разработкѣ, на совѣщаніяхъ Первосвященника со всѣми Церквами и Епископами, и на провѣркѣ единогласія ихъ мнѣній. Въ такомъ слгчаѣ, полагаютъ они, дѣйствительно можно рачіонально признать, что согласіе всѣхъ Церквей, всѣхъ Епископовъ, всѣхъ преданій, морально исключаетъ возможность какой либо погрѣшности, какаго либо заблужденія.

Но они существенно ошибаются. Всѣ помянутыя предосторожности, указанныя здравымъ смысломъ, ничто иное какъ правильная, рачіональная подготовка непогрѣшимаго опредѣленія, но ни отнюдь не образуютъ существеннаго основанія этой непогрѣшимости. Это такъ сказать, лишь только шаткая, человѣческая непогрѣшимость, до которой достигала бы наприм. Церковь, если она была великое законодательное собраніе подъ предсѣдательствомъ Верховнаго Президента, преподающаго ученіе истины по большинству голосовъ.

Но правильное понятіе о непогрѣшимости возносится до несравненно высшей сферы. Оно исключительно основано на сверхъестественномъ преимуществѣ, дарованномъ по свидѣтельству Евангелія, Самимъ Христомъ вселенскому Первосвященнику — быть вполнѣ недоступнымъ погрѣшности, когда каедрально изрекая въ каче-

ствѣ Верховнаго Учителя Церкви, онъ предписываетъ всѣмъ колебимо вѣрить, что такое-то ученіе, до вѣры или нравственности касающееся, дѣйствительно составляетъ существенную часть Божественнаго откровенія. Съ этой точки зрѣнія понятно, что ни наука, ни познанія, ни изслѣдованія, ни ученость совѣщателей, и даже ни дальновидность самаго Первосвященника играютъ здѣсь преобладающую роль. Нѣтъ, несокрушимая основа непогрѣшимости заключается единственно въ непосредственной помощи Духа Святаго. Допустить, чтобы Первосвященникъ могъ когда-либо лишиться Богомъ обѣщаннаго вспоможенія, и быть доступнымъ заблужденію, значило бы допустить крушеніе и самой Церкви, вопреки формальнымъ словамъ Христа обезпечившаго существованіе ея во вѣки, на избранномъ Имъ Самимъ въ лицѣ Петра основаніи.

Изъ сказаннаго явствуется, что всѣ эти возраженія вытекаютъ главнымъ образомъ изъ неправильнаго понятія о сущности непогрѣшимости, и изъ фальшиваго примѣненія къ органическому учрежденію Церкви, представительныхъ условій служащихъ основаніемъ всѣмъ прочимъ современнымъ Правительствамъ. Забываютъ, что ихъ дѣйствіями руководствуетъ одна только человѣческая мудрость, и что слѣдов. они совершенно основательно обращаются къ ея законному олицетворенію, т. е. къ тщательному и глубокому обсужденію вопросовъ въ законодательныхъ совѣщаніяхъ Государственнаго Представительства. Но Церковь Христова вращается около совершенно иной, неестественной оси. Ее освѣщаетъ свѣтъ не человѣческихъ вѣроятностей, а абсолютной непогрѣшимости, т. е. непосредственнаго Божескаго вдохновенія. А въ такомъ случаѣ, какое же значеніе, относительно непреложнаго познанія истины, можетъ имѣть числительность, и какимъ же преимуществомъ могутъ обладать пятьсотъ человѣкъ предъ единымъ? Если полагаемъ, что пятьсотъ человѣкъ представляютъ бѣольшую гарантію непогрѣшимости чѣмъ одинъ, очевидно, что мы опять возвращаемся къ точкѣ зрѣнія чисто человѣческихъ вѣроятностей, и что тѣмъ самымъ мы уже отрицаемъ принципъ абсолютной, сверхъестественной непогрѣшимости, о которой однако только и можетъ быть рѣчь.

§ 5.

Другой родъ возраженій относится не къ существу непогрѣшимости, а собственно къ мнимой несвоевременности ея опредѣленія. Хотя возраженія эти относятся скорѣе къ Вселенской Церкви, и потому представляютъ менѣе интереса для иновѣрцевъ,

считаю однако не лишнимъ кратко упомянуть о нихъ, потому, что они бросаютъ яркій свѣтъ на занимающій насъ вопросъ, и на послѣдствія, которыя въ неотдаленной будущности могутъ ожидаться отъ опредѣленій Ватиканскаго Собора.

„Какая, говорятъ, представлялась нужда въ опредѣленіи, безъ котораго Церковь благополучно существовала болѣе осмнадцати столѣтій, и которое будетъ только новымъ камнемъ преткновенія для отдѣленныхъ отъ Вселенства Церквей Востока, для Протестантовъ, и даже вообще для всѣхъ невѣрующихъ?“

Мнѣ казался напротивъ, что разбѣяніе тумановъ, отстраненіе послѣднихъ недоразумѣній, еще затмѣвавшихъ этотъ жизненный для Вселенской Церкви вопросъ, будетъ имѣть совершенно обратное дѣйствіе; и я прибавлю, что шестнадцатилѣтній опытъ со времени созванія Ватиканскаго Собора не опровергаетъ, а скорѣе подтверждаетъ мой взглядъ. Дѣйствительно, если для нѣкоторыхъ иновѣрцевъ безграничный духовный авторитетъ Церкви составляетъ предметъ невольныхъ опасеній и даже соблазна, для многихъ другихъ онъ напротивъ обладаетъ какою то особенно притягательною, утѣшительною силою. По мѣрѣ того какъ всасывается въ современное общество червоточина сомнѣній и невѣрія, человѣкъ подъ неумолимымъ гнѣтомъ пресыщенія и отчаянія, тѣмъ скорѣе обратитъ опечаленный и разочарованный взглядъ на тихую, невозмутимую, нравственную пристань Вселенской Церкви, гдѣ на Божественномъ якорѣ сознательной вѣры окончательно успокоиваются всѣ мятежныя сомнѣнія разума, всѣ колебанія блуждающей воли. Пбо тамъ только встрѣчается, невѣдомая прочимъ, несокрушимая увѣренность убѣжденныхъ, и неизблемая точка опоры для полнаго разъясненія этихъ сомнѣній для разрѣшенія всѣхъ недоумѣній. Разительное доказательство этой истины являютъ намъ ежедневно новообращенные братья наши изъ Англіи и Америки; никто радушиѣ ихъ не привѣтствовалъ опредѣленіе непогрѣшимаго Учительства Первосвященника, какъ привѣтствуютъ претерпѣвшіе крушеніе странники, неугасимый маякъ, указывающій блуждающимъ несомнѣнный путь къ пристанищу и спасенію.

Впрочемъ, если допустимъ даже, что божественно-отважное опредѣленіе можетъ дѣйствительно послужить предлогомъ новому взрыву пререканій и клеветъ со стороны отщепенствъ и невѣрія, это явленіе было бы тѣмъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ сверхъестественной дальновидности Первосвященства. Человѣческой близорукости приличествуетъ руководствоваться указаніями настоящей минуты; но Божественный Промыслъ зрѣть далѣе, и его начертанія оправдываются болѣею частію, только въ сокро-

венныхъ неизвѣстностяхъ будущности. А кто при совершенномъ положеніи общества, дерзнетъ — не говорю предсказать — то хоть съ малѣйшимъ вѣроятіемъ обозначить какія усложненія готовятъ намъ судьба? Кто скажетъ намъ, что принесетъ съ собою завтра? Кто въ состояніи указать на грозныя испытанія, скоро можетъ быть ожидающія Вселенскую Церковь, и при встрѣчѣ съ которыми единственнымъ орудіемъ спасенія ея, говоря человѣческимъ языкомъ, окажется именно верховное полномочіе, торжественно и единогласно признанное въ ея Первосвященникѣ? Кто въ состояніи рассчитать какого приращенія духовной власти требуетъ уже одна утрата свѣтской, лишившая Главу Вселенской Церкви всѣхъ матеріальныхъ гарантій личной свободы и независимости? „Уничтожьте свѣтскую власть, писалъ Фридрихъ Великій, и каждый Епископъ объявитъ себя Патріархомъ, и единство Церкви разсыплется въ прахъ.“ — Если слова протестантскаго Монарха на сколько нибудь справедливы, кто не пойметъ, что на челѣ Патріарха изъ Патріарховъ, Патріарха поистинѣ Вселенскаго, необходимо небесное сіяніе такого вѣнца, до котораго никакая другая человѣческая личность не дерзнула бы имѣть притязанія.

Что до насъ собственно касается, мы сознаемся, что неколебимо убѣжденные въ очевидномъ руководительствѣ Церкви Божественнымъ вдохновеніемъ, мы съ невозмутимымъ упованіемъ ожидали исхода великаго вселенскаго совѣщанія, и узнавъ о соборномъ рѣшеніи, вывели изъ него слѣдующее заключеніе: близкій безъ сомнѣнія во мракѣ шкваль угрожаетъ судну, ибо велѣно распускать вѣтрила, и повсюду зажигать огни.

§ 6.

Но не догматъ непогрѣшимости будетъ во всякомъ случаѣ виновникомъ этихъ бурь. Опредѣленіе его лишь еще крѣпче сплотитъ и утвердитъ единство Церкви. Неоднократно повторяли противники: единство это будетъ единство въ угнетеніи. На дѣлѣ же оказалось напротивъ, что это единство въ свободѣ. И неудивительно. Что въ продолженіи послѣднихъ трехъ вѣковъ, главнымъ образомъ поглощало дѣятельность Первосвященства? Необходимость повсемѣстнаго признанія своей Верховной власти. Окруженное со всѣхъ сторонъ враждебными ему правительствами, встрѣчая на своемъ пути отовсюду возникающія преграды, — и даже въ лонѣ подчиненнаго ему Епископскаго чина, — Первосвященству оставалось неизбежно избрать одно изъ двухъ: или преступно отречься отъ своего Божественнаго призванія, или тор-

жественно провозгласить и утвердить непререкаемость своего права. Какъ и слѣдовало ожидать, оно избрало послѣднее, и тѣмъ самымъ избавилось во вѣки отъ угнетавшей его обязанности строже и подробно вникать во всѣ частности церковной дисциплины, во всѣ вопросы, относящіяся къ іерархіи, словомъ во всѣ дѣйствія его сыновъ. Такова была постоянная, трех-вѣковая тяжелая забота Первосвященства. Вселенское признаніе непогрѣшимости, развязавъ ему руки, открываетъ новые пути его дѣятельности.

Созваніе Вселенскихъ Соборовъ, сопряженное доселѣ съ такими неудобствами, и даже съ опасностями относительно возможнаго нарушенія мира и согласія въ Церкви, не затруднится, а скорѣе облегчится соборнымъ приговоромъ. Нечего болѣе опасаться ни угрозъ свѣтскихъ правительствъ, ни политическихъ интригъ державъ, ни даже властолюбивыхъ, непокорныхъ домогательствъ изъ среды Епископства или духовенства. Печальные примѣры Костницкаго и Базельскаго Соборовъ впредь уже не мыслимы, и конечно когда настанутъ для Церкви дни скорби и тяжелыхъ испытаній, обеспеченное со всѣхъ сторонъ Первосвященство, охотнѣе и безопаснѣе прибѣгнетъ къ торжественному орудію вселенскаго церковнаго представительства.

Но другія еще выгоды истекаютъ для Церкви изъ соборнаго постановленія. Оно очевидно будетъ способствовать воссозданію помѣстныхъ, національныхъ Церквей. Было время, когда считалось необходимымъ сокрушить въ этихъ Церквахъ духъ сопротивленія, строитиво опиравшагося на свѣтской власти и грозившаго даже постепенно довести ихъ до отщепенства. Нынѣшнее же состояніе Церкви окончательно разсѣяло эту опасность, и потому легко будетъ Первосвященству заняться теперь другимъ обратнымъ неудобствомъ. Можно въ нѣкоторомъ отношеніи сказать, что въ настоящую минуту Епископство, въ корпоративномъ смыслѣ не существуетъ. Во всѣхъ странахъ свѣта существуютъ конечно Епископы, но одинокіе взаимно чуждые, окруженные враждебными гражданскими властями, безсилнѣе, — какъ безсилно все одинокое. Непогрѣшимый Первосвященникъ можетъ нынѣ безопасно устранить это неудобство. Онъ возстановитъ значеніе древнихъ Епископствъ, онъ возвратитъ имъ безвредныя уже теперь права и свободу дѣйствій, а съ ними и жизнедательную силу, необходимую въ виду предстоящихъ и близкихъ общественныхъ усложненій.

Наконецъ, священство и самые міряне, писатели, проповѣдники, глашатаи вѣры и истины извлекутъ несомнѣнную пользу изъ соборнаго опредѣленія. Они съ болѣею, впредь свободою и без-

опасностію подчинятся внушенію Духа Истины, яснѣе и глубже вникнуть въ значеніе церковнаго института. Они охотнѣе примутся снова за безсмертный подвигъ своихъ великихъ предшественниковъ, за догматическія изслѣдованія начатія, Греческими и Латинскими Отцами, продолженныя средневѣковыми учителями, и насильственно прерванныя церковными усложненіями трехъ послѣднихъ столѣтій. Возобновленіе и довершеніе громаднаго научнаго предпріятія по новымъ путямъ современной культуры, освѣтитъ Божественную истину яркимъ, проникающимъ лучемъ, обновитъ и усилитъ дѣятельность Христіанскаго Общества, и тѣмъ самымъ способствуетъ возвращенію къ вселенскому единству отдѣленныхъ братіевъ нашихъ, чувствующихъ неодолимую потребность несомнѣнности въ вѣрѣ, и не довольствующихся безжизненными формулами и изъясненіями наружной обрядности.

Вотъ при какихъ новыхъ условіяхъ подготовится послѣ трехъ вѣковаго, насильственнаго перерыва дивная великая эра, которою уже смутно прозрѣвалъ одинъ изъ глубочайшихъ мыслителей XIX столѣтія когда утверждалъ: „что мы очевидно приближаемся къ „величайшей религіозной эпохѣ Исторіи... къ необычному, чудесному обновленію стихійныхъ силъ Христіанства“¹⁾ и на которую позднѣе намекалъ также самъ Пій IX. когда повторялъ: „Да! „сбудется это торжество! Не вѣдаю сбудется ли оно при мнѣ, при „жизни старца, Намѣстника Христа, но вѣдаю, что оно несомнѣнно „сбудется. Настанетъ наконецъ день воскресенія, и сокрушатся „успѣхи нечестивыхъ.“ —

И мы, въ согласіи съ великими предвѣстниками, возлагаемъ также твердую надежду на близкое приращеніе Божественнаго свѣта и духовныхъ силъ въ человѣчествѣ, на благодатное обновленіе разумнаго міра, на предчувствіе такъ глубоко вкравшееся въ тайныя, всеобщія оживленія страждущихъ душъ. И мы привѣтствуемъ ихъ какъ новое средство, избранное Провидѣніемъ для утвержденія Вселенской Церкви, посреди скорбныхъ событій и грозящихъ ей отвсюду невзгодъ.

Догматическое опредѣленіе Ватиканскаго Собора составляетъ, такимъ образомъ, исходную точку новаго, знаменательнаго развитія Церкви, и существенную ось, около которой произойдетъ это движеніе. —

¹⁾ Графъ де Моэръ. — Петербургъ. вечера XI. разгов.

Заключение.

Я кончилъ свой трудъ. Я изложилъ по крайнему пониманію моему ученіе Вселенской Церкви относительно двухъ единственныхъ догматовъ, отдѣляющихъ ее отъ Греко-Россійской.

Не знаю на сколько мнѣ удалось оправдать въ глазахъ противниковъ толкованіе, основанное не только на откровеніи, т. е. на ясныхъ, формальныхъ свидѣтельствахъ Св. Писанія, но еще на непреложныхъ законахъ разума и логической послѣдовательности. Во всякомъ случаѣ, если бы даже я не достигъ своей цѣли, мнѣ не пришлось бы на мысль предположить, что неуспѣхъ мой могъ быть приписанъ недостатку добросовѣстности или безпристрастія въ противникѣ. Напротивъ, вслѣдствіе особенныхъ — и долженъ сознаться довольно рѣдкихъ обстоятельствъ, — я лучше другаго, можетъ быть, понимаю на сколько предвзятія мнѣнія и безотчетно усвоенныя себѣ точки зрѣнія, могутъ долго упорствовать въ челоуѣкѣ, вопреки непререкаемости убѣдительнѣйшихъ доказательствъ. Скажу болѣе, я съ сочувственнымъ участіемъ всегда относился къ этому естественному свойству нашего немощнаго разума. Вотъ почему я не желалъ бы разстаться съ читателемъ, не представивъ ему на обсужденіе еще одну, послѣднюю мысль, на которой примиреніе самыхъ противорѣчущихъ убѣжденій могло бы, мнѣ кажется, безпрепятственно состояться.

Не знаю удобнѣйшаго способа для взаимнаго соглашенія въ преніяхъ, какъ стать самому подъ уголъ зрѣнія прекословника. Представимъ себѣ, такимъ образомъ, что не изложенное мною ученіе, а напротивъ враждебное намъ толкованіе, согласно съ откровеніемъ, съ законами разума и со свидѣтельствами преданія и церковной древности. Не согласится ли всякій добросовѣстный Христіанинъ, что и при такой даже постановкѣ вопроса, величайшимъ благодѣяніемъ для обѣихъ Церквей было бы тѣмъ не менѣе возстановленіе обоюднаго общенія между ними, а неминуемое его послѣдствіе: громадное, чудное, неисчислимое приращеніе силъ во всемъ Христіанскомъ обществѣ вселенной? Какую дивную, нетронутую новъ народной почвы принесла бы съ собою Русская Церковь; какимъ запасомъ науки и духовной жизни, какимъ неисчерпаемымъ родникомъ дѣятельности и бодрственнаго убѣжденія, обогатила бы ее съ своей стороны Вселенская! . . . И когда бы могло быть такое явленіе болѣе богатнымъ, какъ не въ эпоху всеобщаго ослабленія Христіанскаго чувства въ мірѣ, въ такую эпоху гдѣ до основанія потрясено политическое и со-

ціальное зданіе, воздвигнутое подъ сѣнію Голгоетскаго Креста и укрывавшее въ продолженіи девятнадцати столѣтій историческое развитіе человѣчества.

Вотъ, если не ошибаюсь, лучшей практической выводъ, который слѣдовало-бы извлечь изъ всевозможныхъ преній и доктринальныхъ споровъ, раздѣляющихъ уже болѣе тысячи лѣтъ двухъ, нѣкогда тѣсно связанныхъ единокровныхъ сестеръ.

Конечно, возражать мнѣ на это, что суетное желаніе лишено всякаго значенія, ибо для его осуществленія было-бы необходимо, чтобъ одна изъ двухъ Церквей согласилась отречься отъ своей вѣры, и принять другую; а такъ какъ предположеніе это обоюдно несбыточно, то вопросъ продолжаетъ вращаться въ безысходномъ кругу.

Я никакъ не могу согласиться, что положеніе обѣихъ Церквей было бы въ этомъ отношеніи тождественно.

Дѣйствительно, Вселенская вѣра обладаетъ тѣмъ своеобразнымъ свойствомъ, что нѣтъ возможности покинуть ея лоно, отречься отъ ея ученія, словомъ перейти отъ нея въ другую вѣру, безъ совершенія тѣмъ самымъ, прямого, формальнаго вѣроотступничества. Обратное же явленіе, т. е. обращеніе изъ какаго бы ни было иновѣрія во Вселенство напротивъ существенно исключаетъ эту грустную, унижительную для человѣческаго достоинства неизбѣжность.

Постараюсь объяснить яснѣе:

Истина, — религиозная какъ и всякая другая, можетъ быть, конечно, только одна. Не стану доказывать очевидности; всякому доступно, что дважды два не могутъ безразлично быть одновременно и четыре, и пять. Слѣдов., не предрѣшая нисколько вопроса о томъ, какая именно религія истинная, необходимо признать, — если только, какъ подобаетъ каждому Христіанину, мы вѣримъ что религиозная истина обрѣтается въ мірѣ, — что между всѣми существующими вѣрами одна только можетъ обладать всецѣло-полною истиною, и что всѣ прочія настолько правы, насколько съ ея ученіемъ согласны, и настолько блуждаютъ на сколько отрицаютъ его. Изъ этаго непреложнаго закона вытекаетъ слѣдующее заключеніе: Всякій христіанинъ, обладающій истинною вѣрою, — въ какой бы изъ Церквей она не обрѣталась, — не можетъ перейти въ другую, безъ положительнаго отступничества отъ того, во чтѣ прежде вѣрилъ; ибо всякое иновѣріе отрицаетъ какую нибудь часть, или какія нибудь части истины. Напротивъ, всякій иновѣрецъ, обращающійся въ истинную вѣру ни отъ чего не отрывается; онъ продолжаетъ вѣрить во все то,

во что вѣрилъ и до того, и дополняетъ только свою прежнюю вѣру нѣкоторыми новыми, дотолѣ ему невѣдомыми истинами. Въ теоріи, явленіе это очень просто, и всякому доступно и понятно; такъ какъ истина есть нѣчто положительное, а всякая неправда, всякое заблужденіе, по существу ничто иное какъ отрицаніе.

При подробнѣйшемъ же разборѣ сказывается на практикѣ, что Вселенская вѣра одна обладаетъ вышеуказаннымъ свойствомъ, или преимуществомъ, составляющимъ, какъ мы видѣли, исключительную принадлежность истины. Дѣйствительно, представимъ себѣ католика, отрекшагося отъ своей вѣры, для перехода въ какой угодно иной толгъ. Онъ тѣмъ самымъ по необходимости долженъ отречься отъ одной или отъ нѣсколькихъ истинъ, въ которыя вѣрилъ до тѣхъ поръ. Ибо не существуетъ иновѣрія, не отрицающаго какую либо часть Вселенскаго ученія. Напротивъ, всякій иновѣрецъ, принимающій Вселенскую вѣру, продолжаетъ невозмутимо исповѣдывать всѣ положительныя истины, которыя исповѣдывалъ дотолѣ, и только пріобрѣтаетъ вѣру въ нѣкоторыя новыя, прежде не доступныя ему истины.

Попробуйте примѣнить этотъ общій законъ къ какому угодно частному случаю, и вы найдете что онъ всегда окажется непреложнымъ. Для краткости обратимся здѣсь только къ примѣру, почерпнутому изъ Греко-Россійской вѣры. Переходъ изъ Вселенства въ эту вѣру влечетъ неизбѣжно за собою для переходящаго необходимость отречься, по крайней мѣрѣ отъ двухъ положительныхъ догматовъ своей Церкви. До сихъ поръ онъ вѣрилъ въ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, онъ вѣрилъ въ установленное Самимъ Христомъ церковное Главенство Первосвященства. Переходя въ иновѣріе, онъ долженъ формально отступить отъ вѣры, сдѣлаться ренегатомъ относительно обоихъ догматовъ. — Напротивъ, Грекъ или Русскій, обращающійся въ вѣру Вселенскую, продолжаетъ вѣрить всему безъ исключенія, чему вѣрилъ прежде, онъ не отрекается ни отъ единадо изъ всѣхъ дорогихъ его сердцу догматовъ вскормившей его Церкви, и убѣждается просто въ непререкаемости двухъ, дотолѣ невѣдомыхъ ему истинъ.

Всякій пойметъ, какое громадное между собою различіе представляютъ достоинству и совѣсти честнаго человѣка, — даже при совершенномъ отстраненіи вопроса о томъ, какая религія истинная, — съ одной стороны формальное вѣроотступничество, съ другой простое признаніе какой либо новой, дотолѣ недоступной ему истины.

Понятно, что все сказанное здѣсь относительно вѣры Греко-Россійской, еще осязательнѣе примѣняется и ко всѣмъ прочимъ иновѣріямъ, такъ какъ они отрицають еще гораздо бѣльшее число догматовъ Вселенской Церкви.

Такимъ образомъ отърывается какой то дивный, поражающій законъ іерархической подчиненности въ уклоненіи отъ истины, въ религіозномъ заблужденіи. Законъ этотъ можетъ быть строго выраженъ слѣдующею аксіомою:

Переходъ изъ какой бы ни было вѣры въ другую, перестаетъ быть вѣроотступничествомъ по мѣрѣ того, какъ переходящій возносится отъ вѣры отрицающей болѣе истинъ, къ вѣрѣ отрицающей менѣе истинъ, доколѣ наконецъ достигаетъ вѣры абсолютно истинной, обращеніе въ которую уже существенно исключаетъ всякую возможность вѣроотступничества.

И обратно:

Переходъ изъ какой бы ни было вѣры въ другую, всегда сопряженъ съ вѣроотступничествомъ по мѣрѣ того, какъ переходящій нисходитъ отъ вѣры отрицающей менѣе истинъ до вѣры отрицающей болѣе истинъ; а слѣдов. переходъ отъ вѣры абсолютно истинной въ какую бы ни было другую безъ формальнаго вѣроотступничества совершенно не мыслимъ.

Такимъ образомъ очевидно, что во взаимномъ положеніи Церквей между собою, относительно возстановленія первобытнаго единства, никакого равенства существовать не можетъ. Но кромѣ изложенныхъ причинъ, неравенство это зависитъ еще и отъ другихъ.

Продолжая отстраняться отъ вопроса: какая изъ обѣихъ Церквей истинная, обратимъ вниманіе на одно, весьма знаменательное обстоятельство. Всѣ Церкви Христіанскія, за исключеніемъ Вселенской, суть Церкви чисто національныя, существенно помѣстныя. Мы уже неоднократно упоминали о томъ, когда указывали выше на непостижимое ослѣпленіе тѣхъ, кои оторвавшись отъ Вселенства, до такой степени окоченѣли въ партиуляризмъ, въ національности, что утратили во вѣки всякую даже возможность расширить предѣлы своей Церкви внѣ черты народной территоріи, — а тѣмъ не менѣе продолжаютъ гласно изрекать сами себѣ осужденіе, торжественно исповѣдуя что вѣруютъ въ Церковь только соборную, т. е. вселенскую. Къ этому замѣчанію присовокупимъ теперь, что понятіе это о существенной національности собственной вѣры до того всосалось въ общественное ихъ сознаніе, что наприм. въ Россіи оно даже олицетворилось, такъ сказать въ знаменитомъ изреченіи: „Русскій

Богъ“, приобрѣвшемъ право гражданства не только въ народномъ языкѣ, но въ литературѣ и самой поэзіи. Я впрочемъ нисколько не имѣю въ виду возставать здѣсь противъ чудовищности выраженія, хотя она такъ разительна, что оборотъ этотъ не только радикально не переводимъ на какомъ бы то ни было другомъ нарѣчій, но для иностранца не представляетъ даже ровно никакого смысла; ибо для Француза, Англичанина, Нѣмца, и т. д. слова: *le Dieu français, the englisch God, der deutsche Gott*, были бы абсолютнымъ безсмыслиемъ. Нѣтъ, я просто упомянулъ объ этомъ уродливомъ понятіи для того только, чтобъ доказать до очевидности національный помѣстный характеръ вѣры, исповѣдующей однако необходимость вселенства истинной Церкви Христовой.

Но если такъ, кто жъ опять не пойметъ, что когда дѣло идетъ о воссоединеніи части съ цѣлымъ, члена съ организмомъ, области съ Государствомъ, взаимное отношеніе соединяемыхъ предметовъ между собою далеко не тождественно. И какого мнѣнія были бы о разсудкѣ хирурга, полагающаго что въ ринопластикѣ¹⁾ не членъ приставляется къ лицу, а лицо къ отдѣленному члену; или о политикѣ, воображающемъ что не Крымскій полуостровъ былъ присоединенъ къ Россійской Имперіи, а Россійская Имперія къ Крымскому полуострову?

И такъ, въ какомъ бы предположеніи не разсуждали и даже съ точки зрѣнія самихъ противниковъ, вынужденно приходимъ къ двумъ слѣдующимъ заключеніямъ:

1°) Возвращеніе обѣихъ Церквей къ древнему единству представляется величайшимъ благодѣяніемъ для всего современнаго Христіанскаго человѣчества.

2°) Сама дѣйствительность фактовъ насильственно предписываетъ разуму выборъ исключительно-раціональнаго пути для достиженія великой цѣли.

Пусть же будетъ это слово примиренія и согласія — послѣднимъ. Пусть въ особенности будетъ выведено изъ него самое главное, самое существенное для дѣла практическое послѣдствіе, а именно то: что если суждено великому событію когда либо совершиться, тяжелую, позорную отвѣтственность навлекутъ на свою совѣсть всѣ, не постыдившіеся намѣренно препятствовать

1) Во избѣжаніе всякаго пререканія спѣшу заявить, что мнѣ вполне извѣстно, что въ ринопластикѣ вставляется въ лице не принадлежащая ему часть, а специально выдѣланная съ этою цѣлью. Прошу по этому принять приведенное сравненіе не буквально, а въ томъ смыслѣ, въ которомъ я имѣлъ въ виду воспользоваться подходящимъ примѣромъ, для поясненія моей мысли.

предначертаніямъ Божественнаго Промысла, или по крайней мѣрѣ замедлить ихъ исполненіе; а напротивъ, что всякое сильное, искреннее содѣйствіе достиженію благодатной дѣли, составляетъ прямую, священную обязанность не только для вѣрующаго христианина, но даже для всякаго гражданина, съ безкорыстнымъ убѣжденіемъ преданнаго своему отечеству.

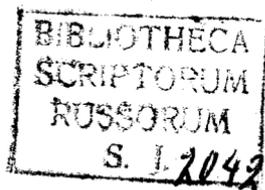
Заявленіе.

При окончаніи настоящаго труда, считаю долгомъ софисти заявить:

Во первыхъ, во избѣжаніе всякаго нареканія, что имѣя въ виду изложить сущность и настоящій смыслъ двухъ догматовъ, отдѣляющихъ Греко-Россійскую вѣру отъ Вселенской, я постоянно вмѣнялъ себѣ въ обязанность знакомить читателя не съ собственными мудрствованіями, а гораздо болѣе, и часто отъ слова до слова съ доводами, взглядами и соображеніями вселенскихъ Богослововъ, мыслителей и публицистовъ, извлеченными изъ лучшихъ ихъ сочиненій по этимъ двумъ предметамъ. А потому не достоинства непосильнаго труда, — если только на предыдущихъ страницахъ какія найдутся, — а единственно недостатки, коими онъ изобилуетъ, имѣю право себѣ приписать; такъ какъ въ плохомъ употребленіи отборныхъ матеріаловъ всегда повиненъ неискусный строитель.

Во вторыхъ, что если за отсутствіемъ всякаго научнаго духовнаго руководительства, въ сказанномъ доселѣ что-либо невольно, но незнанію, оплошности, непониманію, невѣрности или неясности мысли или выраженія, было изображено мною въ несогласіи съ ученіемъ Вселенской Церкви, я все то, безъ всякаго изыятія и оговорки, заранѣе самъ осуждаю, отвергаю, и съ полнымъ, несомнѣннымъ убѣжденіемъ отрицаю; торжественно сознавая, и гласно исповѣдая что внѣ ея верховнаго ученія и власти нѣтъ, и не можетъ быть, ни Божественной истины, ни православія вѣры.

С. Богородское,
10го Августа 1886 г.

Типографія Юліуса Клінкгарда въ Лейпцигѣ.